

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ —
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

**РУССКИЕ ИМЕНА
ПОЛОВЕЦКИХ КНЯЗЕЙ**

**МЕЖДИНАСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТРОПОНИМИКИ**

Москва
2013

УДК 81'373
ББК 63/3(2)4
Л 64

Ответственный редактор к. фил. н. Ю. В. Кагарлицкий

Рецензенты: чл.-корр. РАН А. А. Гиппиус,
чл.-корр. РАН Т. М. Николаева

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.

Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики / Отв. ред. Ю. В. Кагарлицкий. – М.: ПОЛИМЕДИА, 2013. – 280 с.

ISBN 978-5-7576-0305-6

Русскую историю второй половины XI — начала XIII в. попросту невозможно изложить без постоянного упоминания половцев. Взаимодействие с этими кочевниками, однако, не сводилось к прямому военному противостоянию. Рюриковичи с самого начала стремились использовать «атомную энергию» половецких кланов в собственной внутридинастической борьбе, не переставая, впрочем, время от времени объединяться в общерусских походах на половцев. При этом на протяжении многих десятилетий русские князья женились на половчанках, гостили у своих степных союзников и принимали их у себя, вырабатывали общие дипломатические практики и церемониалы. Одним из воплощений русско-половецкого взаимодействия, своеобразным ступнем династической истории, оказываются «русские» имена, неожиданно появляющиеся у половецких князей. Корпус этих имен относительно невелик, но история их функционирования позволяет выявить многие важные аспекты в том переплетении «своего» и «чужого», которое характеризует сосуществование русского правящего рода и половецкой элиты на протяжении почти двухсотлетнего периода.

При оформлении обложки были использованы фотографии, любезно предоставленные др. А. Голембовской-Тобиаш.

© Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Текст, схемы, 2013
© Институт славяноведения РАН, 2013

О Г Л А В Л Е Н И Е

ОТ АВТОРОВ

7

I.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА КУЛЬТУРНУЮ СИТУАЦИЮ РУССКО-ПОЛОВЕЦКИХ КОНТАКТОВ

9

(Смена веры и различные модели трансляции имени. — Половцы как брачные партнеры Рюриковичей. — Русское родословие половецких элит. — Некоторые особенности «половецкого фактора» в картине мира «Повести временных лет». — Конфессиональные характеристики половцев в рассказе древнейших летописей о событиях XII – первой половины XIII в. — Когда и при каких обстоятельствах принимали крещение половецкие князья? — Нелетописные источники о соприкосновении половцев с христианством. — Состав и специфика христианского именослова половцев. — Династические функции христианского имени у Рюриковичей. — Как половцы могли воспринимать династические имена русских князей? — Кто давал половцам русские имена, «свои» или «чужие», и кто этими именами пользовался? — К проблеме русско-половецкой родовой двуименности. — Общие замечания.)

II.

ИМЕНА И ИХ ОБЛАДАТЕЛИ

ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ)

91

(Брак Кончаковны и Игоревича в контексте матримониальной практики Ольговичей. — Предыстория взаимоотношений двух сватов. — Наследники двух союзников. — Функции имени Георгий (Юрий) у Рюриковичей и половцев. — Имена как элемент внешней и внутренней семейно-политической стратегии Игоря и его братьев. — Русское имя половецкого князя за пределами Руси. — Общие замечания.)

Д А Н И И Л	126
(Особенности бытования имени Даниил у Рюриковичей. — Происхождение и биография половецкого Даниила. Источники, разночтения. — В поисках прототипа: Всеволод Святославич-старший. — В поисках прототипа: Всеволод Святославич-младший. — В поисках прототипа: иные модели, иные возможности? — Общие замечания.)	
Р О М А Н	147
(Три половецких наследника с русскими именами. — Половецкие вожди и смоленские Ростиславичи. — Белюк — дед половецкого Романа? — В поисках прототипа: Роман Ростиславич, Роман Изгоревич, Роман Мстиславич. — Общие замечания.)	
Г Л Е Б	166
(Место князя по имени Глеб в половецком родовом мире. — Функция имени Глеб у Рюриковичей. — В поисках прототипа: Глеб Юрьевич. — В поисках прототипа: потомки Всеволодко Городенского. — Потенциальные союзники отца половецкого Глеба. Иерархия возможностей. — Иные модели имяназвания. — Общие замечания.)	
Я Р О П О Л К	190
(Половецкий фон появления нехристианского русского имени. — Русские князья, обладатели имени Ярополк. — Имя Ярополк в ряду династических имен Рюриковичей. — Имя Ярополк на Руси за пределами княжеской династии. — Общие замечания.)	
В А С И Л И Й	209
(Упоминание Василия Половчина: нарративный контекст и антропонимический конвой. — Половец ли Половчин? — Имя Василий в ряду династических имен Рюриковичей. — Версия половецкого происхождения посла Василия. — Общие замечания.)	

Д А В Ы Д	230
(Терминология родства и свойств в перечне половецкой знати. — Давыдович – русский князь? — Давыдович – князь половецкий? — Общие замечания.)	

III.

РИТМ И ХАРАКТЕР РУССКО-ПОЛОВЕЦКИХ КОНТАКТОВ ПО МАТРИМОНИАЛЬНЫМ И ОНОМАСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	248
СОКРАЩЕНИЯ И ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	267
SUMMARY	278

ОТ АВТОРОВ

В предлагаемом читательскому вниманию исследовании есть некоторые особенности изложения, которые авторы хотели бы оговорить заранее.

В данной работе мы старались последовательно придерживаться принципа своеобразного герметизма. Очевидно, что половцы в интересующую нас эпоху соприкасались со многими народами, а их деяния и история отражены в весьма разнородных средневековых памятниках. Тем не менее мы сочли целесообразным ограничиться на этом уровне исследования рассмотрением их взаимоотношений исключительно с Русью. Соответственно, и круг наших источников по преимуществу был ограничен текстами, созданными на Руси.

Кроме того, мы сознательно воздерживались от анализа этимологии, семантики и особенностей бытования основной массы традиционных половецких имен, которые принято обозначать как тюркские. Наша работа сосредоточена вокруг особой группы ономастических единиц, которые мы охарактеризовали словосочетанием *русские имена*, хотя по своему происхождению практически ни один из этих антропонимов не является собственно восточнославянским — речь идет о христианских и двусоставных славянских именах, которые были укоренены на Руси и проникли в ономастикон половецкой элиты. Поскольку из всех кочевников, с которыми соприкасалась русская правя-

щая династия, мы занимаемся лишь половцами, слова *кочевники*, *степняки* и производные от них эпитеты при отсутствии специальных уточнений применяются именно к ним.

Говоря о периодизации русско-половецких отношений, мы не ставили перед собой задачи сформировать их строгую хронологическую сетку, но попытались наметить ряд постепенно сменяющих друг друга этапов культурного взаимодействия между правящими родами Руси и кочевников.

Наша работа не содержит отдельного историографического обзора, хотя, выдвигая то или иное предположение, мы стремились учесть, обсудить или упомянуть мнения наших коллег и предшественников по соответствующему вопросу.

Авторы выражают свою признательность всем тем, кто помогал на разных этапах написания этой книги. В первую очередь, хотелось бы поблагодарить А. Ю. Виноградова, А. А. Гиппиуса, Д. Домбровского, С. М. Михеева и Р. П. Храпачевского. Отдельная благодарность участникам семинара Лаборатории лингвосомиотики факультета филологии Национального исследовательского университета — «Высшая школа экономики», принимавшим живое участие в обсуждении русских имен у половецких князей.

I.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА КУЛЬТУРНУЮ СИТУАЦИЮ РУССКО-ПОЛОВЕЦКИХ КОНТАКТОВ

(Смена веры и различные модели трансляции имени. — Половцы как брачные партнеры Рюриковичей. — Русское родословие половецких элит. — Некоторые особенности «половецкого фактора» в картине мира «Повести временных лет». — Конфессиональные характеристики половцев в рассказе древнейших летописей о событиях XII – первой половины XIII в. — Когда и при каких обстоятельствах принимали крещение половецкие князья? — Нелетописные источники о соприкосновении половцев с христианством. — Состав и специфика христианского именослова половцев. — Династические функции христианского имени у Рюриковичей. — Как половцы могли воспринимать династические имена русских князей? — Кто давал половцам русские имена, «свои» или «чужие», и кто этими именами пользовался? — К проблеме русско-половецкой родовой двуименности. — Общие замечания.)

Описание половецко-русских контактов, воплощающихся не только в постоянных мелких и крупных военных столкновениях, но и в мирных договорах, военно-политических союзах, междинастических браках, родственных связях и, наконец, попросту в личных отношениях, занимает в древнейшем русском летописании, посвященном домонгольскому времени, место столь обширное и значительное, что по масшта-

бам оно уступает разве что описанию истории самого рода Рюриковичей. Если говорить о событиях конца XI — начала XIII в., то одно в определенном смысле оказывается практически неотделимым от другого — рассказ об истории русской правящей династии попросту невозможен без рассказа о ее взаимодействии с этим кочевым народом.

В нашей работе мы сосредоточимся по преимуществу лишь на одном и, казалось бы, довольно скромном симптоме этого взаимодействия — небольшой группе имен, явным образом пришедших к половцам извне, скорее всего, непосредственно с Руси. Мы полагаем, однако, что история имени является едва ли не самым подходящим исходным плацдармом для воссоздания картины контактов средневековых народов, в особенности если один из них, подобно половцам, не имеет собственной письменной традиции.

Действительно, с одной стороны, запечатленные в русских источниках имена и указания на родство и свойство отдельных представителей половецкой знати составляют те «минимальные кванты» относительно достоверной информации, которая была безусловно значима и в высшей степени актуальна для родового сознания людей эпохи Средневековья. С другой стороны, понимание места и функции каждого из этих элементов требует от современного исследователя не только анализа их совокупности, но и своеобразного перебора всех имеющихся данных о половцах той эпохи, соприкасавшихся с Русью.

Иными словами, исследование исторической семантики имени позволяет, на наш взгляд, привести в

некий порядок многообразные, разноуровневые, а порой и разноречивые свидетельства русских памятников об этих кочевниках, разглядеть определенную системность и временную эволюцию в том пестром, красочном и в то же время отчасти монотонном перечне столкновений и перемирий, который летописи предоставляют в наше распоряжение.

Смена веры и различные модели трансляции имени. — Еще Н. М. Карамзин в примечаниях к своей истории обращал внимание, что у представителей половецких родов встречаются имена, заведомо связанные с Русью и явно выделяющиеся на фоне общей массы автохтонных именований степняков, в изобилии представленных в летописи. При этом в его труде специально не противопоставлены языческие по происхождения двусоставные славянские антропонимы, обладателями которых оказывались некоторые половцы (например, *Ярополк Томзакович*), и встречающиеся в той же среде имена христианские (например, *Юрий Кончакович*)¹.

Как мы постараемся продемонстрировать ниже, такой объединяющий взгляд имеет под собой определенные основания. Тем не менее, чтобы оценить его продуктивность следует, как кажется, обратить отдельное внимание на христианские, календарные имена кочевников. Нельзя не отметить, что их заметно больше, чем славянских двусоставных — здесь едва ли оправданы точные количественные подсчеты, так как не

¹ И те, и другие имена в труде Н. М. Карамзина выделяются единообразно (курсивом), но никак не комментируются.

все случаи функционирования подобных именований в летописи одинаково прозрачны, но все же можно утверждать, что число известных нам у половцев календарных имен практически втрое превышает число русских некалендарных.

Ни те, ни другие антропонимы никогда не становились предметом отдельного исследования — если они и привлекали внимание, то прежде всего в связи с проблемой конфессиональной принадлежности их обладателей. Можно сказать, что в историографии сложилось две тенденции в отношении к этому вопросу, которые с большой долей условности можно обозначить как «старую» и «новую». Для одних исследователей наличие календарного имени у половца, жившего в XII — начале XIII в., автоматически, без дальнейшего обсуждения, свидетельствует о том, что его обладатель был крещен, а самая эта презумпция служит веским аргументом в пользу распространенности христианства у этих кочевников вообще². Другие же, равным образом не останавливаясь на данном вопросе подробно, исходят из того, что заимствование имени отнюдь не всегда и далеко не обязательно означало приобщение к вере³.

Вообще говоря, ономастическая аргументация в перспективе изучения христианизации кочевников весьма весома, однако для ее адекватного применения недостаточно, на наш взгляд, простой констатации

² См., например: [Попов 1949, 104; Плетнева 2010, 153–154; Golden 1990, 283; Golden 1998; Толочко 2003, 129; Осіп'ян 2005, 10; Голден 2008, 326; Пилипчук 2013-а, 91].

³ См.: [Голубовский 1884, 225; Грушевський, II, 537–538].

присутствия календарного имени в той или иной этнической или социальной среде — необходим последовательный культурно-исторический анализ всего комплекса этих христианских имен.

В самом деле, для интересующей нас эпохи, особенно в условиях межкультурного пограничья, в зонах, где тесно соприкасаются носители разных языков и разных антропонимических традиций, выбор имени не вполне оправданно воспринимать как однозначный маркер конфессии. Появление новых имен не всегда означает смену религиозной принадлежности, равно как и отсутствие таких ономастических нововведений вовсе не обязательно свидетельствует о том, что подобной смены не произошло. Условно говоря, тот любопытный и вместе с тем вполне заурядный для Скандинавии факт, что в качестве ревностного поборника и хранителя христианских норм в Исландии выступал епископ, чьим именем (по всей видимости, единственным) было языческое теофорное *Торлак* (*Þorlákr*), в сущности, совершенно синхронен тому обстоятельству, что среди молодых половецких князей, совершавших набеги на Русь, фигурируют *Роман* и *Даниил* — и то, и другое имело место во второй половине XII в.

Если сосредоточиться по преимуществу на родовом именослове, то здесь механизм инновации и вовсе не обязательно связан с переменой веры. Консерватизм — одна из характернейших черт традиционного имянаречения, оно основано на воспроизведении определенных принципов выбора имени, а во многих культурах немалую роль играет и простой поколенческий повтор тех или иных ономастических единиц или их

элементов. Тем не менее, консерватизм этот, особенно в том, что касается конкретного набора имен, никогда не бывает абсолютным. Подобно тому, как существуют и поддаются описанию стандартные способы поддержания стабильности родового ономастического, существуют и стандартные пути его расширения и обновления, сколь угодно постепенного и медленного. Упомянем лишь некоторые из довольно большого числа универсальных и/или довольно распространенных в эпоху Средневековья моделей антропонимической трансляции, вовлекающих в этот процесс как языческие, так и христианские имена.

Новое для той или иной традиции имя может прийти из рода матери, как это случилось с датским конунгом Вальдемаром Великим, родившимся на Руси и нареченным в честь своего русского прадеда Владимира Мономаха и передавшим это имя своим потомкам [Ф. Б. Успенский 2002, 34–35, 43–44], хотя в целом выбор имени в скандинавских династиях достаточно жестко ориентирован на предков по мужской линии. Чуждое роду имя ребенок мог получить по повороту своего отца, как это нередко бывало, например, в средневековой Исландии. Оно могло стать подарком от вышестоящего, что имело место, когда обладатель христианского антропонима, конунг Норвегии Магнус Добрый, подарил это свое имя дружиннику Торстейну Хальссону, дабы тот нарек им сына, которому только предстояло появиться на свет [Ф. Б. Успенский 2001, 26, 92]. Собственное языческое имя правитель-христианин мог пожаловать подданному вместе с титулом: так поступил норвежский король Хакон Хаконарсон,

когда сделал конунгом Гебридских островов некого Оспака и заодно дал ему свое имя *Хакон* [Ф. Б. Успенский 2001, 77, 119].

Хорошо известны случаи, когда новый член семьи, извне пришедший в правящую династию, получает новое имя, причем этот акт может быть связан с отраженной в именах идеей преемственности властных привилегий, а может быть от нее относительно независим, самое же имя может с равным успехом быть и календарным, и нехристианским. Так, принцесса Ингигерд, представительница христианского шведского дома, выйдя замуж за христианина Ярослава Мудрого, получила (судя по всему, в своей русской семье) новое календарное имя *Ирина*.

Напротив, половчанка, ставшая женой грузинского царя Давида Строителя и крещеная, скорее всего, именно ради вступления в этот брак, известна в хрониках как *Гурандухт*, т. е. под персидским именем, которое, разумеется, не было календарным, но принадлежало к числу женских династических имен Багратидов (так звали, в частности, двоюродную бабушку ее мужа). Обратим внимание, что сам царь был обладателем библейского имени *Давид* — христианские имена давно уже стали династическими для многих из его предков и ближайших родичей и функционировали в этом качестве наряду с нехристианскими именами других представителей того же правящего рода [Toumanoff 1990, 134–135, № 22].

Напрямую с идеей передачи власти было связано, как известно, получение венгерским династом Белой, которого византийский император Мануил Комнин

прочил себе в зятя, нового, христианского имени *Алексей*. Имя это было не только родовым для Комниных, но и связывалось с предсказанием о возможности удержать верховную власть в семье.

Благодаря различным апотропеическим практикам, ребенку может целенаправленно даваться, например, имя врага, и в христианских семьях таким образом время от времени появляются мусульманские или языческие по происхождению антропонимы, в целом данному роду отнюдь не свойственные, как это произошло в свое время с заимствованием турецких имен в армянской среде.

Новое имя может даваться наследнику в связи с переселением его семьи на новые территории и соответствующим изменением родовой прагматики. Именно так, по-видимому, сын Игоря и Ольги, обладателей скандинавских по происхождению имен, получает славянское двусоставное имя *Святослав* — мы не можем сказать ничего определенного относительно того, были ли у его отца союзники или побратимы с таким именем, но едва ли в скандинавском антропонимиконе его предков с отцовской стороны могло бы появиться подобное новшество, если бы семья не была ориентирована на обладание властью и землями у славян.

Отдельный, весьма многообразный и интересный для исследования пласт составляют имена, приобретаемые вне семьи, те, что человек получает от инокультурного окружения или подбирает для себя сам, оказавшись в конфессионально или лингвистически чуждой среде. Нередко здесь применяются инструмен-

ты пересчета, позволяющие трансформировать исходное родовое именование в некое новое, более привычное для его среды на основе фонетического или семантического подобия, причем как первое, так и второе может строиться на различных принципах и трактоваться весьма широко (ср.: [Гиппиус & Успенский 2000]). С другой стороны, новое инокультурное имя может и не иметь отчетливо прослеживаемой связи с именем, так сказать, исходным. В любом из этих случаев перемена подобного рода далеко не всегда связана с принятием христианства или отказом от него. Такие приобретенные в течение жизни имена в принципе могут повторяться в последующих поколениях, хотя вероятность этого заметно меньше, нежели в тех случаях, когда новое для рода имя дается в семье, родной по крови или приобретенной по браку.

Перечень различных моделей переноса имени в пространстве родового мира без труда может быть существенно расширен. В целом скорее оправданно говорить о том, что христианская практика наделения новым, календарным именем при крещении (а также возможность перемены имени при пострижении в иночество) задействует более универсальные и весьма древние представления, согласно которым всякое принятие нового имени конкретным лицом означает кардинальное — бесповоротное или временное — сущностное изменение этого лица, исчезновение одной индивидуальной субстанции и появление другой.

Разумеется, неверно было бы утверждать, что в интересующую нас эпоху принадлежность того или иного антропонима к христианскому ономастикону была

обстоятельством вовсе не значимым при осуществлении процессов антропонимической трансляции, однако то был лишь один из многих факторов, определяющих возможность наречения ребенка или взрослого «неожиданным» именем. Необходимо учитывать при этом, что за каждым актом реализации любых относительно универсальных схем заимствования, переноса ономастических единиц у конкретного народа в тот или иной отрезок времени стоит вполне определенная, зачастую уникальная культурная ситуация. Именно эту многостороннюю ситуацию русско-половецкого взаимодействия второй половины XI — начала XIII в. нам предстоит оценить, прежде чем мы займемся судьбой конкретных антропонимов, перешедших, как мы полагаем, из русской среды в половецкую.

Оговоримся сразу, что значительная часть приведенных выше примеров не даром связана с династическим обиходом. Настоящая работа задумана как часть более общего исследования по истории династии Рюриковичей и ее взаимодействия с другими правящими семьями в Европе и за ее пределами. Поэтому нас будут интересовать по преимуществу имена половецкой элиты, тех, кого русские летописцы именовали *князьями половецкими* — именно их родовой уклад, политические стратегии и конфессиональная принадлежность актуальны в первую очередь для изучения истории русского княжеского дома.

Подобное ограничение не ведет к существенному сокращению единиц исследуемого именослова, поскольку почти все половцы, фигурирующие в летописи под русскими именами — это князья или люди,

непосредственно к ним приближенные, однако множество обладателей русских имен и множество половецких князей с христианскими именами совпадают, если так можно выразиться, не полностью, на чем мы подробнее еще остановимся далее.

Правящие семьи — и половцы, судя по всему, не составляют здесь исключения — проявляют особое внимание, а зачастую и особый, усиленный консерватизм, в том, что касается выбора имен для наследников власти, каждая инновация в этой сфере как правило оказывается своеобразным и весьма веским политическим высказыванием на языке имен. Поэтому исследование проникновения инокультурных антропонимов в данную среду подразумевает не только анализ конфессиональной ориентации, но, не в меньшей степени, описание матримониальной стратегии, а отчасти и дипломатических и военных практик. Важным аспектом изучения оказывается также функция и статус заимствуемых имен в той традиции, откуда они приходят. Как мы уже отмечали выше, картина ономастических заимствований у правящего рода воплощает в себе чуть ли не всю картину его контактов с другим народом — имя оказывается той нитью, потянув за которую, рискуешь извлечь на поверхность весь запутанный клубок межкультурного и межэтнического взаимодействия, охватывающего целую эпоху.

Необходимо учитывать, разумеется, что воззрения половецкой элиты на брак и родство, их религиозные представления, не говоря уже об ономастических пристрастиях, мы наблюдаем, так сказать, глазами одной из заинтересованных и при этом заведомо чуждых ей

сторон — сквозь призму древнерусских источников, которые и сами по себе весьма неоднородны и многослойны. Несколько облегчает дело то обстоятельство, что избранный нами угол зрения отчасти совпадает с перспективой древнерусского летописания, в известном смысле оно сосредоточено на половцах постольку, поскольку сведения об этом народе могут быть использованы для создания истории Руси и — не в последнюю очередь — династического портрета Рюриковичей домонгольской поры.

Половцы как брачные партнеры Рюриковичей. — Если речь идет о взаимодействии русских и половецких правителей, то на этом уровне нам придется постоянно иметь дело с двумя точками зрения: русской книжной и русской княжеской. В некоторых аспектах они вполне могут совпадать, а когда между ними существует различие, оно не всегда поддается вычленению, и тем не менее подобная дихотомия представляется достаточно продуктивной. Показательно, впрочем, что реконструкция этих точек зрения возможна, в сущности, на основе одних и тех же источников, тех сложных нарративных комплексов, которые составляют древнейшие летописные своды.

Нам еще не раз предстоит убедиться в том, что максимальная степень отвержения в восприятии этих кочевников сочетается здесь с максимальной необходимостью освоения этого нового феномена и стремлением нейтрализовать, а затем и использовать его в своих целях. В поведении представителей правящего рода Рюриковичей эта последняя интенция была вы-

ражена, пожалуй, более отчетливо, чем в летописном нарративе как таковом. Что же позволяет нам прийти к подобному выводу?

Прежде всего, производит впечатление та быстрота и готовность, с которой русские князья прибегают к традиционному для родового мира способу сближения с чуждой традицией, способу, столь важному для династической практики — к бракам. Половцы появляются на Руси накануне кончины Ярослава Мудрого, фактически же при его сыновьях, а уже в поколении внуков этого князя заключается не один брак с дочерьми половецких правителей. Как известно, подобная практика не утрачивает своей актуальности на протяжении всего домонгольского времени, вплоть до начала 50-х годов XIII в. Основываясь на летописных данных, мы с достаточной определенностью можем говорить приблизительно о десяти-одиннадцати матримониальных союзах Рюриковичей с половчанками, но если судить по косвенным показаниям источников, на деле таких браков могло быть и заметно больше.

Ограничимся для начала простым перечислением тех князей, чьими женами, судя по летописям, стали половчанки: два внука Ярослава Мудрого — Святополк Изяславич [ПСРЛ, I, 231, 232] и Олег Святославич⁴; далее — один из сыновей Олега Святославича, скорее всего, Святослав [ПСРЛ, I, 282–283], и два сына Владими-

⁴ Брак Олега надежно реконструируется по летописным упоминаниям половецких уев, т. е. дядьев с материнской стороны, его сына Святослава [ПСРЛ, II, 329, 334]. См. подробнее гл. «В А С И Л И Й», с. 224–226.

ра Мономаха — Юрий Долгорукий [ПСРЛ, I, 282–283] и Андрей [ПСРЛ, II, 285], затем правнук Олега Святославича (внук Святослава Ольговича), Владимир Игоревич [ПСРЛ, II, 659] и два правнука Мономаха — Рюрик Ростиславич [ПСРЛ, II, 521–522] и Ярослав Всеволодич [ПСРЛ, I, 426]; праправнук Мономаха — Мстислав Мстиславич Удатный [ПСРЛ, I, 504; II, 747; VII, 129–130]⁵.

Кроме того, на основании достаточно надежных косвенных данных может быть реконструирован брак с половецкой княжной одного из сыновей Даниила Романовича (потомка Мономаха в 7-м поколении), так как в летописях упоминается половецкий сват Даниила по имени Тегак [ПСРЛ, II, 818]⁶. Совершенно особняком стоит брак княгини (по всей видимости, внучки Мономаха), вдовы Владимира Давыдовича, с половецким князем Башкордом [ПСРЛ, II, 500–501], о нем и некоторых других русско-половецких матримониальных союзах нам еще предстоит говорить более подробно. Специального рассмотрения потребует брак дочери Толгья, который в большинстве исследований безоговорочно квалифицируется как русско-половец-

⁵ См. также *Рис. I* на с. 90.

⁶ Впрочем, здесь мог иметь место не самый брак, но лишь договоренность о нем между отцами жениха и невесты. Случаи такого «упреждающего» применения термина свойства известны из летописи (см.: [Литвина & Успенский 2013, 312–315]). Тем не менее, в свете русско-половецких контактов середины XIII в. весьма значимо и наличие самой договоренности, сопровождающейся военной поддержкой, которую половецкий сват оказывал русскому.

кий⁷. Придется вспомнить и еще о двух Рюриковичах, которые, как и Олег Тмутороканский, были потомками Святослава Ярославича и чье свойство с половцами представляется фактом весьма вероятным, но не бесспорным⁸.

В целом весьма существенно, что наши князья в своей матримониальной стратегии явно выделяли половцев из всех прочих кочевых народов, с которыми им приходилось иметь дело. В ранних русских источниках мы не найдем упоминаний о том, чтобы князь женился на женщине, взятой из рода печенегов, торков или берендеев. Нет такого рода свидетельств и относительно Черных Клобуков, хотя именно они на протяжении XII в. нередко служили существенной опорой и значимой поддержкой для череды киевских князей и именно они теснее всего соприкасались с оседлым населением Руси. Тем не менее, только статус половецких княжон оказывался достаточно высоким, чтобы они годились в невесты Рюриковичам⁹. Харак-

⁷ См. гл. «Д А В Ы Д», с. 230–244.

⁸ Речь пойдет о двух племянниках женатого на половчанке Олега Святославича Тмутороканского — Изяславе Давыдовиче, сыне Давыда Святославича (см. гл. «ВАСИЛИЙ», с. 220–222), и Ростиславе Ярославиче, сыне Ярослава Святославича (см. гл. «ГЛЕБ», с. 175–179).

⁹ Любопытно при этом, что в XII в. сами половецкие правители отнюдь не избегали матримониальных союзов с другими кочевниками, взаимодействовавшими с Русью. Во всяком случае, половцы и Черные Клобуки именуются *сватами* [ПСРА, II, 652, 674], точно так же, как половцы и русские князья. Эта двуправленная система свойств делала еще более многомерным и неустойчивым и без того беспрестанно колеблющееся равновесие в отношениях Руси со степью.

терно также, что в браках с половчанками были заинтересованы, как можно убедиться из приведенного выше перечня, и самые могущественные княжеские семьи.

Разумеется, для нас небезынтересно соотношение матримониального и конфессионального начал во взаимодействии двух элит. С одной стороны, очевидно, что дочери половецких князей, становясь женами Рюриковичей, принимали крещение и это отнюдь не нарушало их связей с половецкой родней, ради которых эти союзы и заключались. Более того, как следует из летописи, и в дальнейшем половцы, как правило, признавали и поддерживали своих крещеных зятьев и мужей внучек, а тем более — крещеных племянников, внуков и пасынков, родившихся на Руси. Подобное отношение свидетельствует об известной религиозной толерантности, но не позволяет судить о ее границах — мы почти ничего не знаем о том, как воспринимался в половецкой среде этого времени факт крещения мальчика или мужчины, по отцу принадлежащего к местному роду.

С другой стороны, в этой перспективе весьма характерно полное отсутствие, так сказать, симметричных случаев, когда бы русская княжна была выдана своими родичами замуж за половецкого правителя или его сына. Женой некрещеного стать бы она, разумеется, не могла, но, как мы знаем, например, из византийской практики, за новообращенных династов отдавали даже ближайших родственников императора, хотя не слишком часто и не очень охотно.

Сложившаяся же на Руси модель одностороннего свойства косвенным образом демонстрирует, что крещение знатного кочевника с последующей женитьбой

на Рюриковне оставалось деянием политически неактуальным — то ли половецкие вожди категорически не желали менять веру, то ли русские князья не надеялись, что те, оказавшись в своей среде, сколько-нибудь долго будут сохранять приверженность христианству.

Если же говорить об отношении летописца к русским княгиням половецкого происхождения, то определенного внимания, пожалуй, заслуживает следующий факт: в летописи мы никогда не обнаруживаем упоминаний об их кончине. Русское летописание, относящееся к домонгольскому времени, вообще говоря, довольно скупо в освещении жизненного пути жен и дочерей Рюриковичей. Однако даже и на этом фоне полное отсутствие сообщений об обстоятельствах, месте погребения или хотя бы датах смерти наших половчанок достаточно выразительно. В перспективе же исследования христианских имен у половцев еще более существенна другая лакуна в летописных данных — мы не находим ни одного имени половецких жен Рюриковичей, будь то имя исконное или принятое при крещении. Здесь вновь необходимо сделать скидку на то, что женский династический именослов отражается в источниках гораздо хуже мужского, однако полнота и последовательность умолчания в данном случае невольно заставляет думать, что летописцы преднамеренно или неосознанно выделяли именно этих княгинь в какую-то особую категорию.

Русское родословие половецких элит. — С такого рода умолчанием резко контрастирует еще одна особенность летописных упоминаний половцев,

объединяющая перспективу собственно книжную и княжескую, особенность весьма важная как для исследования исторической ономастики, так и для истории междинастических браков Рюриковичей. Ничьи генеалогические связи (кроме разве что связей своей династии) не отмечены столь пристальным и неослабевающим интересом на пространстве летописного текста, как происхождение, родство и свойство половецких вождей¹⁰.

Интерес этот, особенно во второй половине XII в., отражается прежде всего в достаточно последовательном употреблении патронимических конструкций по отношению к представителям половецкой знати. Приведем лишь некоторые из подобных обозначений: *Козл Сотанович, Колдечи и Кабан Урусовичи, Бегбарс Акачаевич, Кобяк Карлыевич, Коза Бурнович, Котян Сутоевич*. Более регулярно именуются с помощью указания происхождения только собственные князья Рюриковичи¹¹. Соответствующие патронимические об-

¹⁰ Ср., например, фрагмент одного из списков тех половецких князей, которых удалось пленить русским в конце XII в.: «...Глѣба Тирѣвича . Ёсна . Алака . и Толгыа . Дѣдѣча тести с сыно^м . Тѣтиа с сыно^м . Кобакова тѣсти Турундаа» [ПСРЛ, I, 395–396] или указание на происхождение невесток Владимира Мономаха и Олега Святославича, относящееся к началу того же столетия, — «иде Володимерь . и Дѣдъ . и Шлегъ . къ Аепъ . и <ко> другому Аепъ . и створиша миръ . и поа Володимерь за Юрга . Аепину дщеръ . Всеневу внуку . а Шлегъ поа за сѣа . Аепину дчеръ . Гиргенеу внуку» [ПСРЛ, I, 282–283].

¹¹ Патронимика является, вообще говоря, весьма заметной и характерной составляющей ономастической системы Древней Руси. Отчества в летописи могут использоваться и примени-

разования при этом вовсе не всегда и не обязательно являются отчествами в привычном смысле слова, это могут быть, как и в случае с русскими князьями, именования по деду или даже прадеду¹², а также и более сложные обозначения клановой принадлежности.

В филологической перспективе именно ономастические характеристики половцев, дополняя собственно славянский материал, дают возможность пронаблюдать ту универсальность морфологических средств, которая создает своеобразный континуум, включающий патронимы (отчество как таковое), родовые именования, указания на определенный этнос или определенную географическую локализацию¹³; при этом

тельно к другим «иностранцам», обладающим властными привилегиями. Лидирующее положение занимает здесь, пожалуй, византийская знать и Черные Клобуки. Если говорить о текстах не летописных, то русские книжники, как известно, отличались склонностью наделять отчествами даже библейских персонажей, чья генеалогия, естественным образом, имела для них первостепенное значение (ср., например, обозначение Иисуса, сына Сираха, как *Иисус Сирахович* в «Хронике» Георгия Амартола [Истрин 1920, I, 204]; см.: [Б. А. Успенский 2002, 51–52]; о древнерусской патронимике ср. также: [Ф. Б. Успенский 2002, 65–110]). Однако и на этом фоне половцам все же принадлежит первое место после русской элиты место по числу упоминаний с отчествами в летописи.

¹² Так, *Ольговичами* в летописи могут именоваться как внуки Олега Святославича [ПСРЛ, II, 624], так и его правнуки [ПСРЛ, III, 240], а также некая совокупность тех и других.

¹³ В этом отношении особый интерес может представлять широкий спектр значений, выражаемых с помощью форманта *-ич*, а также притяжательные формы, образованные от княжеских имен и способные входить, с одной стороны, в состав ана-

проведение четких границ между составляющими этого континуума оказывается не всегда возможным.

Таким образом, столь разноуровневые и вместе с тем взаимосвязанные явления, как частотность матримонимальных союзов и высокая степень сходства в способах подачи генеалогической информации, еще раз демонстрируют своеобразную сращенность истории русской династии и истории половецкой знати в конце XI — первой половине XIII в. В целом, враждебность и отчужденность сочетается в летописном дискурсе (а, на наш взгляд, в еще большей мере — в княжеской практике) с возможностью и необходимостью применять к половцам многие из тех категорий, которые используются в характеристиках собственного династического уклада. Весьма существенно, в частности, что ранние русские летописцы — в отличие от позднейших историографов — никогда не называют половецких правителей «ханами», они именуют их *князьями*, т. е. точно так же, как своих собственных правителей Рюриковичей.

литических патронимических конструкций («...оумре Брачиславъ . снѣ Изаславъ внукъ Володимеръ . шѣъ Всеславъ . и Всеславъ снѣ юго сѣде на столѣ юго») и, с другой стороны, закрепляться в качестве названий городов (*Ярославль*, *Володимеръ*, *Мстиславль* и др.). Параллели к этим обозначениям обнаруживаются среди половецких именований, причем соответствующие славянские форманты присоединяются к неславянским основам. Особого внимания заслуживает способ номинации в летописи половецких городов, *Шарукань*, *Сугров*, *Осенеv* и т. п. (ср. соответствующие имена половецких князей: *Шаруканъ*, *Сугр(ъ)*, *Щень*). Однако эта проблематика нуждается в отдельном исследовании.

Разумеется, чрезвычайно заманчивой задачей было бы изучение иерархического устройства половецких кланов как такового. Существовала ли здесь, например, возможность наследования власти через женщин, столь неприемлемая для русских князей? Какие степени и формы родства считались наиболее актуальными? Какова была функция старших и младших сыновей в цепочке родового наследования? Какую роль играл повтор родового имени в механизме преемственности власти?

Ответы на эти и многие другие существенные для нас вопросы чаще всего оставались вне фокуса внимания представителей инокультурных историографических традиций, которые сталкивались с половцами в интересующую нас эпоху. Отдельные принципы наследования властных полномочий или специфические черты половецкого родового обихода время от времени проступают в русских летописях именно в тех случаях, когда речь заходит о соприкосновении половецких вождей с Рюриковичами. Поскольку нас интересует, что и как наши степняки могли заимствовать от русских князей и что те, в свою очередь, усвоили от своих кочевых соседей и родичей, здесь необходима особая, «пошаговая» осторожность в анализе летописных данных, имеющих отношение к конфессиональному и властно-политическому укладу половцев.

Некоторые особенности «половецкого фактора» в картине мира «Повести временных лет». — Как уже отмечалось, в летописном повествовании интересующим нас кочевникам с само-

го начала уделялось внимание чрезвычайно пристальное. Не последнюю роль здесь сыграло, по-видимому, то обстоятельство, что эпоха первых столкновений с половцами хронологически недалеко отстояла от времени составления той редакции «Повести временных лет», с которой мы имеем дело, а самое это время практически совпало, с одной стороны, с периодом особенно многочисленных конфликтов с крупными половецкими объединениями, а с другой, с первой волной русско-половецких междинастических браков. Для русского летописца, таким образом, половцы в ту пору оставались явлением достаточно новым, а потому нуждающимся во некоем осмыслении, категоризации и атрибуции, и вместе с тем они были грозным элементом его повседневности, снова и снова ее изменяющим, а потому требующем постоянного упоминания.

Остановимся для начала на тех летописных фрагментах, где речь не идет о фиксации конкретных фактов и событий. Сразу же бросается в глаза, что осуществляя традиционную для средневекового книжника процедуру встраивания истории собственного народа в некоторую общую картину мира, базирующуюся на образцовых инокультурных текстах, составитель «Повести временных лет» не забывает с достаточной последовательностью (на первый взгляд, даже не всегда мотивированной), отмечать в создаваемой им системе место этих своих соседей-кочевников.

Характерен, в частности, весьма заметный нарративный зазор между сообщением о первом появлении половцев на Руси и первыми их упоминаниями в летописи. Согласно показаниям самого летописца, первоначаль-

чальное знакомство Руси с этим народом приходится на 1055 (6563) г.¹⁴ При этом упоминания половцев как таковых встречаются в тексте гораздо раньше, причем каждый из этих «опережающих» рассказов достаточно любопытен с точки зрения восприятия кочевников летописцем и актуализации совершенно определенных сторон жизни этого народа в его повествовании.

В этом отношении очень выразительно одно из первых упоминаний, приуроченное к 898 г. (т. е. к дате, более чем на полтора века отстоящей от времени их появления у русских границ!), которое неожиданным образом связано с сюжетом, имеющим огромное значение как для культурной истории славян вообще, так и для представлений о месте Руси в этой истории. Компилируя и переосмысляя доступные ему источники о создании славянской письменности, автор связывает этот рассказ с переселением венгров на Балканский полуостров. Здесь-то в его повествовании и возникают половцы как своеобразный образчик кочевого народа, хорошо известный его аудитории, причем к кочевьям венгров, предсказуемым образом, применяется та же терминология, что и к кочевьям половецким:

Идоша Угри мимо Києвъ горою . еже са зоветь ѿнѣ Оугорское . <и> пришедьше къ Днѣпру и стаща вежами . бѣша бо ходяще аки се Половци . пришедь ѿ стока и оустремиша^с чересь горы великиа <аже прозваша^с горы ѿгорьскиа> . и почаша воевати на жиоущаа ту [ПСРЛ, I, 25; II, 18].

¹⁴ «Приходи Болушь с Половци . и створи Всеволодъ миръ с ними . и возвратишася [Половци] вспать ѿнюду же пришли» [ПСРЛ, I, 162; II, 151].

Таким образом, половцам в летописном нарративе присваивается своеобразная функция универсального наглядного примера. Не менее показательны и случаи, так сказать, противоположные, когда составитель «Повести временных лет», непосредственно сталкиваясь с этими степняками, испытывает потребность снабдить свой рассказ очевидца, свидетеля разрушительного набега кочевников, пространной литературной цитатой об этногенезе половцев. Используя переводные тексты и инкорпорируя в них необходимые элементы, он помещает тем самым неведомый древнему автору этнос в готовую парадигму мировой истории. Так, эсхатологические фрагменты Мефодия Патарского оказываются весьма подходящим финалом к рассказу о разорении Киево-Печерского монастыря ([ПСРЛ, I, 232–234]; ср.: [Истрин 1897, 142–145]), причем благодаря механизму достраивания исходного текста, примененному рассказчиком, эти же фрагменты дают возможность объяснить происхождение самой причины случившегося несчастья — появление на Руси половцев.

Подобный механизм достраивания цитаты, позволяющий представить половцев как своего рода образцовых язычников, используется в летописном повествовании неоднократно. Так, впервые эти обитатели степей появляются, как известно, во вводной части летописи, своеобразном предисловии к «Повести временных лет». Здесь изображается целый ряд некрещеных народов, чьи обычаи в большей или меньшей степени противоречат христианским нормам и церковным установлениям. Знаменательным образом, из всех кочевников, с которыми приходилось соприка-

саться Руси, только половцы оказываются включенными в этот ряд — их описание занимает последнее и, возможно, риторически наиболее выигрышное место в череде этнографических примеров, как заимствованных, так и сконструированных самим составителем летописного текста [ПСРЛ, I, 12–16].

Очевидно, что описаниям подобного рода свойственна высокая степень клишированности, и зачастую они в большей мере способны поведать нам о книжных образцах, которыми пользовался автор, нежели о реальном обиходе того народа, который в них назван. Тем не менее, именно половцы были для составителя «Повести временных лет» язычниками, так сказать, не экзотическими, не отделенными от него и его аудитории ни во времени, ни в пространстве, а потому, быть может, небесполезно обратить внимание на отбор этих клише, на то, какие именно стороны половецкого обихода русский книжник считает нужным выделить как проявление язычества. Он ведет речь о приверженности к кровопролитию, употреблении нечистой пищи и нарушении запретов на браки между близкими свойственниками:

...акоже се и при нась нынѣ . Половци законъ держать ѿѣ свои^х . кровь проливати а хвалаще ѿ сихъ . [и] ѿдуще мерьтвечину . и всю нечистоту . хомѣки и сусолы . [и] поимають мачехи своа . [и] ѿтрови и ины ѿбычаа отець своихъ . [творать] [ПСРЛ, I, 16].

С одной стороны, составитель текста как будто не выходит за пределы того круга тем и понятий, на которых церковь традиционно фиксирует внимание

своей паствы в новообращенной стране и которые он сам уже затрагивал, говоря о других народах. С другой стороны, примечательна предельная конкретика в перечислении запретной пищи, демонстрирующая, что автор и читатель могут сталкиваться с подобными практиками напрямую. Соответственно, столь же прикладной характер обретают и ремарки, касающиеся неприемлемых для христианина матримониальных особенностей половцев. Те нарушения, которые ставит им в вину летописец, относительно умеренны (речь не идет, скажем, о многоженстве или о беспорядочном кровосмешении) — они становятся значимыми только в том случае, если становится актуальной самая возможность браков носителей этого обычая с представителями новообращенной христианской аудитории книжника, что и происходит в интересующую нас эпоху.

Разумеется, литературный фон и смысловые подтексты упоминаний половцев в «Повести временных лет» далеко не сводятся к рассматриваемым нами аспектам. Тем не менее, в соответствующих примерах можно разглядеть, как в раннем летописании формируются определенные подходы к «половецкой проблеме», которые будут достраиваться, усиливаться и уточняться на протяжении следующего столетия, в XII — начале XIII в. Прекрасная осведомленность о реальном времени первого появления половцев на Руси сочетается со своеобразным ощущением перманентности и неизбежности соседства с ними. Половцы предстают как «образцовые кочевники» и, что наиболее существенно, как «образцовые язычники», чуждые

христианам по происхождению и обычаю, наглядное сегодняшнее воплощение того, о чем повествуют авторитетные тексты. С другой стороны, очевидно, что древние предостережения от языческих практик и обычаев, коль скоро речь заходит об этих степняках, приобретают актуальность недаром — христиане на Руси обречены на тесное взаимодействие с половцами, и в чисто прагматических целях должны знать, какие из сторон повседневного обихода кочевых соседей являются недопустимыми для них.

Конфессиональные характеристики половцев в рассказе древнейших летописей о событиях XII – первой половины XIII в. — Среди многочисленных и разнообразных имен половецких князей, упоминаемых в «Повести временных лет», мы не найдем ни одного христианского (равно как и ни одного славянского двусоставного) имени, что полностью соответствует той интенции восприятия данного народа как «образцово языческого», о которой нам уже приходилось говорить выше. Позднее именно в летописи интересующие нас христианские имена появятся, когда речь пойдет об эпохе, лежащей за пределами верхней хронологической границы «Повести». И в то же время именно летописи являются тем источником, который в первую очередь препятствует гипотезе, согласно которой половецкие князья, взаимодействовавшие с Рюриковичами, могли быть христианами еще до начала 20-х годов XIII в.

Прежде всего обращает на себя внимание, конечно, регулярная, устойчивая и неизменная на всем про-

странстве летописного текста, относящегося к домонгольскому периоду, характеристика половцев как *безбожных, поганных, беззаконных*. Собственно говоря, показательно здесь отсутствие сколько-нибудь заметной динамики — длительность половецко-русских контактов, число свершившихся между кочевыми соседями и Рюриковичами браков, множество промежуточных мирных соглашений и военных союзов — все это не в состоянии изменить изначального положения дел: *погаными* равным образом именуются как те половцы, которых приводит на Русь Олег Святославич (первый из русских князей, о чьем половецком браке нам что-то известно), так и те, что примерно семь десятилетий спустя помогают его уже далеко не юному внуку Святославу Всеволодичу.

Объяснительная риторическая модель, когда поганные являются орудием Божьей кары, но их победа кратковременна и отнюдь не является торжеством язычества над христианством, в летописном повествовании равно приложима к половцам и в тех случаях, когда речь идет о второй половине XI в., и в тех, которые относятся к концу XII столетия (ср., в частности: [ПСРЛ, II, 212–216, 648–649]). Близкие персональные контакты с Рюриковичами конкретного половецкого князя, появление христианских имен в перечнях половецких вождей¹⁵ решительно ничего не меняют в тональности и терминологическом наполнении такого рода описаний.

¹⁵ Так, среди половецких князей, попавших в плен в 1184 г., есть по крайней мере один обладатель христианского имени, что отнюдь не мешает летописцу именовать всю их совокупность *погаными* [ПСРЛ, II, 632].

Если говорить о персоналиях, то своего рода олицетворением безбожия и беззакония предстает во второй половине XII в. половецкий князь Кончак:

Того же лѣтѣ . мѣца . августа придоша иноплемьници . на Роускою землю . безбожнии . Измалтанѣ . шканьнии . Агаране . нечѣтии . ищадыа дѣломъ . и нравомъ сотонины^и . именемъ Кончакъ . злоу началникъ . правовѣрнымъ крѣтнѣмъ . паче же всимъ црѣвмъ . идеже има Бжїе славиться . сими же поганѣми хоулиться . то не рекоу единымъ . крѣтыномъ но и самому Бѡу врази [ПСРЛ, II, 612].

Показательно, что не кто иной, как сын этого князя Кончака фигурирует в летописи под христианским именем. Можно было бы думать, что именно в этом — следующем после Кончака — поколении половецких князей происходит своеобразная смена конфессиональной парадигмы, однако русские летописи представляют в наше распоряжение картину прямо противоположную. В статье под 1223 г. гибель Кончакова сына, носящего календарное имя, представлена (как и убийство прочих его сородичей) в качестве кары оказанным, безбожным, беззаконным половцам за пролитие христианской крови:

Слышахомъ бо, яко многы страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Касогы, и Половецъ безбожных множество избѣиша, а иныхъ загнаша, и та изомроша, убиваеми гнѣвомъ божиимъ и пречистыа его матери; много зла створиша ти оканнѣи Половци Рускои земли, того ради всемилостивый богъ хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы Куманы, яко да отмѣстятъ кровь крестиянь-

ску, еже и бысть надъ ними незаконными. Пройдоша бо ти Таурмены всю страну Куманьску и приидоша близъ Руси, и прибѣгоша оканныи Половци, идеже зовется валъ Половечьскыи, избиеных останокъ, Котянь съ иными князьми, а Даниль Кобяковиць и Юрьи <Кончакович. — А. Л., Ф. У.> убиена быста [ПСРЛ, III, 264–265].

Число подобного рода примеров из летописей можно многократно умножить.

Совершенно очевидно, таким образом, что с эпохи составления «Повести временных лет», где в рассказе о крещении Руси описание обычаев и нравов половцев призвано проиллюстрировать языческий уклад как таковой (и где мы находим рассказ о том, что русский князь Святополк хоронит своего тестя-язычника Тугоркана на перекрестке двух дорог)¹⁶, до времени Кончаковича, который приходился тестем одному из Рюриковичей и родным дядей другому, в межконфессиональном взаимодействии русских и половцев никаких принципиальных изменений не произошло.

Нет нужды, как кажется, лишний раз подчеркивать достаточную осведомленность русского летописца об этой стороне жизни своих кочевых соседей. Поневоле соприкасаясь с ними достаточно тесно, он вполне регулярно, как уже отмечалось, указывает клано-

¹⁶ «Побѣжени быша иноплемьнци и кназа ихъ оубиша Тугоркана . и сѣа юго . и ини кнази мнози врази наши ту падоша . на заоутрьє же налѣзоша Тугоркана мертвого . и възаша и Стополкъ . акы тѣста своего и врага . [и] привезше и г Києву . погребоша и на Берестовѣмъ . межю путемъ идущимъ на Берестово . и другимъ в монастырь идуще» [ПСРЛ, I, 232; II, 222].

вую принадлежность и/или ближайшую генеалогию степняков, подробно перечисляет их имена, и едва ли в такой ситуации за пределами его внимания мог бы остаться факт принятия христианства кем-либо из половецких лидеров — событие, касающееся Руси самым непосредственным образом.

Не вызывает сомнения и терминологическая точность употребления эпитетов *поганые* и *безбожные* — во всяком случае, мы не знаем летописных примеров, относящихся к этому времени, когда христиане-иностранцы, пусть даже и враждебные Руси и сколь угодно негативно воспринимаемые летописцем, награждались такими характеристиками¹⁷. Помимо всего

¹⁷ Показательно в этом смысле летописное свидетельство, когда Владимир Мономах посылает своего сына Андрея, женатого на половчанке, воевать с поляками. Союзники Андрея, вполне закономерным образом, именуются *погаными*, тогда как о его противниках, столь же закономерным образом, ничего подобного сказано быть не может — «тогда же посла Володимеръ . Андрѣа с погаными на Лахы . и повоеваша ѣ» [ПСРЛ, II, 286]. Известен случай, когда *беззаконным* и *окаянным* (но не *безбожным* или *поганым*!) именуется в летописном рассказе о событиях начала XIII в. русский князь — братоубийца Глеб Владимирович Рязанский [ПСРЛ, I, 444]. Очевидно, помимо всего, прочего, что этот персонаж, будучи полным тѣзкой св. Глеба, сына крестителя Руси, не может не порождать известного рода ассоциаций у автора летописного текста. Он описывается как некое «антиподобие» князя-мученика и приравнивается, скорее, к Святополку, которого в свое время нелетописный, агиографический источник (паремийные чтения) мог называть даже и *Поганополком*. *Погаными* же в интересующем нас летописном сюжете именуются только половцы, помогающие Глебу Рязанскому [ПСРЛ, I, 440].

прочего, обращение язычника — деяние, безусловно совершающееся к вящей славе того князя, при котором оно случилось, или клирика, которому удалось его осуществить, и отсутствие таких сведений в хроникальном источнике вплоть до 20-х годов XIII в. само по себе достаточно красноречиво.

Могло ли все же случиться так, что у этого некрещеного народа было сколько-нибудь заметное число вождей, принявших христианство и достаточно активно взаимодействующих с Русью (хотя бы и не таких значительных, как Кончак или Кобяк, которые напрямую неоднократно характеризуются как язычники)?¹⁸ Надо сказать, что даже и такое допущение, в принципе отнюдь не лишенное вероятия, применительно к нашему материалу вызывает серьезные сомнения. Одна из причин этих сомнений связана с формой мирных договоров, которые, согласно летописи, заключались между русскими и половецкими князя-

¹⁸ В своей риторической стратегии летописец, естественным образом, стремится скорее расширить степень подвластности язычников Христу, нежели преуменьшить ее. Так, он вкладывает в уста половецкого князя Кобяка, обрадовавшегося малочисленности русского войска, на которое он собрался напасть, следующие слова: «се Бѣ вдалъ є^ѣ кнази Русскіѣ . и полкы ихъ в руцѣ наши» [ПСРЛ, I, 395]. В этом же фрагменте составитель летописи всячески подчеркивает то обстоятельство, что половцы не принадлежат к роду христианскому. Не менее выразительна и другая реплика, которую автор текста приписывает кочевникам, пришедшим ради мирных переговоров с Глебом Юрьевичем: «... Бѣ посадилъ та и князь Андрѣи . на ѡтчинѣ своєи . и на дѣдини в Кыевѣ», не забывая и в этом эпизоде упомянуть, что половцы — *поганые* [ПСРЛ, I, 357–359].

ми. Как хорошо известно еще из договоров руси с греками, при заключении соглашения с некрещеным народом христиане, имея дело с некоей группой знати, стремились выделить среди его представителей христиан, дабы те принесли свои клятвы в церкви или на кресте [ПСРЛ, I, 42].

По-видимому, русские князья в полной мере усвоили эту практику, некогда применявшуюся византийцами по отношению к ним самим. Здесь можно вспомнить, например, те переговоры, которые они вели с татарами после поражения на Калке: обещание сохранить им жизнь подтверждал с крестоцелованием некий Плоскыня, воевода бывших с татарами бродников [ПСРЛ, III, 266]. При этом ни в одном сообщении о заключении мира с половцами не фигурирует упоминание о каких бы то ни было христианских обетах, приносимых кочевниками. К половецким клятвам традиционно применяется лишь термин *рота*, причем существовала, по-видимому, некая особая, специализированная форма этого обряда — в частности, под 6692 г. в летописи упоминается о том, что Всеволод Большое Гнездо, заключая союз против болгар с неким половецким кланом, доселе, по-видимому, не очень хорошо ему известным, водит их «в роту в Половыцьскую» [ПСРЛ, I, 389].

Характерным образом, в летописном узусе ранее, чем в текстах другого типа, проявляется тенденция к сужению значения самого термина *рота*. Уже в рассказе о событиях XII в. он перестает употребляться применительно к договорам русских князей между собой и с иными христианскими государями. Для этой эпо-

хи процедура клятвы описывается с помощью данного слова только в том случае, если речь идет о половцах, берендеях, торках, Черных Клобуках и т. п.¹⁹

Все это дает основание полагать, что среди Половецкой знати, с которой русские князья домонгольского времени вступают в мирные отношения, нет сколь-нибудь заметного числа христиан, способных участвовать в такого рода переговорах на равных. В летописных текстах разбросаны и другие косвенные данные, свидетельствующие о том, что никто из мужской части высшей Половецкой элиты, находясь у себя дома, не нуждался ни в церковных службах, ни в свершении таинств, ни в чем-либо другом, что отличает жизнь христианина от жизни некрещеного.

¹⁹ По-видимому, в текстах иного типа (особенно в берестяных грамотах или памятниках диалогических, ответно-вопросных) в это время слово *рота* еще может употребляться в более общем значении 'клятва', не дифференцирующем христианское и нехристианское. Правда, каждый случай такого употребления нуждается в отдельном рассмотрении. Не исключено, например, что коль скоро речь идет о некоем церковном контексте, то даже и в эту пору в данных текстах так именуется лишь обещание, данное несправедливо, своего рода клятва с изъясном. Ср. соответствующий пассаж из «Вопрошания Кирика», где иерею предписывается не допускать обещанного паломничества в Иерусалим: «Ходили бахоу ротѣ, хотаче въ Ісрусалимѣ. — Повелѣ ми опитемью дати: та бо, рече, рота гоубить землю сию» [РИБ, VI, 61–62, № 22]. В позднейших же памятниках тенденция противопоставления крестоцелования и клятвы иноверцев, обозначаемой термином *рота*, прослеживается весьма отчетливо. При этом различные производные слова *рота* (ср., например, *ротникъ*) могут долго сохранять несколько более широкое значение.

Так, в Ипатьевской летописи рассказывается, как князь Игорь Святославич, пребывая в половецком плену, «попа <...> привелъ из Руси к собѣ со святою службою» [ПСРЛ, II, 649]. Очевидно, тем самым, что до той поры священника в половецкой ставке не было, а стало быть никто из окружающих князя половецких вождей не испытывал в нем потребности. Это тем более знаменательно, что среди князей тех кланов, в которых находились Рюриковичи, был, как мы твердо знаем из летописного текста, как минимум один обладатель календарного имени — он-то и захватил в плен брата новгород-северского князя²⁰. Если бы речь шла о правителе-христианине, то с очень большой долей вероятности можно утверждать, что хотя бы один священник при нем находился непременно, как это было, например, с Ольгой, крещеной княгиней в некрещеной стране.

Когда и при каких обстоятельствах принимали крещение половецкие князья? — Полное отсутствие в летописях каких-либо сообщений об обращении половцев сделало бы возможным (хотя, на наш взгляд, и необъяснимым) предположение о том, что наши древнейшие хронисты почему-либо умалчивали о таких фактах, не знали их или считали недостаточно значительными для фиксации. Однако на самом деле летописные источники сами по себе достаточно недвусмысленно свидетельствуют о том, в какое время и — что еще важнее — при каких обстоятельствах принимают христианство половецкие вожди.

²⁰ Подробнее об этом см. гл. «*РОМАН*», с. 147–148, 151.

Так, для XIII в. зафиксирован факт крещения половецкого князя по имени *Басты* в 1223/4 г., которого Лаврентьевская летопись наделяет эпитетом «великий» [ПСРЛ, I, 505; II, 741]. Случилось это только перед лицом непосредственной и смертельной опасности, когда на половецкие земли уже пришли татары и помощь русских князей была единственной надеждой на спасение.

Естественно вспомнить в этой связи и о судьбе неоднократно упоминающегося в русских летописях половецкого князя Котяна. В венгерских источниках сообщается о том, что, бежав при сходных обстоятельствах от татар в Венгрию, Котян изъявил готовность креститься вместе со всеми своими подданными и именно на этом условии был допущен в страну²¹.

Как ни парадоксально это может показаться, оба данных эпизода — с Басты, а в особенности с Котяном — служат еще одним аргументом против возможности добровольного крещения половецких князей, соприкасавшихся с Русью, в предшествующую, домонгольскую эпоху²². В самом деле, Котян, насколько мы

²¹ См.: [Рогерий, 64–65, 80 <оригинальный текст>, 18–19, 34 <перевод>; Rogerii Miserabele Carmen..., 549–550, 556; Annales regum Hungariae..., 251, sub anno 1239]; ср. также: [Голубовский 1884, 234–235; Голубовский 1889, 47; Осипян 2013; Пилипчук 2013, 117–138].

²² В Никоновской летописи мы находим два сообщения о крещении половецких владык в XII в., под 1132 и 1168 гг., соответственно [ПСРЛ, IX, 158, 236]. Однако доверия оба эти свидетельства, появляющиеся в самом конце погодных статей, не вызывают. Они не только не подкрепляются показаниями более древних летописей, но и самые имена якобы крестившихся по-

можем судить по летописным источникам, был одним из наиболее тесно связанных с Рюриковичами половецких правителей. Он не только отдал свою дочь за Мстислава Мстиславича Удатного и поддерживал контакты со своим русским зятем — актуальным для него оказалось и то свойство с Рюриковичами, которое возникло в следующем поколении. Во всяком случае Даниил Романович, муж его внучки, счел отнюдь не бесполезным напомнить Котяну об этом свойстве, причем русский князь именовал князя половецкого *отцом*²³. Тем не менее, несмотря на столь близкие и регулярно возобновляемые семейные и союзнические связи с русскими, Котян со всей очевидностью оставался некрещеным. Более того, даже в ту пору, когда впервые столь остро для половцев возникла нужда в помощи русских князей для борьбы с татарами, он — в отличие от Басты — крещение не принимал, ограничившись лишь богатыми подарками и просьбами, адресованными его русским свойственникам и их родне²⁴. Котян выжидал в течение еще почти двух деся-

ловецких князей — *Амурат* и *Айдар* — не фигурируют ни в одном из более ранних свидетельств о русско-половецких контактах. Зато эти имена неоднократно встречаются в составе самой Никоновской летописи в качестве имен ордынских воевод и правителей (ср.: [Golden 1998; Голден 2008, 309–340]). О том, как в Никоновской летописи имена других кочевников, печенегов, конструируются из имен ордынских вельмож, см. в работе: [Melnyk 2013].

²³ «...ѡче измати воиноу сю . приими ма в любовь собѣ» [ПСРЛ, II, 753].

²⁴ «...сь же Котянь бѣ тсть Мъстиславу Галицьскому. И приде съ поклономъ съ князи Половьцьскими къ зяти въ Га-

тилетий и изъявил готовность обратиться лишь после такого военного поражения, которое окончательно лишало его возможности сколько-нибудь независимо пребывать на прежних территориях²⁵.

Еще раз несколько отступая от нашего принципа герметизма исследования русско-половецкого взаимо-

личь къ Мьстиславу и къ всемъ княземъ русьскимъ, и дары принесе многы: кони и вельблуды и буволы и дѣвки, и одариша князь русьскихъ, а рекуче тако: «нашу землю днесь отъяли, а ваша заутро възята будетъ»; и възмолися Котянь зяти своему. Мьстислав же поця молитися княземъ русьскимъ, братьи своей, река тако: «оже мы, братье, симъ не поможемъ, ть си имуть придатися к нимъ, ть онѣмъ больши будетъ сила». И тако думававши много о себе, яшася по путь, и поклону дѣля и молбы князь. половецьскихъ» [ПСРЛ, III, 62, 265].

²⁵ В. Н. Татищев, именуя этого князя «Котяк», сообщает, что тот принял крещение для укрепления своих связей с русскими князьями («Князь же половецкий Котяк, хотя у русских князей большую любовь и поверенность приобрести и их своей верностию паче обнадежить, принял веру христианскую и крестился») [Татищев, III, 216, 217] (ср.: [Golden 1998, 24; Голден 2008], автор склонен, как кажется, доверять сообщению Татищева). Эти сведения Татищева не только не подкрепляются никакими источниками, но, напротив, напрямую противоречат показаниям венгерских хроник, где упоминается, в частности, что восприемником половецкого князя при крещении был сам король, а заодно подробно излагается история пребывания Котяна в Венгрии и описывается его гибель. По всей видимости, в истории Татищева известие о крещении Котяна было попросту перенесено с венгерской почвы на русскую. Так или иначе, историк помещает это событие под 1124 г. и связывает его именно со стремлением половецких князей защититься при помощи русских от татар, а никак не с историей предшествовавшего, домонгольского периода.

действия, можно обратить внимание на процесс ассимиляции половцев в Грузии, приходящийся на первую половину XII столетия²⁶. Подобное отступление оправдано не только типологическим сходством ситуаций (здесь, как и на Руси, сложился матримониально-политический союз правящих родов), но и тем, что по крайней мере некоторые из оказавшихся в Грузии половцев действовали и на Руси.

В самом деле, грузинский царь Давид Строитель, как уже упоминалось выше, взял в жены половецкую наследницу, известную в источниках под именем *Гурандухт*. Ее отцом был князь Атрак, сын Шарагана, которого обычно отождествляют с упоминающимся в русских летописях Отроком (Шараган, соответственно, отождествляется с Шаруканом)²⁷. Давид прибег к помощи своего тестя для борьбы с сельджуками, и помощь эта сопровождалась переселением сорока тысяч кочевников в Грузию на весьма выгодных условиях. В свою очередь, знаменитый поэтический рассказ Галицко-Волынской летописи связывает переселение Отрока «во Шбезы . за Желѣзнаѣ врата» с теми сокрушительными поражениями, которые нанес половцам Владимир Мономах [ПСРЛ, II, 716].

Таким образом, складывая вместе свидетельства двух источников, нетрудно убедиться, что уход Атрака (Отрока?), столь полезный в военном отношении для грузинской стороны, был для него в значительной сте-

²⁶ Об этих событиях см. подробнее в работе: [Golden 1984, 45–87], с указанием литературы.

²⁷ См. Рис. III на с. 125.

пени делом вынужденным, хотя события для половцев в данном случае носили не столь трагический и необратимый характер, как в то время, когда им, спасаясь от татар, пришлось бежать в Венгрию. Согласно рассказу Галицко-Волынской летописи, Отроку (Атраку?) удалось даже вернуться на свою прежнюю родину, где судьбы его потомков не раз переплетались с судьбами русских князей²⁸. При этом, как сообщает грузинская хроника, многие из тех половцев, что попали в Грузию и поселились на отведенных им землях, становилось христианами [Житие Давида, 284–285], подобно тому, как столетие спустя христианами делались многие из кочевников, по необходимости осевшие в Венгрии.

Отметим, однако, что грузинские источники ограничиваются на этот счет самыми общими формулировками, не называя ни числа крестившихся половцев, ни их имен. Еще более существенно, что назвав имя Давидова тестя и указав, что его военный успех в борьбе с сельджуками разделил один из его сыновей (соответственно, шурин царя Давида), источник, прославляющий деятельность царя, решительно не упоминает о приобщении этих ближайших царских родственников к христианству. Очевидно, таким образом, что половецкие тесть и шурин царя оставались некрещеными, как оставался некрещеным и половецкий тесть русского князя Святополка, Тугоркан.

Итак, те данные, которые мы можем извлечь из летописи, достаточно недвусмысленно, на наш взгляд,

²⁸ См. об этом также главы «ЮРИЙ», с. 121, и «ГЛЕБ», с. 167–168.

свидетельствуют, что для половецких вождей, связанных с Русью, переломный момент в конфессиональном отношении начался именно с татарским нашествием, никак не ранее. Эта эпоха отделена от предыдущей — домонгольской — резкой и контрастной гранью. Скорее в пользу такого предположения свидетельствуют и довольно немногочисленные упоминания о пребывании христиан в половецкой среде и о столкновении самих половцев с христианством, которые разбросаны в русских нелетописных источниках, повествующих о событиях конца XI — начала XIII в. Остановимся на некоторых из них.

Нелетописные источники о соприкосновении половцев с христианством. — Поздняя легенда о пленном половчине, который взял в поручители святого Николая, но не сдержал обещание о выкупе, может служить своеобразным доказательством того, что для половца непосредственный контакт с христианской обрядностью и даже непосредственное лицезрение чуда вовсе не обязательно влекло за собой крещение [Кушелев-Безбородко, I, 71–73] (ср.: [Голубовский 1884, 225–226]). Легенда рассказывает о кочевнике, со всей очевидностью довольно знатном и богатом (он участвует, например, в съезде половецких князей и владеет большими табунами), который, будучи в плену на Руси, посулил за свое освобождение конский табун, но обрета свободу и вернувшись в степь, пренебрег обещанием. Из текста мы узнаем, что он и его соплеменники становятся очевидцами чуда — незадачливому должнику незримая

сила наносит многочисленные побои и грозит дальнейшими карами. Претерпев наказание, половчин понимает, что это не кто иной, как св. Николай исполняет свои обязанности поручителя, тогда он спешит возместить христианину обещанное, а также пригоняет в храм, посвященный этому святому, небольшой табун лошадей. При этом в легенде решительно ничего не говорится о том, что половчин принял крещение. Иными словами, мы имеем дело с сюжетом о власти, данной святому над язычником и о его защите интересов христиан, а не об обращении некрещеного степняка.

Непосредственное свидетельство о таком обращении содержится в рассказе Киево-Печерского патерика об одном из монахов, Никоне Сухом [Абрамович 1911, 79–81]. Однако именно этот текст позволяет увидеть, что крещение половца, не будучи делом полностью невозможным, само по себе воспринималось как событие единичное, некое чудо, сотворение которого по силам лишь святому. Согласно рассказу патерика, черноризец Никон, плененный половцами, отказывается от предложения внести за него выкуп (за что терпит многочисленные пытки), уговаривает находящихся вместе с ним в плену христиан не принимать пищи от поганых и исцеляет молитвой своего занемогшего мучителя, прозорливо предвидя его последующее покаяние. Наконец, Никон чудесным образом избавляется от неволи и лишь затем исцеленный им половец, придя на Русь, крестится со своим родом и становится насельником того же монастыря, служа своему бывшему пленнику.

Составитель патерика отнюдь не представляет крещение половца как рядовое событие в потоке миссионерской деятельности, напротив, он приравнивает подвижничество Никона, приведшее к крещению одной этой семьи, к подвигу св. Герасима, ради которого «жидове крестишася». Что еще более характерно, рассказчик не сообщает ни языческого, ни христианского имени степняка, ничего не говорит о его генеалогических связях (здесь нельзя не вспомнить, насколько внимательны к такой информации летописцы). Это неизбежно приводит к мысли, что крестившийся кочевник был фигурой малозначительной в своей среде, а быть может мы попросту имеем дело с некоторым условным полулегендарным персонажем. Если же воспринимать эту историю как фиксацию конкретного факта, нельзя не обратить внимание, что крестившийся половец и его родичи не остаются в степи среди своих соплеменников — он принимает постриг, бесповоротно отделившись, таким образом, от своего прежнего мира.

Наконец, в «Вопрошании Кирика» — памятнике XII в., замечательном, в частности, тем, что здесь зачастую обсуждаются ситуации, с которыми священник воочию мог сталкиваться достаточно редко, но все же отнюдь не выходящие за пределы возможного в его практике — есть и упоминание процедуры приобщения к церкви пожелавших креститься болгарина, половца и чудина [РИБ, VI, 33, № 40]; срок между оглашением и крещением для них предписывается более долгий, чем для взрослого славянина и тем более ребенка. Разумеется, судить по этому тексту о том, насколько часто находился случай для применения этих

правил и были ли упоминаемые здесь иноплеменники свободны (или находились среди христиан поневоле), весьма затруднительно. Тем более затруднительно утверждать на основании этого свидетельства, что среди крестившихся могли быть половецкие правители.

Итак, сознательно отвлекшись на время от собственно ономастических данных, мы попытались проанализировать некую совокупность свидетельств разного уровня, позволяющих сквозь призму русских источников взглянуть на культурно-конфессиональную ситуацию, в которой находились соприкасавшиеся с Русью половцы. Как кажется, такой анализ дает возможность утверждать, что пока процесс взаимодействия половецкой и русской традиций проистекал постепенно, в некоторых привычных для обеих сторон рамках, он до крещения мужской части правящей половецкой элиты не доходил. Понадобился столь кардинальный исторический слом, как татаро-монгольское нашествие, чтобы мы обнаружили сообщения источников о крещении половецких владык. Мы, разумеется, отнюдь не имеем в виду, что крещеных половцев в домонгольскую эпоху на Руси не бывало вовсе — как следует из текстов, время от времени не только женщины, но и мужчины из этого народа принимали христианство²⁹,

²⁹ В качестве одного из свидетельств такого рода, возможно, следует рассматривать граффито Новгородского Софийского собора, относящееся к концу XII в.: «ѿи помози рабоу своему Санъдоусоу» [Гиппиус & Михеев 2011, 44–46]. Не исключено, что автор этой надписи — половец, во всяком случае, как отмечают А. А. Гиппиус и С. М. Михеев, его имя практически совпадает с именем половца, убитого несколькими десятилетиями ранее [ПСРЛ, II, 505]. Обратим внимание, что антропоним в

однако мы не знаем примеров, когда это случалось бы с теми, кто продолжал располагать какими бы то ни было властными привилегиями у себя дома, в степи.

Состав и специфика христианского именослова половцев. — Общий взгляд на то, какие именно христианские имена половецких правителей зафиксированы в летописи, сразу же предоставляет нам весьма интересную информацию о взаимодействии наших кочевников с Рюриковичами. В самом деле, каков же по составу этот христианский микрономастикон знатных представителей половецких родов? В сущности, в него входят лишь весьма ограниченный круг имен: *Георгий* (*Юрий*), *Роман*, *Глеб*, *Даниил*, по-видимому, *Василий*, возможно, *Давид*, возможно, но весьма маловероятно — *Лавр*³⁰.

Принципиально важно, что все эти имена (кроме последнего, но и более чем сомнительного с точки зрения элитарного происхождения его носителя) являются собой своего рода подмножество того — также достаточно краткого — перечня имен, которые в домонгольское время (в XI — начале XIII в.) регулярно употребляются у Рюриковичей в летописях в качестве династического имени, совмещающего в себе функции родового и крестильного.

формуле благопожелательной надписи — отнюдь не календарный, а автохтонный тюркский.

³⁰ Существование имени *Лавр* как такового у половцев вполне вероятно, невозможной представляется, скорее, принадлежность его обладателя к половецкой знати. Подробнее см. ниже, с. 65–70.

Сам по себе тот факт, что набор христианских именований у половецкой элиты не выходит за пределы списка христианских княжеских антропонимов, которые на Руси используются как единственные, недвусмысленно свидетельствует о существовании своеобразной коммуникации на языке имен между русскими и половецкими князьями. Разумеется, дабы понять, как эта коммуникация была устроена, нам необходимо хотя бы кратко остановиться на том, чем были подобного рода христианские имена для самих Рюриковичей и как и когда с ними столкнулись половцы.

Династические функции христианского имени у Рюриковичей. — Как известно, господствующей моделью русского княжеского именования той поры была двуименность, когда князь обладал не только христианским именем, полученным при крещении, но и именем родовым, традиционным, языческим по происхождению³¹. Под этим-то традиционным именем большинство русских князей и фигурируют в летописи, по-видимому, именно они доминировали в княжеской мирской жизни.

Вместе с тем, с определенного времени некоторые христианские имена — прежде всего, *Давыд*, *Роман*, *Василий*, *Георгий* и *Андрей*³² — начинают восприниматься

³¹ Так, князь Мстислав мог быть обладателем именем *Федор*, Святослав мог зваться в крещении *Николаем* и т. д. О двуименности у русских князей см. подробнее: [Литвина & Успенский 2006, 111–175].

³² В дальнейшем список таких имен неуклонно расширялся, в домонгольское время к нему присоединились *Иван*, *Миха-*

в русской династии как имена родовые, поскольку их некогда получили в крещении (в качестве второго, дополнительного) наиболее прославленные предки. Их потомки, нареченные этими именами новые члены рода, уже как бы не нуждались в еще одном династическом именовании. Достаточно вспомнить таких князей, как Давыд и Роман Святославичи (внуки Ярослава Мудрого)³³, Василько Ростиславич Теребовльский³⁴, Юрий Владимирович Долгорукий³⁵ и Андрей Владимирович Добрый³⁶ (младшие сыновья Мономаха), Юрий Ярославич Туровский, Андрей Боголюбский, Роман Мстиславич Галицкий и его сыновья, Даниил Романович и Василько Романович. Все эти правители всегда присутствуют в летописных источниках исключительно под христианскими именами, тогда как их ближайшие родичи, повторимся, по-прежнему упоминаются здесь же под именами традиционными³⁷.

ил, Александр, Константин и Даниил, чуть позже — Федор. Со временем переориентация династии на имена исключительно христианские становится все более заметной, однако завершается этот процесс лишь в XV в. См. подробнее: [Литвина & Успенский 2006, 111–163].

³³ В свое время имена *Роман* и *Давид* получили в крещении их старшие родичи свв. Борис и Глеб.

³⁴ *Василием* звали в крещении Владимира Святого.

³⁵ *Георгий* (*Юрий*) было крестильным именем прадеда этого князя, Ярослава Мудрого.

³⁶ *Андреем* был в крещении дед князя, Всеволод Ярославич.

³⁷ С другой стороны, некоторые языческие по происхождению княжеские имена, чьи обладатели на Руси были прославлены как святые, начинают с определенного времени фигурировать как имена христианские, календарные. Одним из таких

Иными словами, с конца XI — начала XII в. для русских князей *Юрий* и *Роман* — это столь же полноценные и весьма популярные династические имена, как *Игорь* или *Всеволод*. При наречении наследника княжеского рода они могут исполнять все те же функции, что и более привычные для рода, языческие по происхождению имена. Для нас особенно существенна одна из этих функций, к XII в. сделавшаяся особенно актуальной во внутрдинастическом обиходе разросшегося рода Рюриковичей.

В русской династии устанавливается практика, когда договор, заключенный между двумя князьями-братьями, зачастую скреплялся для следующего поколения наречением кого-то из родившихся вскоре племянников в честь дяди [Литвина & Успенский 2006, 71–110]. Коль скоро речь шла о внутрдинастических союзах самих Рюриковичей, изначальная природа имени при этом не играла, в сущности, никакой роли (это могло быть, к примеру, славянское по происхождению *Мстислав*, скандинавское *Игорь* или календарное греческое *Андрей*), важно лишь, чтобы у стороны контрагента оно использовалось как родовое. Новорожденный наследник благодаря своему имени приобретал, таким образом, своеобразную функцию живой печати при союзническом договоре, который заключался старшими и касался далеко не его одного.

Успешность такого рода модели, воплощающей договор в имянаречении, во внутрдинастической жи-

антропонимов, вошедших в святцы и в русский церковный обиход, было и интересующее нас имя *Глеб*. Подробнее см. гл. «ГЛЕБ», с. 169–170.

зни Рюриковичей сама по себе обеспечивала возможность ее расширительного использования. С другой стороны, династические христианские имена, помимо своей связи с церковным календарем, обладали и некоторыми функциональными особенностями, отличающими их от княжеских мирских имен. В целом можно сказать, что Рюриковичи относились к собственным христианским именам несколько свободнее, чем к именам исконно родовым. В общем контексте княжеской двуименности христианские имена были для династической традиции чем-то вроде испытательного полигона — являясь неким новшеством сами по себе, они заодно давали возможность отработки инновационных механизмов в княжеском имянаречении как таковом.

Симптоматично, например, что часть запретов, неукоснительно соблюдавшихся при выборе исконных мирских имен, в отдельных случаях могут игнорироваться князьями, коль скоро речь идет об имени календарном. Так, вплоть до 10-х годов XIII столетия ни один Рюрикович не был назван мирским именем своего живого отца или деда, тогда как христианские имена отца и сына, не говоря уж о деде и внуке, иногда могли совпадать, хотя эти прямые предки были еще живы к моменту рождения ребенка. Иными словами, ни отец, ни дед со стороны отца не мог наречь новорожденного своим княжеским, языческим по происхождению именем, будь то *Святослав*, *Всеволод*, *Ярополк* или *Олег*. Если же речь шла о передаче собственного христианского имени, то здесь столь жестких ограничений не было.

Выразителен в этом отношении не только случай имянаречения родившегося на исходе XII в. Владимира-Дмитрия, сына Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, но и фигура Василько Леоновича (или Маричинича), действовавшего в 30-е годы того же столетия и погибшего в битве Мономашичей с Ольговичами и половцами — не вызывает никаких сомнений, что этот Василько, будучи сыном неудачного претендента на византийский престол и дочери Владимира-Василия Мономаха, родился и рос при дворе своего русского деда и при этом получил в крещении его христианское имя.

Еще более существенно в перспективе нашего исследования, что конкретные календарные антропонимы, избранные династией, в отличие от антропонимов мирских, не становились ее исключительной принадлежностью. Совпадения христианского имени подданного с именем князя не только не были запретными, но могли целенаправленно обыгрываться в письменных памятниках, а по-видимому, и в реальной практике. Весьма характерно, например, что согласно летописи, князь Давыд Игоревич, отправляя в крайне щекотливой ситуации посла к своему ослепленному противнику Васильку Теребовльскому, напутствует его следующими словами:

да се Василю шлю та . иди к Василкови тезу своему .
с сима штрокома . и молви юму тако... [ПСРЛ, I, 265].

Существенно упрощая дело, можно сказать, что воспроизведение из поколения в поколение мирских княжеских имен манифестировало и усиливало ис-

ключительную связь князя со своим предком- или родичем-тёзкой. Совпадение же имен христианских подразумевало более неопределенные, но и более широкие функции и возможности — манифестацию связи между любыми их обладателями³⁸, в частности, между Рюриковичем и не-Рюриковичем.

Как половцы могли воспринимать династические имена русских князей? — Пока мы остаемся в рамках династической истории русских князей, христианские имена предстают в ней как своеобразное новшество, возникшее на определенном этапе жизни династии и постепенно все глубже укореняющееся в ней. В самом деле, первые поколения мужских представителей рода Рюриковичей, правивших на Руси, были некрещеными и христианских имен не употребляли вовсе. Но даже и в ту пору, когда князья, располагающие всей полнотой власти, становятся христианами и крестят страну, их династическими именами остаются имена языческие, что и порождают ситуацию двуименности, о которой уже упоминалось выше. Весьма характерно, в частности, что Владимир Святой, его сыновья и внуки³⁹ фигурируют

³⁸ Разумеется, если речь шла о людях крещеных, то христианское имя прежде всего устанавливало связь человека с тем небесным патроном, чьим тёзкой он становился. Однако этот аспект имяназечения не рассматривается в данной работе.

³⁹ В качестве своеобразного исключения можно было бы упомянуть Евстафия, сына Мстислава Владимировича Тмутроканского (и, соответственно, внука Владимира Святославича), однако единственное упоминание о нем в летописи связано с

в летописи исключительно или как правило под своими мирскими княжими именами. Уверенно говорить о первых христианских династических именах можно, в сущности, только применительно к правнукам крестителя Руси. В каждом же следующем поколении этой новой части княжеского ономастикона предстоит воспроизводиться и несколько расширяться.

Необходимо помнить при этом, что половцы, появившиеся на Руси во второй половине XI в., сталкиваются с совершенно определенных хронологическим срезом этой протяженной истории княжеского именослова, с неким, так сказать, готовым положением дел. Их интенсивные военные контакты с русскими князьями приходятся как раз на ту пору, когда на политическую сцену все активнее выходят правнуки и первые праправнуки Владимира Святого, в частности,

его кончиной и не сохранилось никаких данных о том, что он успел при жизни получить какие бы то ни было властные привилегии. Еще более загадочно единожды упоминающееся в Комиссионном списке Новгородской первой летописи и в летописи Авраамки имя *Илья* [ПСРЛ, III, 161, 470; XVI, 313], которое, судя по тексту, носил один из сыновей Ярослава Мудрого, причем источник описывает жизненный путь этого князя с редкой лаконичностью: «И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре» [ПСРЛ, III, 161]. В Ипатьевском и Лаврентьевском сводах нет никаких упоминаний об *Илье* Ярославиче, поэтому мы не можем с уверенностью утверждать, что *Илья* было единственным именем этого рано умершего князя. Многие исследователи сомневались в существовании такого сына у Ярослава Мудрого, полагая, в частности, что это крестильное имя кого-то из фигурирующих только под мирским именем Ярославичей (иначе см.: [Назаренко 2001, 484–486, 488–499]).

и те из них, которые были обладателями христианских династических имен (таких, например, как *Роман*, *Давид* и *Василий*).

Естественно допустить, что половецкие князья в эту пору знали имена Рюриковичей, с которыми они воювали и мирились, так же хорошо, как Рюриковичи знали их имена. Любые династические имена соседних правителей несомненно пользовались определенным престижем, его степень могла зависеть от родового статуса обладателя конкретного антропонима, быть, может от меры его военных успехов и личной доблести, но едва ли для кочевников была актуальна природа и предыстория разнообразных княжеских именований⁴⁰. Довольно скоро русские династические име-

⁴⁰ Здесь вновь уместна, как кажется, аналогия с осведомленностью «русской стороны». Летописцы обильно и многократно фиксируют именования половецких князей, но при повторном упоминании одного и того же имени не всегда выдерживают единообразие, порой не отделяют имя от титула (ср. *Шарукан*), по-видимому, не опознают (или, во всяком случае, не всегда опознают) в половецких именах регулярно повторяющиеся основы, не демонстрируют специального интереса к их семантике. Здесь проходит одна из ономастических границ между «своим» и «чужим». Очевидно, что русский хронист может путать одно княжеское имя с другим, если речь идет о второстепенных или редко упоминаемых представителях рода Рюриковичей, но отнюдь не проявляет склонности исказить или деформировать двусоставные славянские основы этих антропонимов. Как правило, внутренняя форма русского княжеского имени не привлекает его внимания, но при желании он может обыгрывать и актуализировать его семантику, идет ли речь об исконном династическом имени или о календарном (ср.: [Литвина & Успенский 2006, 439–441; Литвина & Успенский 2010, 152–166]).

на стали для них именами союзников, свойственников (а в следующем поколении и кровных родичей) и, возможно, побратимов, хотя непосредственными свидетелями о практике побратимства между русскими князьями и половцами мы не располагаем.

Первым половецким зятем стал, насколько мы знаем, Олег, но неудачливым союзником кочевников был и его родной брат Роман, далее на половчанках, напомним, женились Святополк и Юрий, Святослав и Андрей, мирные договоры с ними заключали Владимир и Давыд — династические мирские имена изначально перемешаны здесь с династическими христианскими практически на равных. Таким образом, у половецкой элиты попросту не было оснований для того, чтобы делать какую-то принципиальную разницу между первыми и вторыми, если речь шла, например, о закреплении определенных отношений между русскими и половецкими семьями и родами⁴¹, будь то связи исключительно союзнические или — что, быть может, еще вероятнее — связи матримониальные и родственные.

Что же касается русских князей, то если в их перспективе договор, заключенный между русскими и половцами, мог подкрепляться наречением кого-либо из половецких княжичей русским династическим именем (как это делалось, когда Рюриковичи договаривались между собой), то для этой цели, безусловно, лучше подходили имена христианские, не столь ревностно,

⁴¹ О более тонких различиях в наречении половеццев христианским и нехристианским русским княжеским именем см. далее, гл. «ЯРОПОЛК».

напомним, оберегаемые от всех, кто не был кровными наследниками русских князей по мужской линии.

Итак, для обеих родовых традиций христианский династический ономастикон Рюриковичей — хотя и по разным причинам — оказывается равно приемлемым в качестве зоны пересечения и взаимодействия. С другой стороны, то обстоятельство, что все христианские имена знатных половцев являются одновременно и династическими именами русских князей делает в определенном смысле избыточным допущение, согласно которому наши кочевники получали их благодаря крещению. Действительно, как мы могли убедиться из разнообразных примеров, приведенных в начале нашей работы, длинная череда войн, мирных договоров и политических союзов, регулярно сопровождающихся браками — вполне достаточная причина для того, чтобы в именослов одного из соприкасающихся знатных родов проникали имена другого. С точки зрения религиозной принадлежности половецкой элиты, куда более информативным было бы обнаружение у знатных кочевников имен *Петр*, *Павел* или *Адриан*, которые в домонгольскую пору давались Рюриковичам в крещении, но династическими так никогда и не стали. Еще выразительнее было бы присутствие у половецких князей таких антропонимов из церковного месяцеслова, которые князьями русскими не употреблялись вовсе, но случаев такого типа именнаречения у половецкой знати попросту не обнаруживается. Тем больше оснований при рассмотрении интересующих нас русских имен ставить во главу угла не перемену веру, а межродовой обмен.

Кто давал половцам русские имена, «свои» или «чужие», и кто этими именами пользовался? — Прежде чем перейти к анализу конкретных механизмов этого процесса, необходимо обратить внимание и на другие, также вполне вероятные, пути приобретения половецкими князьями нетрадиционных имен, вовсе не обязательно связанные с конфессиональными предпочтениями или родовой жизнью самих половцев.

Очевидно, что функциональная ниша имени, полученного из другой культурной традиции, в среде-акцепторе бывает довольно разнообразна. Подобные антропонимы могут фигурировать, в частности, в качестве единственных имен тех, кому они предназначались, а могут встраиваться в уже существующую или возникающую по ходу дела систему многоименности. Следует учитывать при этом, что довольно разнообразной бывает и самая многоименность. Для родового мира Средневековья вообще и для Руси в особенности весьма существенны были источник и обстоятельства получения того или иного именованного: имя, данное человеку от рождения или в детстве, при непосредственном участии главы семьи, обладало совершенно иным, выделенным статусом, нежели те именованья, которые могли «прирастать» в течение жизни.

В перспективе нашего исследования русско-половецких династических контактов очень важно установить, не могли ли русские имена даваться половцам самими русскими, без какого-либо участия собственно половецкой родовой среды. Такое внешнее «приклеивание» антропонимического ярлыка бывает результа-

том вполне универсального стремления к ассимиляции инокультурного имени, нейтрализации его чуждости путем подбора некоего более привычного эквивалента, а может знаменовать собой стремление более глубинное, когда переименование означает приобщение к своему миру человека, принадлежащего по рождению к миру чуждому.

Особый интерес здесь представляет имя *Лавр* («Лаворъ»), обладателем которого является, согласно Ипатьевской летописи, половчин, помогавший князю Игорю Святославичу бежать из плена:

...тамо са налѣзеса . моужь родомъ Половчинъ .
именемъ Лаворъ . и тотъ приимъ мѣсль бл̑гоу . и ре^ч
пойдоу с тобою в Роусь . Игорь же исперва не имашеть
емоу вѣры <...> и посла Игорь к Лаврови конюшого
своего . река емоу переѣди на вноу стороноу . Тора с ко-
немъ . поводнымъ . башеть бо свѣчалъ с Лавромъ бѣжа-
ти в Роусь . в то же время Половци . напилися бахоутъ
коумыза . а и бы при вечерѣ пришедъ конюшии . повѣ-
да кн̑зю своему Игореву . ѡко ждеть его Лаворъ [ПСРЛ,
II, 650–651].

Традиционно половчин Лавр отождествляется с упоминаемым в «Слове полку Игореве» Овлуром (Влуром), игравшим в этом тексте аналогичную роль при побеге русского князя:

Комонь явъ, полуночи Овлуръ свисну за рѣкою: ве-
леть князю разумѣти — князю Игорю не быть кладнику
<...> Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влѣкомъ
потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя
бръзая комоня [Jakobson 1966, 147, 148, №№ 186, 191].

Само по себе такое отождествление сомнений не вызывает. Куда более сложен вопрос о том, каково было, так сказать, исходное именование этого человека и какую роль среди имеющихся в нашем распоряжении антропонимических форм играет календарное *Лавр*.

Целый ряд исследователей допускал возможность, что *Лавр* — это первоначальное имя, тогда как *Овлур* не что иное, как результат его ассимилирующей фонетической трансформации в тюркской среде⁴². В таком случае, в качестве следующего шага мы должны предположить, что автор «Слова о полку Игореве» был знаком исключительно с «тюркским» вариантом имени своего персонажа и при этом не отождествлял его с календарным *Лавр*, а составитель летописи был или лучше осведомлен об истинном имени половчина, или успешно производил процедуру обратного пересчета, превращая чуждое ему *Овлур* в сходное с ним, но более привычное *Лавр* («Лаворъ»). Разумеется, эта последняя процедура могла быть проделана и в том случае, если происхождение имени *Овлур* не связано изначально с именем *Лавр*, т. е. пересчет мог быть не обратным, вторичным, а, так сказать, независимым и единственным (от чуждого *Овлур* к освоенному *Лавор*).

Можно наметить здесь и другие пути, объясняющие появление в «Слове» и в летописи разных антропонимов (разных вариантов антропонима?) у этого

⁴² См.: [Гордлевский 1947, 325; Баскаков 1971, 45; Баскаков 1985, 153–154]; ср. также: [Zajączkowski 1949, 55, примеч. 23; Менгес 1979, 92–94].

половца и их соотношение между собой. Не исключено, например, что *Овлур* принял крещение на Руси⁴³, и тогда его новое христианское имя было подобрано, вероятно, по созвучию со старым — различные образцы такого подбора для эпохи Средневековья хорошо известны (ср.: [Гиппиус & Успенский 2000; Ф. Б. Успенский 2002, 111–137])⁴⁴. Строго говоря, и до своего бегства половец мог быть крещен и наделен именем *Лавр*, а мог, находясь в своей среде, получить календарное имя, не принимая крещение, — в честь поборатима или кого-то из покровительствующих ему христиан, по одному из своих русских родичей и т. д.

Существенно, однако, что окончательный выбор в пользу одной из всех обсуждаемых здесь версий в определенном смысле слова невозможен, и невозможность эта обусловлена как раз несомненно имевшим место процессом ассимилирующей трансформации имени. Подобного рода трансформация в первую очередь направлена на то, чтобы снять, нейтрализовать противопоставление «своего» и «чужого», а потому — коль скоро мы имеем дело с весьма фрагментарным

⁴³ Именно такая версия предложена во второй редакции «Истории» В. Н. Татищева [Татищев, III, 138–139]. Как кажется, нет оснований полагать, что Татищев пользовался в данном случае какими-то дополнительными источниками. Скорее, перед нами его собственное логическое достраивание сюжета о князе Игоре и половце Лавре.

⁴⁴ Если полагать, что этот половец был крещен на Руси, после побега князя Игоря, и именно здесь получил имя *Лавр*, то небезынтересен и самый выбор патронального святого, покровителя скота и, не в последнюю очередь, лошадей (ср.: [Ф. Б. Успенский 2006]).

ее результатом — расподобление исходного и окончательного именования, идущее вразрез с языковой интенцией, крайне затруднительно; столь же затруднительно установить наверняка, пытались ли кочевники ассимилировать календарное имя или русские — половецкое автохтонное, тем более что процесс этот совершался непосредственно в контактной зоне и, возможно, проходил в несколько этапов.

Сделался ли наш половчин христианином? Вполне вероятно, хотя и этого, как уже отмечалось, сказать точно мы не можем (если только не будем полностью полагаться на рассказ из второй редакции исторического труда В. Н. Татищева). Так или иначе, в степи среди своих соплеменников он не остался. Что для нас еще более существенно, кем бы ни был этот таинственный помощник (а относительно его этнической принадлежности высказывались самые различные гипотезы — он объявлялся половцем, кавказским горцем, славянином, человеком смешанного происхождения, т. е. сыном половца и русской)⁴⁵, ни один источник и, соответственно, ни одно исследование не приписывают ему сколько-нибудь высокого социального статуса.

Напротив, отсутствие каких бы то ни было упоминаний о родне, ближайшей генеалогии и тем более знатности Лавра контрастирует с характеристиками других половцев, которые окружают Игоря и его брата в плену, — в летописи подчеркивается, например, родовитость стражей, приставленных к русскому князю,

⁴⁵ Обзор различных точек зрения на этот предмет с указанием литературы см. в: [Творогов 1995, 344–346].

более того, здесь отмечаются даже различия в степени этой родовитости [ПСРЛ, II, 649], не говоря уже о том, что источник фиксирует отчество князя, который захватил Игорева брата в плен. Фиксация эта, по-видимому, призвана продемонстрировать, что речь идет о сыне одного из могущественных половецких вождей, не раз упоминающегося в текстах.

Лавр же, как для летописца, так и для столь хорошо знакомого с половецкой элитой Игоря, был человеком прежде совершенно не известным, а потому поначалу и не вызывающим доверия. Он мог быть свободным, невольником (или занимать какое-то сложное промежуточное положение), но никак не князем или другим сколько-нибудь знатным лицом, обладавшим властными привилегиями в своей среде.

Допущение, что подобный человек в принципе мог креститься, бежать на Русь или совершать другие сходные действия, в сущности, имеет довольно мало отношения к проблеме христианизации половецкой элиты и ее взаимодействия с русскими князьями. Практически не вызывает сомнений, что на границе русско-половецкой культурной традиции существовала некоторая ограниченная прослойка лиц — торговцев, пленников, рабов и их ближайших потомков, детей приемных или родившихся от смешанных союзов, людей, исторгнутых из собственного социума или предпочетших добровольно с ним расстаться и т. п. Они могли служить своеобразными медиаторами между Русью и степью, перемещаться туда и обратно, соблюдая в той или иной степени обычаи тех мест, где они оказывались, а при определенных обсто-

ятельствах — переменять веру. Как показывает случай с Лавром / Овлуром, их имена становятся объектом ассимилирующей трансформации, нейтрализующей или, во всяком случае, скрадывавшей различие между половцем и не-половцем, христианином и язычником.

Подвергались ли такой нейтрализующей трансформации имена половецких князей? Иными словами, не были ли их христианские антропони́мы в летописи результатом уподобления неких автохтонных имен более привычным для русской среды календарным?

Как кажется, против простой фонетической трансформации свидетельствует относительная малочисленность русских именовании́й по сравнению с общим массивом половецких имен, встречающихся в источниках. Это соотношение особенно наглядно проступает в различных списках плененных половцев, где в довольно длинном ряду чужеродных для Руси имен появляется лишь одно, много — два, имени русских. Если бы своеобразная тенденция к русификации половецких княжеских имен существовала, непонятно почему она затрагивала столь малое число ономастических единиц и притом фонетически друг с другом ни в чем не сходных.

Мы знаем очень редкие примеры, когда подобная русифицирующая трансформация половецких княжеских имен, по крайней мере, отдельных их элементов, рождается явно не из узуса, а под рукой переписчика. По-видимому, это происходит в тех случаях, когда показания протографа для него оказываются особенно темными. Такая русификация имеет место в «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку, где

перечень убитых в бою половецких князей на одном отрезке заметно отличается от соответствующего перечня в списке летописи Лаврентьевской:

Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись
...и оубиша ту в полку кназии . к̃ . Оурусобу . Кчиа . <u>Ар̃сланапуки</u> . Танопу . Кумана . Асупа . Куртка . Ченегрепу . Сурьбар̃ . и прочаа кназии и^х . а Белдюза ѡша [ПСРЛ, I, 279]	...и въбиша ту в полку кназии . к̃ . Оурусобу . Кочиа . <u>Иросланоу</u> . Китаноу . Кунама . Асупа Курьтыка . Ченегрена . Сурьбарь . и прочаа кназа ихъ . а Вельдуза ѡша [ПСРЛ, II, 254–255]

Нетрудно убедиться, что в Ипатьевской летописи в имени половца, с передачей которое составители обоих памятников испытывают заметные трудности, узнается фрагмент русского княжеского имени *Ярослав* («...Иросланоу...»)⁴⁶. Очевидно, что один из пе-

⁴⁶ Практика трансформация имени иноземного правителя, когда один из элементов, входящих в его двусоставный антропоним, совпадает с привычной для местной традиции основой, не такая уж редкость в средневековом мире. Такое уподобление «чужого» «своему» могло производиться как на уровне повседневного узуса, так и на уровне копирования рукописи. Славянские имена с основой *-слав*, например, могут последовательно передаваться в скандинавских источниках при помощи основы *-leifr / láfr* (*Ярослав* > *Jarizleifr*; *Болеслав* > *Búrizlafr*). Основы *-слав* и *leifr / láfr* не связаны друг с другом ни этимологически, ни семантически, но относительно сходны по звучанию. При этом основа *-leifr / láfr* довольно частотна в собственно скандинавском ономастике.

реписчиков или сводчиков заменил нечто решительно неудобопонятное, на нечто, содержащее привычный для летописной антропонимики элемент⁴⁷. Однако даже такие казусы, возникающие на уровне воспроизведения письменного текста, весьма редки. В подавляющем большинстве случаев, когда между двумя летописями или в пределах одного свода наблюдаются разночтения в имени того или иного половецкого правителя⁴⁸, ни один из вариантов не является,

⁴⁷ Любопытно, что в Хлебниковском и Погодинском списках «Повести временных лет» с таким же элементом *Яр-* последовательно передается и скандинавское по происхождению имя Рогнеды, жены Владимира, крестителя Руси, ср. «...ръць Ярогнѣдину...», «...престависа ЯрогнѣА...» [ПСРЛ, II, 64 <примеч. 28, 32, 36>, 67 <примеч. 20>, 114 <примеч. 45>]. В более ранних списках она именуется с помощью формы *Рогнѣдъ*, более близкой к скандинавскому прототипу (*Ragnheiðr*) и манифестирующей связь ее имени с именованием ее отца *Рогъволодъ* (<*Ragnvaldr*, *Rögnvaldr*). Для составителей же списков позднейших эта связь, по-видимому, была непрозрачной, зато с помощью трансформации ставшего им уже непривычным имени они, возможно, актуализируют родовую связь Рогнеды с ее сыном, Ярославом Мудрым.

⁴⁸ Одно из таких разночтений позволяет заподозрить переписчика в попытке внести некоторую негативную смысловую составляющую в именование язычника-половца. Речь идет о чтении «...Половецкого князя Козла Сотановича...», которое фигурирует в одном списке Ипатьевской летописи [ПСРЛ, II, 623]. В других списках мы находим на этом месте «Къзла Сътоновича» или «Когла». Довольно трудно сказать наверняка, двигало ли и в самом деле одним из переписчиков намерение вложить в это антропонимическое сочетание некий дополнительный смысл или он просто передавал доступными ему средствами трудное половецкое имя, но даже если первое допущение

так сказать, «русифицирующим». Древнерусские хронисты стремятся по мере сил к точной передаче автохтонных имен половецкой знати⁴⁹, а не к тому, чтобы растворить их среди более знакомых и привычных для Руси имен.

Вполне вероятно, что здесь проходила своеобразная ономастическая граница, отделяющая в древнерусской традиции половецких властителей от незнатных кочевников — имя половецкого невольника, изгоя, перебежчика или мелкого посредника можно для удобства переkreить на привычный лад, тогда как имя князя надлежит запомнить и сохранить таким, какое оно есть. В родовом мире право жить своим родом на своих территориях, а тем более — право на власть на этих территориях и в этом роду, знатность как таковая подразумевает и право на неприкосновенность собственного имени.

Как уже говорилось, русские книжники (а, по-видимому, и их аудитория) могли весьма охотно снаб-

верно, очевидно, что такого рода семантизация происходит лишь на уровне одного из вариантов воспроизведения текста, и при этом переписчик не наделяет половца никаким христианским или двусоставным русским именованием.

⁴⁹ Разумеется, графическое отображение иноязычных имен практически неизбежно ведет к их изменению, как регулярно, так и окказиональному, которое иной раз затрудняет идентификацию первоначальной формы антропонима и очень часто препятствует надежному отождествлению нескольких его вариантов. Имена кочевников в русских летописях не составляют в этом отношении исключения. Мы говорим лишь об отсутствии такой ассимилирующей трансформации, когда чужие единицы антропонимикона регулярно уподобляются своим.

жать чуждые имена половецкой элиты собственно славянскими патронимическими формантами. Не исключено, что они проявляли тем самым подспудную уверенность в том, что отношения родства и кровной преемственности повсюду устроены более или менее симметрично. Однако заполнять ячейки этой актуальной для них генеалогической матрицы следовало подлинными, аутентично чужеродными именами. Только таким образом могла быть обеспечена, в частности, правильность в области матримониальных расчетов, учета мирных договоров и их нарушений и прочих распространяющихся на несколько поколений обязательств, условий и претензий.

Не могло ли все же новое, быть может, дополнительное, имя даваться на Руси представителям половецких княжеских родов не путем адаптирующей трансформации, но в силу причин более глубоких, благодаря стремлению «приручить» этих кочевников, включить их в собственный жизненный уклад? Ономастические манипуляции подобного типа нередко производятся, например, в ситуации, когда дети знатных чужеземцев оказываются своеобразными гостями, пленниками и/или заложниками, при дворе того или иного правителя и таким образом на время выключаются из жизни собственного рода.

Практика обмена заложниками существовала между Русью и половцами по крайней мере с конца XI в. Так, с русской стороны «в таях» у Китана побывал в свое время сын Владимира Мономаха, Святослав, и примерно в ту же пору у Мономахова двоюродного брата Оле-

га Святославича на правах заложника или гостя жил сын половецкого князя Итлара [ПСРЛ, I, 227–229; II, 217–219]⁵⁰.

Хорошо известно, что обычай отдавать княжеских детей или детей знати в заложники сам по себе появился на Руси много раньше, чем произошло ее первое знакомство с половцами, и никуда не исчезал на протяжении всего интересующего нас периода. В качестве стороны контрагента вовсе необязательно выступали кочевники или иные некрещенные народы. Подобные гарантии могли быть необходимы, например, совокупности киевлян и берендеев⁵¹, они нередко вступали в действие и при переговорах князя с новгородцами⁵². В летописи, однако, не фиксируется случаев, чтобы эта древняя практика на Руси каким-то образом запечатлевалась в появлении инокультурных имен или хотя бы в присвоении заложникам каких-либо пришедших из чуждой семейной традиции именований. Так, половецкий княжич, ради которого Олег Святославич в очередной раз поссорился со своими двоюродными братьями, именуется

⁵⁰ Как мы знаем из летописи, причиной одного из значительных конфликтов Олега с кузенами послужил отказ умертвить или выдать этого половецкого княжича своим двоюродным братьям, только что убившим его отца.

⁵¹ «...и Рюрикъ Ростиславль . баше поаьль оу Сѣслава Всеволода . сѣа его . оувѣраа Киангы . и Берендѣъ . баху бо . не вѣрующе за свое съгрѣшение» [ПСРЛ, II, 506].

⁵² «Того же лѣ^{тѣ} . пустиша Новгородци . Гюргевича ѿ себе . а ко Всеволоду пустиша дѣти своѣ в тали . рекуще пусти к на^{мѣ} Сѣослава . и посла к ни^{мѣ} Сѣослава кн^ажить» [ПСРЛ, I, 308]. Для Новгорода известны и другие случаи оставления в заложниках отпрысков знатных родов.

с помощью патронима *Итларевич*, а отнюдь не каким-то славянским или христианским именем⁵³.

Отсутствие данных о переименовании половецких заложников все же подталкивает к выводу, что общий контекст половецко-русских отношений не подразумевал такой степени приобщения талей к родовой или семейной традиции русской князей, чтобы их наделяли династическими именами. Речь идет, скорее, о ситуации, когда статус заложника предполагает сохранение перманентной дистанции между личностью чужака и принимающей стороной — он не должен был растворяться в той среде, в которой оказался волею обстоятельств, но, напротив, сохранял практическую и символическую общность с тем миром, из которого был взят. В такой перспективе и крещение, и присвоение чуждого династического имени скорее могли рассматриваться как действия нежелательные для обеих сторон⁵⁴.

Возможность присвоения новых имен появляется, скорее, на следующем этапе сближения противостоящих родов, принадлежащих к разным традициям. Чаще всего она сочетается со стремлением заключить родственный союз. Иными словами, в междинастическом взаимодействии живущий при дворе молодой

⁵³ «...а се оу тебе есть Їтларевичь . любо оубии любо даи нама . то есть ворогъ нама и Русьской землѣ» [ПСРЛ, II, 219].

⁵⁴ Как кажется, мы можем с достаточной долей уверенности утверждать, что Итларевич, живя у Олега Святославича, крещения не принимал, в противном случае прямое требование его убийства со стороны Мономаха и Святополка, вероятно, носило бы в летописи иную риторическую окраску.

представитель чужого правящего рода может в определенной степени совмещать статус заложника и потенциального жениха одной из наследниц местной элиты⁵⁵. Новое дополнительное имя в такой ситуации оказывается своеобразным компромиссом между основной тенденцией к сохранению родовой преемственности и желанием так или иначе манифестировать планируемые или только что установившиеся семейные связи. Существенно, однако, что в русско-половецких отношениях этот путь был полностью закрыт: брак между урожденной Рюриковной и обретающимся при дворе ее отца знатным половцем оставался, как уже отмечалось выше, делом совершенно невозможным⁵⁶.

Помимо всего прочего, менее почетные пути получения имени в чужой среде, как кажется, неизбежно влекли бы за собой избавление от него вместе с освобождением от заложничества или плена. Трудно представить, что наследник власти, вернувшись в свой мир и обрета подходящие ему по праву рождения властные полномочия, сохранял бы такое приобретен-

⁵⁵ Анна Комнина подробно описывает многочисленные перипетии такого жениха-заложника, жившего при дворе ее отца, императора Алексея. Подрастающему мальчику прочили в жены то одну, то другую родственницу императора, но при этом тщательнейшим образом пытались не допустить, чтобы он вернулся жить к отцу, властителю Трапезунда [Анна Комнина, 243–245, кн. VIII, гл. 9].

⁵⁶ Как уже упоминалось, известен лишь один пример, когда княжеская вдова становится женой половецкого князя, но в летописи этот казус представлен как побег княгини к половцам [ПСРЛ, II, 500–501]. Об этом эпизоде см. также далее, гл. «ГЛЕБ», с. 179–184.

ное в неволе ономастическое тавро. В этом отношении чрезвычайно важно определить сферу применения интересующих нас русских имен половецких князей. Если бы мы обнаруживали их только в древнерусских текстах, всегда оставалось бы подозрение, что самое поле функционирования этих имен Русью и ограничивалось.

Отсутствие собственно половецких письменных памятников, естественным образом, переводит эту проблему в разряд трудноразрешимых. К счастью, существуют инокультурные данные, позволяющие заключить, что русскими именами половеццев пользовались не одни только русские книжники и их соотечественники. Известен случай, когда вполне конкретный обладатель подобного имени из числа могущественнейших половецких князей под ним же фигурирует и в китайском источнике, повествующем о событиях татаро-монгольского нашествия [Храпачевский 2009, 228]⁵⁷. Очевидно, что, такого рода дистантное свидетельство, хотя и не дает нам полной картины бытования заимствованного антропонима в половецкой среде, но недвусмысленно подтверждает его полифункциональность и высокий статус, коль скоро именно под ним степной правитель известен внешнему миру.

Таким образом, обсудив те модели внесемейного, внешнего наделения нетрадиционным именем, которые могли быть актуальны для русско-половецких контактов домонгольского времени, мы склоняемся к

⁵⁷ Подробнее об этом см. далее в гл. «ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ)», с. 122–123.

мысли, что половецким наследникам власти русские антропонимы давались, скорее, в недрах собственного рода, а не путем приклеивания со стороны.

К проблеме русско-половецкой родовой двуименности. — Как уже упоминалось ранее, даже родовое имя у человека могло быть не одно, в особенности если он в силу своего происхождения оказывался в точке пересечения двух разных родовых традиций, а его родственники и свойственники с обеих сторон были знатны и могущественны.

Известно, например, что у Рюриковичей в XI — начале XII в. сложилась модель, когда в результате междинастических браков русский князь иногда оказывался обладателем еще одного (помимо переданного по мужской линии родового и крестильного) именования, пришедшего со стороны матери-иностранки. Характерно при этом, что если речь идет об именах германских — а мы знаем, например, что Мстислав-Федор Владимирович обладал и третьим именем *Харальд*, а один из сыновей Ярослава Мудрого именовался *Хольти Смелый* — то они употреблялись применительно к Рюриковичам только в иностранных источниках и при том в таких, которые непосредственно связаны с германским миром, откуда эти дополнительные имена получены. Для домашней же летописной традиции актуальны были местные родовые и в некоторых случаях крестильные имена правителей.

Иными словами, Мстислав Великий на Руси правил как *Мстислав*, тогда как имя *Харальд* (*Аральт*), унаследованное от деда по матери, английского короля

Харальда Годвинсона, оказывалось, по преимуществу именем «для внешних сношений», средством его идентификации, как личной, так и семейной, в Западной Европе. При этом оба имени, *Мстислав* и *Харальд*, были родовыми в полном смысле этого слова. Более того, не исключено, что *Харальдом* этот русский князь мог именоваться и в повседневном обиходе той частью своих родственников и приближенных, которые были выходцами с европейского Запада или Севера — оно было привычным и престижным не только для его матери-англичанки, но и для жены, шведской принцессы. О том, что эта среда была антропонимически влиятельной при дворе русского князя, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что некоторые из его дочерей получили скандинавские по происхождению имена (ср. *Ингибьёрг* и *Рогнеда*). Однако в русские источники германское имя князя не проникло.

Нельзя ли по аналогии допустить, что у половецких князей, известных нам как *Роман* или *Юрий*, были и еще какие-то родовые имена, более традиционные для кочевников? Оговоримся сразу же, что никаких положительных свидетельств двуименности или многоименности у половцев, соприкасавшихся с Русью, в нашем распоряжении нет. Если же мы попытаемся установить, были ли у Рюриковичей имена и прозвища, ориентированные на их кочевых соседей и родственников, то и здесь — при всей развитости двойных и тройных именовании в русской династии — мы сталкиваемся с большими трудностями.

Природа этих затруднений понятна — в «домашнем» летописании такие именовании были бы, скорее

всего, малоупотребительны, кочевники же не оставили письменных свидетельств, сообщающих об их взаимодействии с внешним миром, где подобного рода обозначения могли бы сохраниться. В результате мы располагаем лишь некоторой амальгамой поздних и/или не слишком ясных, а зачастую явно не слишком достоверных известий, из которых невозможно, по нашему мнению, составить какую-то общую картину именования русских правителей «степными» именами или прозвищами.

Характерны в этом отношении данные об именах князя Андрея Боголюбского, сына Юрия Владимировича Долгорукого. Казалось бы, его происхождение делает гипотезу о существовании у него «половецкого» имени весьма вероятной. В самом деле, как уже упоминалось, Мономах женил своего сына Юрия на половчанке, дочери Аепы, внучке Осеня [ПСРЛ, I, 282–283]. По всей видимости, именно от этого брака и родился Андрей, который, подобно некоторым другим русским князьям, был, таким образом, наполовину половцем.

Свое первое имя, *Андрей*, этот князь получил в честь дяди по отцу, Андрея Владимировича Доброго, оно к тому времени уже совмещало в себе функции династического и крестильного. Между Юрием и Андреем Добрым существовал договор, согласно которому тот из братьев, кто переживет другого, брал под опеку детей умершего. Именно этот дядя и потенциальный покровитель Боголюбского, Андрей Добрый, также был женат на половчанке, внучке Тугоркана [ПСРЛ, II, 285]⁵⁸. Иначе го-

⁵⁸ Ср. *Рус. V* на с. 254.

вора, младшие сыновья Мономаха и их отпрыски — а Андрей Юрьевич в особенности — исходно были чрезвычайно тесно связаны с кочевым миром. Однако сведения о наличии у этого князя какого-либо другого имени, кроме *Андрей*, появляются лишь в очень поздних и ненадежных источниках.

Существует, в частности, известный фальсификат конца XVI в. (так называемая грамота Андрея Боголюбского Киево-Печерскому монастырю), где имя *Китай* приводится в качестве мирского имени этого князя [Горчаков 1868, 19, примеч. 1; Затилюк 2008, 215–235, с указанием дальнейшей литературы]. Именование *Китай* также было воспроизведено в Киевском Синописе Иннокентия Гизеля, составленном почти столетием позже, во второй половине XVII в., причем упоминание здесь мирского имени Андрея появляется именно в контексте пересказа вышеупомянутой грамоты [Синописис 1798, 114; Гизель, 446], которая, таким образом, скорее всего и послужила источником этих сведений для автора Синописиса. В дальнейшем данное именование перекочевывает в более поздние тексты и появляется на некоторых артефактах.

Антропоним *Китай* слишком странен и слишком заметно выбивается из традиции русских княжеских имен, чтобы его изобретение могло добавить хоть какой-нибудь убедительности подделке XVI в. Легче, пожалуй, допустить, что авторы фальсификата употребили его потому, что им случалось видеть нечто подобное в предшествующих текстах. Что же это могли быть за тексты и кто мог быть обладателем загадочного имени *Китай*?

В русском летописании фигурируют половцы, носящие имя *Китан* и *Китанопы*, жившие на рубеже XI —

XII столетий. Этимология этих антропонимов связывается с этнонимом, обозначавшим одно из племен монголов, «кидане»; такова же и этимология имени *Китай*⁵⁹. Строго говоря, нельзя исключить возможность того, что сын Юрия Долгорукого и половчанки получил дополнительное половецкое имя, например, в честь Китанопы, погибшего в 1103 г., незадолго до женитьбы его родителей, или, что менее вероятно, в знак примирения с родом Китана, убитого при дворе его деда несколькими годами ранее. В летописях, однако, никаких сведений о таком имянаречении, как уже говорилось, не обнаруживается, прямой родственной связи между матерью Андрея и Китаном или Китанопой проследить мы не можем, да и самая форма имени, *Китай*, в древних источниках не зафиксирована.

С другой стороны, в памятниках, связанных с событиями конца XV — начала XVII в., форма *Китай* встречается нередко. Ее обладателями бывают как татарские князья и мурзы, так и христиане — последние могут упоминаться в источниках исключительно под именем *Китай*, а могут обозначаться с помощью сочетания этого мирского и крестильного имен (ср. посол Василий Китай [ПСРЛ, XII, 157, под 1475 г.]) [Тупиков 1903, 236]. Весьма вероятно, таким образом, что составители фальсификата воспользовались представленной в близких им по времени «старинных» текстах моделью, допускающей, что один и тот же человек мог обладать именем *Китай* в качестве мирского, а именем *Андрей* в качестве крестильного.

⁵⁹ См.: [Баскаков 1985, 73, 84; Фасмер, II, 240–241]; ср. также: [Zajaczkowski 1949, 37–38; Peliot 1959, 216–229; Sinor 1995, 263–264, 266].

Полагаться же на осведомленность составителей поддельной грамоты в источниках древних станет еще труднее, если мы обратим внимание на тот факт, что они допускают невольную или сознательную ошибку даже в таком, казалось бы, ясном вопросе, как ближайшая генеалогия Андрея Боголюбского. Он правильно назван в грамоте сыном Долгорукого и внуком Владимира Мономаха, однако его прадедом объявляется Изяслав, а вовсе не Всеволод Ярославич, как это было в действительности.

Иными словами, эти поздние сведения о дополнительном имени русского князя нельзя проигнорировать полностью, но и нельзя на их основании сделать уверенный вывод о том, что Андрей Боголюбский действительно был обладателем антропонима *Китай*.

Если говорить о тех «кочевнических» прозвищах в русской княжеской среде, которые могут хоть каким-то образом ассоциироваться с половецким миром, то здесь, быть может, уместно вспомнить гипотезу В. Г. Васильевского относительно именования князя Ярослава Святополчища в венгерских хрониках [Васильевский 1930, 80–82]. В венгерском хроникальном своде XIV в., суммирующем более ранние венгерские историографические сочинения, рассказывается о князе Руси по имени *Безен* (*dux Ruthenorum, nomine Bezen*), приехавшим за помощью к венгерскому королю. *Безен*, вообще говоря, означает по-венгерски ‘печенег’, и исходя из этого В. Г. Васильевский предположил, что составители хроники могли смешивать печенегов и половцев, а князя наградили таким именованием потому, что отец его, Святополк, был женат на половчанке, дочери Тугоркана [ПСРЛ, II, 216]⁶⁰, т. е. в данном случае Безен = *Половчин.

⁶⁰ Ср. *Рус. V* на с. 254.

Такое обозначение по роду матери было бы вполне уместным, если бы Ярослав Святополчич был рожден в этом половецком браке. Однако как раз это утверждение представляется совершенно неверным, поскольку самый брак был заключен в 1094 г., а в 1099 г. Ярослав был уже достаточно взрослым, чтобы самостоятельно выполнять дипломатические поручения отца [Назаренко 2001, 571–573]. Кто в точности была его мать, первая жена или наложница Святополка Изяславича, мы не знаем, высказывались, в частности, предположения, что она могла принадлежать к какому-либо роду Черных Клобуков [Гуркин 1999, 41–42]. Однако подобная атрибуция, хотя как-то и объясняет прозвание *Безен* из венгерских хроник, никакими источниками не подкреплена. Как бы то ни было, половецкий след отыскать в данном именовании достаточно трудно.

Вообще говоря, свидетельство «третьей стороны», показания текстов, не принадлежащих ни русским, ни половцам, могли бы быть ценным источником сведений о половецких именованиих Рюриковичей или о русских именованиих половцев, но как раз в этих-то показаниях антропонимы зачастую подвергаются максимальному искажению и не поддаются ясной атрибуции и интерпретации. В качестве иллюстрации такой многоступенчатой неопределенности можно упомянуть, например, загадочное имя *Musuch*, которым в хронике Альберика из Труа-Фонтен наделяется русский князь (*regi Russie nomine Musuch*), отец датской королевы Софии, жены Вальдемара Великого [MGH SS, XXIII, 834].

Возможно ли усмотреть в форме этого именовании какие-либо тюркские ассоциации, сказать тем более затруднительно, в частности, потому, что мы не знаем на-

верняка, кто именно из русских князей был отцом Софии и мужем ее матери Рикицы, хотя самая принадлежность этого человека к роду Рюриковичей уже не вызывает у исследователей сомнения. Очевидно также, что он обладал и другим, более традиционным для династии именем, которое запечатлено в древнескандинавских источниках как *Валад* (*Valað*) или *Валадар* (*Valaðarr*) [Fask., 300; Knýtl., 242; SmHD, I, 184, 185], что может отсылать к целому спектру русских княжеских имен (прежде всего — *Володарь*, менее вероятно — *Володимир* или *Всеволод*) [Литвина & Успенский 2006, 58]. Что касается именованья *Misuch*, то О. Бальцер, например, склонен был усматривать в нем возможное отражение имени *Мстислав*, подчеркивая, впрочем, что в таком случае — перед нами еще одна из многочисленных ошибок Альберика в русско-польской генеалогии, а заодно отмечая, что степень искажения именованья в данном источнике не позволяет утверждать что-либо определенное о его первоначальной форме [Balzer 2005, 262–264].

Таким образом, источники не дают нам оснований утверждать, что результатом весьма тесных русско-половецких контактов стала развитая система русско-половецкой двуименности у какой-либо из взаимодействующих сторон. Соответственно, у нас нет и оснований исходить из того, что такие антропонимы, как *Роман* или *Глеб*, например, фигурировали у степных правителей в качестве вторых, дополнительных родовых именованья. Аналогия с появлением скандинавских дополнительных имен у Рюриковичей продуктивна, скорее, в другом отношении: она подкрепляет гипотезу о том, что и у половцев появление инокульту-

турных имен в значительной степени могло быть связано с отношениями свойства, возникающего с представителями чуждых кочевому миру родов.

Общие замечания. Итак, перед нами возникает весьма любопытная картина ономастических контактов русского и половецких правящих родов в конце XI — начале XIII в., мы можем увидеть, как выстраиваются границы между «своим» и «чужим» и по каким признакам «свое» и «чужое» может объединяться. Русские книжники в изобилии фиксируют автохтонные имена половецких князей, отнюдь не стремясь при этом к их русификации. Вместе с тем они проявляют замечательную заинтересованность в передаче собственно половецкой генеалогии, оформляя эти данные о ближайшем родстве и свойстве кочевых соседей с помощью тех же славянских морфологических и лексических показателей, которыми они пользуются при описании соответствующих отношений собственных соотечественников на Руси. У некоторых же половецких князей мы обнаруживаем русские календарные и некалендарные имена, совпадающие с династическими именованиями Рюриковичей.

Если говорить о конфессиональной составляющей этой картины, то в первую очередь обращает на себя внимание нетривиальное распределение отразившейся в источниках информации — обнаруживая христианские имена у некоторых представителей высшей половецкой знати, мы не находим ни одного упоминания о том, чтобы кто-либо из обладателей этих имен, их отцов и других ближайших родственников-муж-

чин принимал крещение. Более того, древнейшие летописные источники вовсе не содержат сообщений о крещении половецких вождей вплоть до начала татаро-монгольского нашествия. Любопытно при этом, что христианские имена тех немногих половцев, о чьем обращении мы можем судить более или менее уверенно, — будь то половецкая жена русского князя, безвестный постриженник Киево-Печерского монастыря, автор благопожелательной надписи на церковной стене или могущественный половецкий князь, крестившийся накануне битвы на Калке, — в памятниках не зафиксированы.

Эта асимметрия конфессионально-ономастических данных демонстрирует всю сложность и многослойность показаний русских источников о контактах с половцами и не дает нам право ограничиться общим утверждением, что половецкие князья, взаимодействовавшие с Русью в домонгольское время, принимали христианские имена, не принимая крещения, хотя именно такое положение дел представляется наиболее правдоподобным, исходим ли мы из летописных характеристик половецких вождей или из состава русского микроономастикона у половцев.

Следующим шагом нашего исследования станет, таким образом, анализ каждого конкретного факта появления русского имени у половецкого князя. Есть случаи, когда источники дают нам возможность проследить весьма зримую связь акта имянаречения с историей взаимоотношений двух совершенно определенных правящих семей, русской и половецкой, а попутно прояснить и самые модели ономастического

переноса, актуальные для этих ситуаций. В других же эпизодах более ограниченный набор наших сведений позволяет говорить лишь о нескольких возможных путях проникновения того или иного антропонима в половецкую среду и сопоставлять степень вероятности этих возможностей.

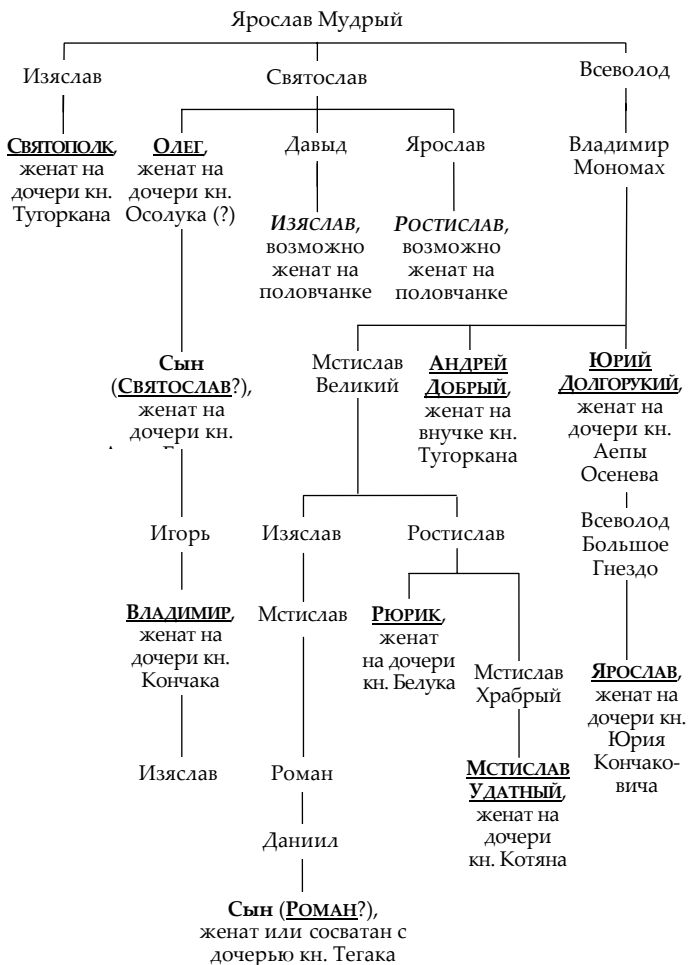

Рис. I: Половецкие браки русских князей

II.

ИМЕНА И ИХ ОБЛАДАТЕЛИ

ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ)

(Брак Кончаковны и Игоревича в контексте матримониальной практики Ольговичей. — Предыстория взаимоотношений двух сватов. — Наследники двух союзников. — Функции имени Георгий (Юрий) у Рюриковичей и половцев. — Имена как элемент внешней и внутренней семейно-политической стратегии Игоря и его братьев. — Русское имя половецкого князя за пределами Руси. — Общие замечания.)

Брак Кончаковны и Игоревича в контексте матримониальной практики Ольговичей. — При всем изобилии русско-половецких династических контактов конца XI — XII столетия в роду Рюриковичей существовала линия, в глазах летописцев связанная с половцами более всех остальных. Речь идет князьях Ольговичах, детях, внуках и правнуках Олега Святославича, сына Святослава Ярославича. Они не только регулярно обновляли свой родственный союз с кочевниками, но весьма охотно и умело пользовались военно-политическими преимуществами, от этого союза проистекающими¹. С этой точки зрения весьма выразителен, например, упрек, адресованный

¹ Об отношениях Ольговичей с половцами ср., в частности: [Ляскоронский 1913].

одним Мономашичем другому — «...еси побѣгль Воловичемъ . и Половцемъ добро творѣ» [ПСРЛ, II, 624], как бы уравнивающий интересы кочевников и потомков Олега Святославича².

Одним из самых знаменитых и хорошо освещенных в источниках русско-половецких матримониальных союзов этой ветви Рюриковичей был, без сомнения, брак князя Владимира, сына Игоря Новгород-Северского, с дочерью Кончака. Весьма существенно, что в этом случае летописи предоставляют в наше распо-

² Не так легко, впрочем, формализовать те критерии, по которым Ольговичи оказываются ближе степнякам, чем остальные Рюриковичи. Если в качестве индикатора интенсивности русско-половецких контактов избрать, например, число известных нам браков с половчанками, то окажется, что Мономашичи не только не уступают здесь Ольговичам, но даже и превосходят их (ср. выше, с. 21–23). Существенно, однако, что браки Ольговичей в XII — начале XIII в. несколько хуже отражены в сохранившихся источниках, так что летописец мог быть осведомлен о большем их числе, нежели то, с которым имеет дело сегодняшний исследователь. Кроме того, если брать в расчет всю совокупность потомков Святослава Ярославича (к числу которых принадлежат и потомки Олега), то здесь можно указать нескольких князей, чьи матримониальные союзы с половцами не названы в летописи напрямую, но с большой долей вероятности реконструируются по косвенным данным (ср. *Рис. I* на с. 90). Соответственно, общее число половецких браков в линии всех потомков Святослава Ярославича может влиять и на картину близости Ольговичей (едва ли не главных представителей этой ветви во второй половине XII в.) с кочевниками. И тем не менее едва ли можно утверждать, что князья, сидевшие в черниговских и рязанских землях, обладают сколько-нибудь заметным приоритетом в отношении браков с половцами. Не менее актуальны эти союзы и для других семей Рюриковичей.

ряжение довольно протяженную предысторию взаимодействия двух будущих сватов (отцов жениха и невесты), а с другой стороны, у нас есть сведения и о жизненном пути ближайших потомков этих лиц. В перспективе имянаречения у половцев нас интересуют взаимоотношения рода Игоря и Кончака в ближайшие десятилетия до и после женитьбы их детей, которая, согласно летописи, состоялась в 1188 г.:

Тогда же приде Володимѣрь . ис Половъцѣ . с Коньчаковою . и створи свадбоу Игорьъ снѣви своему . и вѣнча его и с дѣтатемъ [ПСРЛ, II, 659]³.

Необходимо отметить, что брак юного Владимира Игоревича (а он появился на свет в 1170 г. [ПСРЛ, II, 562]) играл в династической жизни несколько иную роль, нежели, например, брак его прадеда, Олега Святославича. Тот в свое время взял в жены половчанку, будучи уже зрелым человеком, самостоятельно борвшимся за свои княжеские права, и подобный матримониальный союз обеспечивал немедленные военные, да и политические преимущества лично Олегу. Что же касается женитьбы молодого княжича, особенно во второй половине XII в., то речь здесь скорее шла об

³ Можно предположить, что в половецкой перспективе этот брак состоялся ранее, пока Владимир был в плену, поскольку у пары уже успел родиться ребенок, хотя в принципе возможна и такая точка зрения, согласно которой ремарка летописца «и с дѣтатемъ» означает лишь, что ребенок появился на свет непосредственно в год венчания (ср.: [Литвина & Успенский 2013, 313]). Для нас же более всего существенно, что Владимир не венчался к началу похода и не был обвенчан в период пребывания в половецком плену.

упрочении неких политических договоренностей, заключаемых между двумя отцами, родителями жениха и невесты. На первый план, таким образом, выступают отношения *сватъства*, возникающие между старшими родичами, причем, как свидетельствуют данные о внутридинастических браках Рюриковичей, эти отношения — весьма тесные и ко многому обязывающие — могли вступать в силу не только с момента свадьбы как таковой, но и заметно раньше, с того момента, когда было достигнуто самое соглашение об этой свадьбе.

В подобной перспективе обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что Игорь, отец Владимира, именуется *сватом* Кончака уже в 1185 г. [ПСРЛ, II, 644]. Более того, именно эти отношения заставляют Кончака поручиться за русского князя, когда тот был ранен и пленен (ср.: [Литвина & Успенский 2013, 313]). Самое пребывание Игоря в плену оказывается не слишком жестоким и обременительным, и отчасти именно эти почетные условия создают, по-видимому, своего рода моральные препятствия для бегства⁴. Этот побег не помешал, в свою очередь, Владимиру Игоревичу два года спустя вернуться от кочевников к отцу с женой-половчанкой [ПСРЛ, II, 659].

⁴ Ср.: «Половци же . аки стыдащеся воевьдства его . и не творахоуть емоу . но приставиша к немуо сторожовъ . еі . ѿ сновъ своихъ . а господичичевъ патъ . то тѣхъ всихъ . к̃ . но волю емоу даахоуть . гдѣ хочеть . тоу ѣздашеть . и астрабомъ ловашеть . а свои^ѣ слоугъ съ . е̃ . и съ . с̃ . с нимъ ѣздашеть . сторожевъ же тѣ . слоушахоуть его . и чьстахоуть его . и гдѣ послашеть кого . бесъ прѣ . творахоуть повелѣное» [ПСРЛ, II, 649].

Иначе говоря, задолго до венчания молодых личное и дипломатическое взаимодействие двух сватов служило своеобразной, хотя и не абсолютно надежной гарантией того неустойчивого равновесия в отношениях новгород-северских Рюриковичей и возглавляемых Кончаком половцев, которое, нарушаясь иногда военными действиями, до поры до времени довольно быстро восстанавливалось. Очевидно при этом, что к началу столь знаменитого и столь несчастливой для русских князей военного похода 1185 г. мы застаем союзнические отношения Игоря Святославича и половцкого правителя в уже готовом, сложившемся виде. Попробуем, продвигаясь вглубь по хронологии, проследить, когда и при каких обстоятельствах они могли сформироваться.

Предыстория взаимоотношений двух сватов. — Уже в 1180 г., непосредственно после того, как Игорь по смерти своего брата Олега занял новгород-северский стол, мы находим его в весьма тесном и близком контакте с Кончаком. Степень этой близости, судя по всему, была редкой (хотя, возможно, и не уникальной) для русского князя. Так, на помощь своему кузену Святославу Игорь приходит с половцами, Кончаком и Боняком, что само по себе не является чем-то необычным для княжеской междоусобицы. Существенно, однако, что не кто иные, как половцы, просят затем Святослава, чтобы тот отпустил Игоря для совместных действий против Рюрика Ростиславича, «...аť лажеть с ними по Лобьскоу» [ПСРЛ, II, 621]. Более того, когда воеводам Рюрика все же удалось разгромить

эту коалицию, то Игорь с Кончаком бегут с поля битвы в одной ладье на Городец к Чернигову. При этом в летописи отмечается, что брат Кончака убит в сражении, а двое его сыновей попали в плен [ПСРЛ, II, 623].

Подобное выделение половцами Игоря, не говоря уже о той взаимопомощи, которую Кончак и русский князь оказывают друг другу в минуту опасности (судя по всему, Игорь на время укрывает своего разгромленного союзника в пределах черниговского княжества подобно тому, как Кончак поручится за него пять лет спустя в половецком плену) недвусмысленно свидетельствуют о том, что и к 1180 г. прочные личные контакты двух правителей, русского и половецкого, были фактом уже существующим.

Действительно, Игорю приходилось сталкиваться с Кончаком и прежде, еще при жизни старшего брата, Олега Святославича. Вплоть до 70-х годов Олегу случалось осуществлять функции защитника русских земель от кочевников, причем речь могла идти не только о тех волостях, которые принадлежали ему самому, но и о владениях других русских князей, которые его поддерживали [ПСРЛ, II, 532]. Позднее в этой же роли пробует себя Игорь, который был намного моложе своего брата и в целом действовал под его началом.

В 1171 г. этот двадцатилетний князь, в относительно небольшой битве на р. Ворскле недалеко от Переяславля, одерживает победу над Кончаком [ПСРЛ, II, 568–569]. Хотя этот военный успех не был столь масштабен (летописец отмечает, что у половцев «бѣ рать мала»), Игорю удается зарекомендовать себя в глазах старших князей как полководца, удачно обходящего-

ся с Кобяком и Кончаком, новыми грозными противниками Руси. Во всяком случае, именно так, по-видимому, обстоит дело в родовой перспективе Рюриковичей. Замечательно, однако, что в данном эпизоде она пересекается с перспективой собственно половецкой — внутрисемейная тактика русских князей описывается с помощью заимствованной терминологии и отливается в формы заимствованного обычая.

Немедленно после битвы, приехав праздновать вместе с родичами день свв. Бориса и Глеба, Игорь преподносит Роману, Рюрику и Мстиславу Ростиславичам, а также княжеским мужам часть военной добычи. Именно применительно к этим подаркам Игоря в летописном тексте впервые используется термин *саигат*, впоследствии еще не раз употребляющийся для характеристики даров из военных трофеев, которые младший правитель предназначает правителям старшим. Более того, самая практика подобного одаривания также описывается в летописи впервые, прежде связь между поднесением подарка и захватом военных трофеев никак не акцентировалась.

Семантика и этимология термина *саигат* несколько раз привлекала внимание исследователей, а порой и побуждала их к полемике. Одна из первых и весьма корректных интерпретаций его смысла была предложена еще в середине XIX столетия, на этот термин, как известно, обращал внимание Н. Г. Чернышевский. В материалах к словарю И. И. Срезневского значение данного слова не совсем точно определено как 'военная добыча, трофеи' [Срезневский, III, 244]. Этим определением воспользовался в своем словаре М. Фасмер [Фасмер, III, 545]. Одна-

ко на основании ряда работ [Мелиоранский 1905, 125–127; Zajączkowski 1949, 20–22; Попов 1949, 114; Попов 1969, 126–127; Попов 1973, 39; Менгес 1979, 134–135], оно было уточнено. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» эти поправки были учтены, и значение слова *сайгат* представлено здесь уже как ‘дар, подарок из военной добычи’ [СлРЯ, XXIII, 21]⁵.

С этимологической точки зрения данный термин, по всей видимости, можно считать достаточно ранним монгольским заимствованием в тюркские языки. Очевидно при этом, что каково бы ни было изначальное происхождение слова *сайгат*, на Русь во второй половине XII в. оно попадает из тюркской языковой среды, вероятнее всего — половецкой (ср.: [Мелиоранский 1905, 125]). В работе П. М. Мелиоранского и ряде других исследований приводится довольно обширный этнографический материал, демонстрирующий специфику бытования данного обычая у кочевых народов, подразумевающую поднесение соответствующих даров сюзерену, правителю области, в непосредственной близости с которой осуще-

⁵ Последняя по времени заметка о слове *сайгат*, совершенно игнорирующая, впрочем, работы предшественников, принадлежит П. П. Толочко. Значение слова описывается здесь приблизительно так же, как в соответствующем выпуске «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (2002 г.) и в работах, на которые данный словарь опирается: «Может, точнее сказать, что *сайгат* — это военная добыча, превращенная в приз победителем или в дар суверенам. <...> По существу, термин *сайгат* равнозначен древнерусскому слову «дар» или «подарок», но только в том случае, если он подносился за счет военной добычи»; при этом описание сопровождается появлением довольно неожиданных лингвистических терминов, таких, например, как «татарский (монгольский) язык» [Толочко 2007, 358].

ствлялись военные действия, а также кровным родственникам.

Все эти оттенки смысла чрезвычайно интересны с точки зрения бытования слова на русской почве, однако невозможно определить точное значение термина в традиции-акцепторе, основываясь исключительно на его значении в традиции-доноре. Большую роль, разумеется, здесь играет собственно русский материал. Для понимания семантики слова *саигат* в русском летописном узусе весьма существенно, в частности, то сходство ситуативных контекстов, которое можно наблюдать в рассказах о саигате Игоря и саигате Ростислава Рюриковича, представителя Мономаховой ветви. И те, и другие подарки подносятся после столкновения с половцами. Игорь (чей отец и дядя к тому времени уже скончались) адресует эти дары шуринам своего старшего брата Олега⁶. Молодой Ростислав, в свою очередь, одаривает отца, родного дядю, а затем — могущественного тестя, Всеволода Большое Гнездо [ПСРЛ, II, 678–679].

Таким образом, в круг получателей части военной добычи могут входить старшие родственники и старшие свойственники князя. Любопытно, что в обоих случаях летописец специально отмечает, что поднесение саигата приурочено к большим церковным праздникам (дню свв. Бориса и Глеба и Рождеству, соответственно).

В дальнейшем этот термин может выходить за рамки описаний русско-половецких столкновений, что демонстрирует, на наш взгляд, его относительную укорененность в летописной традиции, своего рода утрату принадлежности к сугубо «тюркскому» контексту, закрепление в древнерусском языке, по крайней мере, в опре-

⁶ Об их взаимоотношениях см. ниже в этой главе, с. 117–118.

деленном его регистре. В Галицко-Волынской летописи, коль скоро речь идет о событиях XIII в., он используется и в рассказах о столкновениях с Литвой; при этом его семантика в целом остается прежней — адресатами саигата остаются близкие родственники и свойственники князя-триумфатора, причем в их числе могут оказаться как члены рода Рюриковичей, так и иностранные династии, связанные с русскими князьями по браку. Так, князь Василько Романович после победы, одержанной над литовцами, отправляет саигат своему шурину, польскому князю Болеславу Стыдливому [ПСРЛ, II, 857].

Дело, однако, явно не сводится в чистом виде к добровольным дарам — родовое и властное старшинство, по-видимому, дает некое право на подношение, обозначаемое интересующим нас термином. Характерно, что в середине XIII в. в эту систему включается и татарский воєвода Бурундай, которому русский князь волей-неволей вынужден везти саигат в качестве одной из форм демонстрации своей лояльности [ПСРЛ, II, 847].

Можно ли говорить о каких-либо еще коннотациях слова *саигат*, вытекающих из его употребления на русской почве? В целом «Словарь русского языка XI—XVII вв.» характеризует его достаточно полно и точно⁷. Быть может, в перспективе описания культурно-этнографической функции этого слова следует упомянуть и о том, что в большинстве летописных примеров, исключая, разумеется, эпизод с Бурундаем, поднесение саига-

⁷ Авторы «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.» по непонятным причинам сочли нужным вернуться в трактовке этого слова к толкованию И. И. Срезневского [СДРЯ, X, 554–555]. Как кажется, это лишний раз демонстрирует, что обсуждение семантики слова *саигат* нуждается в продолжении.

та сопровождается ответными дарами принимающей саигат стороны. Иначе говоря, речь идет не всегда и не только о дани, но о сложном церемониале, знаменующем победу и подтверждающем определенные иерархические связи, церемониале, сопровождающемся, как и многие ритуалы подобного типа, обменом дарами.

Таким образом, у нас есть все основания полагать, что речь идет не только о заимствовании слова, но и о заимствовании некой формализованной процедуры или, говоря корректнее, о сложившемся сходстве между половецкими и русским церемониалом, оформляющим итоги успешных военных действий. Здесь мы можем воочию наблюдать, как более чем столетняя череда вооруженных конфликтов неизбежно оказывается, помимо всего прочего, мощным двигателем культурного взаимодействия — во взаимоотношениях Руси и половцев дело не ограничивается универсальной практикой обмена дарами при заключении мира между враждующими сторонами, одна традиция влияет на другую и в том, что, казалось бы, принадлежит сфере внутренних иерархических и союзнических отношений. Для нас чрезвычайно существенно, разумеется, что Игорь Святославич оказался первым, о чьей вовлеченности в эту заимствованную церемонию мы знаем наверняка.

За этой победой над половецкими князьями, судя по всему, последовало заключение мира — в этом отношении характерно, что после конфликта 1171 г. Кончак на несколько лет исчезает со страниц летописи, не фигурируя как участник половецких набегов. Что же

касается Игоря, то он, как уже отмечалось исследователями, долгие годы не принимал участия ни в одном общерусском походе против половцев, но при этом, подстраиваясь к ним по времени, совершал набеги в степь на владения половецких кланов, по-видимому, не связанных с Кончаком, воюя, например, с Обовлы Костуовичем [Гуркин 1999-а, 49].

Все это в совокупности позволяет заключить, что достигнутые в 1171 г. договоренности между русскими князьями и Кончаком были некоторое время вполне эффективны. Скорее всего, этот мирный договор и положил начало своеобразному личному союзу Игоря и Кончака, союзу, результаты которого мы наблюдаем в 1180, 1185 и 1188 гг.

Строго говоря, они могли сталкиваться и прежде — впервые Кончак упоминается в Ипатьевском своде среди тех диких половцев, кто был на стороне Изяслава Давыдовича во время его столкновения с Мстиславом Изяславичем в 1170 г. [ПСРЛ, II, 548, под 6680 г.]. «Концакъ с родомъ своимъ» сражались вместе с теми, кого Ольговичи прислали Изяславу на помощь, из чего можно заключить, что до столкновения на Ворскле отношения между черниговской ветвью и кланом Кончака носили не только враждебный, но и союзнический характер.

Мы полагаем, что длительный период «симпатии» между Кончаком и Игорем отчасти отрефлектирован в летописи — именно в эту пору, по-видимому, укрепляется представление о некоей общности интересов половцев и Ольговичей. Характерно, например, что в статье Ипатьевской летописи под 1179 г., расска-

зывающей о первом после большого перерыва появлении Кончака на Руси, когда он воюет близъ Переяславля (но не в черниговских землях!), мы находим не только гневное обличение безбожных половцев и в особенности их предводителя Кончака, но и осуждение тех, «кто любить врагы Бѣа» [ПСРЛ, II, 612]. Если первая часть этой инвективы относительно стандартна и естественна в устах летописца, то вторая ее часть, упоминающая неких куманофилов в собственно христианской среде, весьма неожиданна и практически уникальна. Подобная уникальность заставляет видеть в ней нечто вполне конкретное и адресное — надо полагать, летописец имеет в виду прежде всего русских князей (а, возможно и их окружение), чьи отношения с некрещеными половцами не сводились к кратковременному военному союзу, но подразумевали близость куда более тесную и дружескую.

Наследники двух союзников. — Итак, мы исходим из предположения, что около 1171 г. между двумя молодыми князьями (а Игорь и Кончак, судя по времени их упоминания в летописи, принадлежали к одному поколению) сложились личные союзнические отношения, которые оказались весьма долгосрочны. Легко представить, что русский и половецкий князь могли в эту пору сделаться чем-то вроде побратимов, однако наши сведения об институте побратимства на Руси в XII в. крайне скудны. Приблизительно тогда же у каждого из них появляются на свет дети. Точные даты рождения отпрысков Кончака нам не известны, но мы знаем, что к 1180 г. у него было по крайней мере

двое сыновей, не вполне маленьких, но не слишком, по-видимому, взрослых⁸. Дочка половецкого правителя, скорее всего, должна была родиться не позже первой половины 70-х годов, так как к 1188 г. она уже успела сделаться матерью [ПСРЛ, II, 659]⁹. Ее будущий муж, Владимир Игоревич, появился на свет в 1170 г., а относительно скоро за ним последовала целая череда его братьев.

Таким образом, для закрепления своего союза с помощью наиболее традиционного для династического обихода средства — договоренности о будущем браке детей, Игорь и Кончак располагали достаточным числом отсроченных возможностей. Тот факт, что женихом половчанки сделался именно старший Игоревич, свидетельствует, на наш взгляд, как о важности контактов с половецким миром, так и о относительно раннем заключении самого соглашения, хотя когда именно оно было достигнуто, сказать трудно. Так или иначе, незамедлительно доводить до конца эти матримонимальные планы не было ни возможности, ни необходимости — сын Игоря только к 1184/5 г. достигает обычного для русских князей брачного возраста, а

⁸ На такую мысль наводит самый характер летописного сообщения 1180 г. об их захвате русскими — мальчики уже вышли из раннего детства и потому о них упоминается особо в перечне пленных, но они еще не достигли достаточной самостоятельности, чтобы обладать некими властными привилегиями и, соответственно, называться по имени.

⁹ Русские внуки Кончака, по крайней мере один из них, Изяслав Владимирович, не теряют связи со своей половецкой родней и весьма охотно пользуются военной поддержкой кочевников (ср.: [ПСРЛ, II, 725–726]; возможно также: [ПСРЛ, II, 775]).

положение самого Игоря, пока был жив его старший брат Олег, оставалось слишком скромным, чтобы ему нужно было бы устраивать для малолетнего наследника формальный междинастический брак.

В перспективе русско-половецких отношений из всего потомства Кончака более всего интересны двое — только что упоминавшаяся невеста Владимира Игоревича и сын, которому впоследствии довелось стать сватом еще одного русского князя, Всеволода Большое Гнездо. Условные границы появления на свет этой девочки мы уже наметили выше. Что касается ее брата, то мы знаем, что тестем юного Ярослава Всеволодича он сделался на рубеже 1205–1206 гг. [ПСРЛ, I, 426]¹⁰.

¹⁰ Сообщение об этой свадьбе само по себе достаточно выразительно как в перспективе своеобразного ритма русско-половецких контактов, так и с точки зрения специфики отражения этих контактов в летописании. Погодная статья Лаврентьевской летописи под 6713 г. открывается сообщением о том, что коалиция русских князей, в которую входил «Єрославъ Переяславський . велико^г кнѣзѣ Всеволо^ж снѣ», лютой зимой совершила успешный поход на половцев и возвратилась с большой военной добычей. Мы не находим здесь никаких специальных указаний на последующие мирные переговоры кого-либо из Рюриковичей с этими или другими половцами, однако летописная статья под следующим, 6714, годом завершается сообщением о том, что «великий князь Всеволодъ . ѡ жени снѣ своего Ярослава» на половчанке (о датировке см. подробнее: [Бережков 1963, 87–88]). Возможно, в частности, что русские князья ходили на половцев, возглавляемых именно отцом невесты Кончаковичем, а свадьба была в таком случае своеобразной формой и результатом завершения конфликта. Однако никаких ясных указаний летопись здесь не дает, а картина русско-половецких связей той поры была столь многообразна, что подобное пред-

Если допустить (а это кажется нам весьма вероятным), что он был одним из тех сыновей Кончака, которые были захвачены в плен в 1180 г., то по этим точкам можно наметить некую хронологическую канву его жизни, согласно которой он был достаточно близок по возрасту к своей сестре и появился на свет в начале 70-х годов¹¹.

положение обречено оставаться гипотезой. Очевидно, например, что к тому времени помощью половцев активно пользуются не только Ольговичи, но и Рюрик Ростиславич с сыновьями. По-видимому, именно необходимость установления некоего паритета с этими линиями собственных родственников в отношении союзов с кочевниками и побудила Всеволода Большое Гнездо организовать брак своего сына с внучкой Кончака. О том, что такой паритет и в самом деле составлял насущную политическую надобность, свидетельствует, между прочим, то сообщение погодной статьи, которое следует непосредственно за упоминанием о женитьбе Ярослава Всеволодича. Здесь рассказывается о том, как половцы помогают объединившимся Ольговичам и Ростиславичам в их совместном походе на Галич, город, значение которого было в ту пору огромно. При этом ни сам Всеволод Большое Гнездо, ни кто-либо из его сыновей в этом предприятии не участвуют.

¹¹ Имеющиеся в нашем распоряжении летописные свидетельства о сыне Кончака не дают оснований для каких-либо неоспоримых утверждений о дате его рождения. Тем не менее, можно с достаточной уверенностью утверждать, что к 1206 г. он был уже вполне зрелым человеком — не только потому, что его дочь вышла замуж, но и потому, что он располагал столь значительной властью среди своих соплеменников, чтобы оказаться подходящим сватом для весьма могущественного в ту пору Всеволода Большое Гнездо. С другой стороны, в 1180 г. никто из сыновей Кончака скорее всего еще не стал взрослым, при том что дети мужского пола у него к тому времени заведомо

Функции имени *Георгий* (*Юрий*) у Рюриковичей и половцев. — Как же звали этого Кончаковича, которому суждено было в начале XIII в. породниться с домом Рюриковичей? Именно он, как известно из летописи, носил имя *Юрий*. Это же имя в свое время получил в крещении сват и союзник его отца, Игорь-Георгий Святославич Новгород-Северский:

Сѣславъ же не дожда велика дѣни поиде в по-
челникъ стои не^длѣ а въ вторни^к родиса оу него сѣи и
нарекоша има ему въ сѣомъ крѣщенѣи Гергии а мирь-
ские Игорь [ПСРЛ, II, 422, под 6659 г.]

Подобное совпадение едва ли может быть случайным. Очевидно, что такое имянаречение половецкого наследника непосредственно связано с фигурой русского князя, с чьей семьей его род оказался так тесно объединен. Какова же, если так можно выразиться, семиотика этой связи?

Христианское имя *Георгий*, как уже отмечалось, успело приобрести у Рюриковичей статус самостоятельного династического, что не мешало ему, как и другим подобным крестильным именам, по-прежнему даваться в иных случаях вместе с мирским, княже-

имелись (см. выше, примеч. 8 на с. 104), а интересующий нас отпрыск, судя по тому положению, которое он занял со временем, принадлежал к числу старших наследников своего отца. При этом в 20-е годы XIII в. этот Кончакович, как видно из летописей, еще принимал активное участие в военных действиях. Всего вероятнее, таким образом, что к концу 1205 г. ему было около 30–35 лет, а родился он, соответственно, между 1170 и 1175 гг.

ским — это, собственно, и произошло с сыном Святослава Ольговича¹². Иначе говоря, на Руси уже жили и действовали до того времени князья Юрий Владимирович Долгорукий или Юрий Ярославич Туровский, которые фигурируют в летописи исключительно под данным христианским именем, но при этом для других князей, в частности, для нашего Игоря, это имя остается лишь крестильным — в летописных сводах, за исключением сообщения о его рождении, он присутствует как *Игорь*.

Может показаться несколько неожиданным, что сын его половецкого союзника получает именно это дополнительное, христианское по происхождению имя. Трудно усомниться, что Кончак назвал его в честь Игоря-Георгия, но почему из двух имен было выбрано *Юрий*? Не подталкивает ли подобное обращение к христианскому имени к выводу о том, что этот ребенок был крещен, или оно объясняется как-то иначе?

Попытаемся для начала ответить на вопрос, обусловлен ли такой повтор христианского имени тем, что Юрий Кончакович стал крестником Игоря-Георгия Святославича. В самом деле, как на Западе, так и

¹² Аналогичная судьба досталась в династии и имени *Василий*. С конца XI в. оно может фигурировать как единственное именование князя (ср. упоминания Василько Ростиславича Тербовольского в летописи), с другой стороны, еще долгое время спустя оно употребляется и в сочетании с именем мирским. Так, имя *Василий* носил в крещении не только Владимир Мономах, но, например, и его правнук Рюрик-Василий Ростиславич. В летописном тексте оба они упоминаются преимущественно под мирскими именами. Подробнее см. гл. «*ВАСИЛИЙ*».

на Востоке христианского мира хорошо известны случаи, когда при крещении восприемник дает крещаемому свое имя, это нередко случалось и в семьях правителей. С другой стороны, во внутриродовой практике Рюриковичей подобной закономерности не просматривается: во всяком случае, у нас нет надежных свидетельств о том, что князь или княгиня, становясь крестными своих младших родичей, давали им в качестве крестильного собственное христианское имя¹³. Как бы Рюриковичи поступали в случае крещения представителя половецкого рода, мы решительно не знаем.

С другой стороны, весьма соблазнительное допущение о наличии духовного родства между Игорем Святославичем и Юрием Кончаковичем, как кажется, существенно сужает временные рамки появления последнего на свет. В самом деле, Игорь едва ли мог сделаться его крестным отцом прежде венчания дочери Кончака с Владимиром Игоревичем — Рюриковичи,

¹³ Случаев, когда крестным становился новорожденного кто-то из близких родственников или свойственников, не так уж мало (часть примеров подобного рода см. в работе: [Ивакин 1901, 295–296], где, впрочем, один из таких примеров содержит генеалогическую ошибку: обсуждаемый Ярослав был сыном Изяслава Мстиславича по плоти и крестником его брата (т. е. своего дяди) Ростислава Мстиславича, а не наоборот). Ни в одном из этих случаев, однако, мы не располагаем свидетельствами того, что крестный отец или мать дали крестнику свое календарное имя, а в некоторых ситуациях мы твердо знаем, что этого не было. Так, Олег-Михаил Святославич стал крестным своих племянников Мстислава и Изяслава. При этом старший из них получил в крещении имя *Федор*, крестильное же имя второго, рано погибшего Изяслава Владимировича, в источниках не зафиксировано.

судя по всему, соблюдали канонические ограничения относительно браков между духовными родственниками, и русский князь вряд ли мог женить своего сына на родной сестре собственного крестника. Настаивая на версии духовного родства, придется допустить, что Юрий Кончакович был примерным ровесником своего племянника Изяслава Владимировича и появился на свет не ранее 1188 г., что нам представляется маловероятным¹⁴.

Кроме того, гипотезе, согласно которой у Кончака к концу 70-х годов могли быть крещенные дети, противоречат уже упоминавшиеся инвективы летописца, характеризующие его как своеобразное воплощение безбожия и язычества. В самом деле, Юрий был главным или одним из главных наследников своего отца. Трудно себе представить, чтобы тот невозмутимо взирав на крещение своего потенциального преемника, однако еще труднее допустить, пожалуй, чтобы это обстоятельство было оставлено без внимания летописцев, столь тщательно фиксирующих куда менее значительные факты взаимодействия Кончака с Русью. Таким образом, складывается впечатление, что у авторов летописи ни-

¹⁴ Прежде всего, такое допущение не очень хорошо согласуется с наличием у Юрия Кончаковича дочери, достигшей брачного возраста к началу 1206 г. Остается, правда, некоторая вероятность, что Всеволод Большое Гнездо женил своего сына Ярослава на малолетней степной принцессе, поскольку известно, что одну из своих собственных дочерей Всеволод выдал замуж, когда ей было лишь восемь лет. Однако Кончаковна при такой интерпретации хода событий должна была бы быть к моменту брака с Ярославом еще намного младше, тогда как Ярослав Всеволодич в ту пору — молодой, но достаточно взрослый князь.

каких известий о причастности Кончаковой семьи к христианству вплоть до смерти этого главы рода не было.

Нельзя ли предположить, что его сын принял христианство позднее, в ту пору, когда Кончак уже сошел с исторической сцены и до того, как его внучка, дочь Юрия, была выдана замуж за Ярослава Всеволодича, ведь именно в записи об этом браке впервые упомянуто имя Юрий, принадлежавшее данному половецкому правителю? Но и это представляется крайне маловероятным. Действительно, власть Юрия над своими соплеменниками, как уже упоминалось, была весьма велика. В летописной статье под 1223 г. Юрий охарактеризован даже как «болиише всихъ Половецъ» [ПСРЛ, II, 740]. Однако за те почти два десятилетия, что протекли между замужеством Юрьевны и гибелью ее отца, мы не находим в характере половецко-русских отношений решительно никаких серьезных изменений, которых можно было бы ожидать, если бы во главе одного из самых могущественных кланов встал христианин. На деле мы обнаруживаем здесь все то же неустойчивое равновесие, поддерживаемое браками и нарушаемое военными столкновениями, которое наблюдалось и в предыдущем столетии, когда во главе их стоял «безбожный» Кончак. Не изменяется, как уже отмечалось, и тональность летописца, который и в эту пору продолжает характеризовать носителей христианских имен из числа кочевников (в частности, и Юрия) как *поганных* и *окаянных*¹⁵.

¹⁵ Ср., например: «...и Половьчъ безбожныхъ множество избиха, а инѣхъ загнаша, и тако измроша убиваеми гнѣвомъ божиємъ и пречистыя его матере; много бо зла створиша ти

Хотя в силу крайней скудости наших сведений о половецких князьях мы можем лишь предлагать различные версии развития событий, взвешивая и оценивая меру их правдоподобия, все изложенное выше заставляет нас думать, что Игорь-Георгий Святославич не был крестным отцом Юрия Кончаковича и что последний не был христианином вовсе. Вероятно, князь Игорь «подарил» свое крестильное имя некрещеному сыну своего некрещеного союзника. Почему же, однако, объектом «дарения» в таком случае оказалось не мирское *Игорь*, а христианское *Георгий*?

В предыдущей части работы мы уже обсуждали общую тенденцию, делавшую одни княжеские имена более пригодными для договорных отношений с половцами, чем другие. Попробуем теперь проследить на более конкретных примерах, как антропонимический обмен обслуживал различные договорные отношения. До сих пор, говоря о христианских именах у половецких князей, мы подчеркивали, что все они в конце XI — XIII вв. у Рюриковичей имели статус полноценных династических имен. Характеристика эта представляется нам очень важной, однако нельзя не обратить внимание на тот факт, что в микрокорпусе русских имен,

оканьнии Половчи Русьскои земли, того ради всемилостивии богъ хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы Куманы, яко да отмыстятъ кровь крестьянску, еже и бысть над ними безаконьными. Проидоша бо ти Таурмени всю страну Куманьску и придоша близъ Руси, идеже зоветься валъ Половьчскы. И прибегоша оканьнии Половчи, избьеныхъ избытъкъ, Котянь с ынѣми князи, а Данилъ Кобяковиць и Гюрги убьена быста» [ПСРЛ, III, 62]. Об этом эпизоде см. также ниже, с. 122–123, примеч. 20.

известных у половцев, имена христианские явно преобладают. В сущности, мы находим здесь лишь одно некалендарное княжеское имя, которое не могло быть дано при крещении, — *Ярополк*. Все же остальные — *Глеб*, *Юрий*, *Роман*, *Василий*, *Давыд* (?), *Даниил* — это имена или изначально обладавшие на Руси статусом крестильных, или приобретшие его к XII в.

При этом, насколько мы можем судить по контексту взаимоотношений Кончака и Игоря, русское имя для половца (так же, как и брак половчанки с князем) обладало привлекательностью не само по себе, а постольку, поскольку устанавливало связь с конкретным союзником-Рюриковичем и его семьей в целом, а потому выбор такого имени не должен был противоречить установкам и предпочтениям русской стороны. Иначе говоря, неравномерность в распределении христианских и нехристианских княжеских имен в половцкой среде связана с известными различиями в специфике их бытования у самих князей Рюриковичей.

На Руси же, как мы уже неоднократно пытались продемонстрировать, мирские княжеские имена крайне редко использовались за пределами династии. Что же касается христианских имен, то далеко не все из них считалось пригодными для князя, но при этом всякое христианское имя, встречающееся у князей, мог носить и любой человек не княжеского происхождения. На таком фоне не кажется столь странным, что половцам чаще всего переходят эти последние, вполне престижные, но не обладающие статусом исключительно княжеских, имена династов. Отметим кстати, что имя *Ярополк* в системе непроницаемости русского

княжеского антропонимикона было одним из слабых звеньев — к началу XIII в. оно, став заметно менее популярным у князей, встречается, например, у галицкого боярина [ПСРЛ, II, 728, 730]¹⁶.

На примере брачной и ономастической политики новгород-северских князей можно пронаблюдать, как с помощью имянаречения осуществлялась довольно тонкая градация, фиксирующая разные ступени близости с половецкими свойственниками и с членами собственного рода. Необходимо учитывать, что русские князья, жившие в середине XII в., имели дело с уже сложившейся традицией имянаречения. Им приходилось действовать в рамках довольно сложной комбинации возможностей и запретов: при жизни Игорь-Георгий Святославич не мог дать свое собственное мирское имя родному сыну, при этом оно могло быть передано кому-либо из непрямых потомков-Рюриковичей (сыну брата, кузена или даже шурина), но, по-видимому, не половецким союзникам. Аналогичными правилами определялся и выбор мирских княжеских имен для своих сыновей-наследников. Обращение же с собственными крестильными именами допускало куда больше степеней свободы.

Имена как элемент внешней и внутренней семейно-политической стратегии Игоря и его братьев. — Вся эта непростая система запечатления родственно-свойственных связей в

¹⁶ Подробнее об имени *Ярополк* в половецкой среде см. далее, гл. «*ЯРОПОЛК*», с. 197–207.

именах была особенно актуальна для младшей линии потомков Олега Тьмутороканского, чьи династические чаяния, судя по источникам, далеко превосходили те реальные властные возможности, которые достались на их долю после смерти их отца, Святослава Ольговича.

В самом деле, проиграв после его кончины в политическом противостоянии кузенам Всеволодичам, Олег Святославич и его подрастающие братья, Игорь и Всеволод, в своем стремлении сохранить сколько-нибудь заметное положение в княжеской иерархии не могли искать поддержки у каких-либо кровных родственников, но вынуждены были рассчитывать на те отношения свойства, которые удастся завязать им самим. Эта карта свойства была разыграна ими, как известно следующим образом: овдовевший Олег женится на дочери киевского князя Ростислава Мстиславича, а для его младшего брата Игоря был организован брак с дочерью Ярослава Галицкого. Оба этих союза были совершены с отступлением от церковно-канонических правил, что лишний раз демонстрирует, сколь велика была политическая необходимость в них для осиротевших новгород-северских князей [Литвина & Успенский 2013-б, 90–92].

Необходимость эта, равно как и сплоченность братьев между собой, в меньшей степени отразилась и в имянаречении детей в семье Игоря (см. *Рис. II*).

Речь идет о давно погибшем к этому времени двоюродном дяде Олега и Игоря Святославичей, Владимире Давыдовиче. Некогда Владимир (в отличие от своего кузена Святослава Ольговича принадлежавший к старшей ветви потомков Святослава Ярославича) владел чернигов-

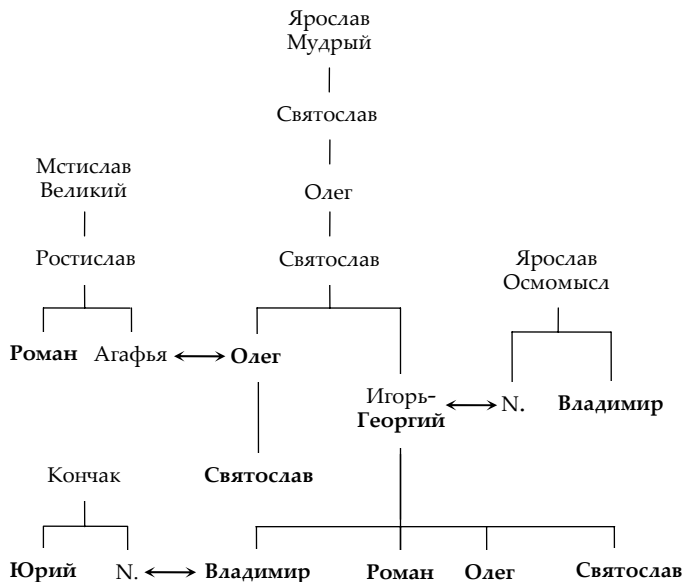

Рис. II: Имянарекение в семьях Олега и Игоря Святославичей

ским столом. Со временем, однако, довольно обширная семья Давыдовичей сошла с исторической сцены — в 1166 г. не стало последнего представителя Давыдова дома по мужской линии, Святослава Владимировича Вицижского, сына Владимира Давыдовича ([ПСРЛ, II, 525]; ср.: [Литвина & Успенский 2012, 50]).

В этом свете использование имени *Владимир* в семье Игоря Святославича может рассматриваться в каче-

стве своеобразной попытки перенять наследственные права Давыдовичей на черниговское княжение, однако необходимо все же учитывать и генеалогическую, и — что еще более существенно — хронологическую дистанцированность Игоревя первенца от ситуации, когда образ погибшего Владимира Давыдовича был еще значим в междукняжеской борьбе. При этом существовала куда более актуальная и близкая связь, которую имело смысл отразить в имянаречении, — *Владимиром* звали шурина Игоря, родного дядю новорожденного с материнской стороны, сына Ярослава Галицкого.

Эти отношения свойствá (перешедшие, естественным образом, в кровное родство по материнской линии) оказались весьма прочными. Правда, самому Игорю пришлось не столько рассчитывать на поддержку шурина, сколько помогать ему, однако много лет спустя, после смерти Владимира Ярославича, не кто иные, как его сестричичи, сыновья Игоря, оказались, благодаря поддержке части галицкого боярства, одними из самых важных участников в борьбе за галицкий стол. Таким образом, акт имянаречения Владимира Игоревича, бесспорно ориентированный в будущее, явно не пропал впустую.

Еще более показателен выбор имени для другого сына Игоря, Романа, при наречении которого несомненно учитывалась фигура еще одного свойственника, старшего брата Агафьи Ростиславны, жены его дяди Олега. Для Игоря это свойствó было не столь уж близким, однако именно Ростислав, отец Романа и Агафьи, в свое время добился, чтобы Игорь был наделен волостями в черниговской земле, а приблизительно в пору появления мальчика на свет именно шурия Олега, старшим из которых был Роман Ростиславич, помогали братьям

Святославичам в их экспедициях против кузена [Литвина & Успенский 2013-б, 91]. Центральные же родовые имена черниговских князей, *Олег* и *Святослав*, не исчезли из семьи Игоря вовсе, но достались лишь младшим детям.

С другой стороны, еще при жизни Олега существенным компонентом в той стратегии свойства, которую братья Святославичи выстраивали внутри собственной династии, становились отношения новгород-северских князей с половцами (здесь достаточно вспомнить о тех дарах, *saigate*, которые Игорь везет шуринам своего брата). Когда же Игорь после смерти брата стал старшим в семье, он в еще большей степени заботится о том, чтобы контакты, налаженные им с кочевниками, могли служить серьезным аргументом в его отношениях с родственниками и свойственниками Рюриковичами. Так, его отношения со старшим кузеном Святославом Всеволодичем складываются куда лучше, чем они были при жизни Олега. Одна из причин этого улучшения заключалась в том, что за Игорем стояли могущественные половецкие кланы, которые были весьма полезны Святославу и в его борьбе за киевский стол, и в его противостоянии со Всеволодом Большое Гнездо¹⁷.

¹⁷ Любопытно, в частности, когда именно в семье Игоря появляются едва ли не самые востребованные в черниговской ветви Рюриковичей имена *Олег* и *Святослав*. Напомним, что «дедне имя» *Святослав* носил племянник Игоря, Святослав Ольгович Рыльский. Очевидно не имея ни нужды, ни желания конкурировать в имянаречении со своим братом, собственным старшим детям Игорь этого имени не дает. Одного из младших сыновей он назвал *Олегом*, еще раз подтвердив тем самым союз с родным старшим братом, от которого ему предстояло унаследовать Новгород-Северский. И лишь следующему сыну было дано

Несколько схематизируя дело, можно сказать, что поначалу Игорь и его братья стремились опираться на свойственников из Рюриковичей, тогда как в дальнейшем русское родство Игоря поддерживалось половецким свойством и всю эту сложную политическую структуру он стремился запечатлеть в именах. Он «принимал» от своих русских родственников и свойственником имена для своей семьи и отдал одно из собственных имен в семью кочевников.

С другой стороны, те русские христианские имена, которые давались половецким княжичам, еще задолго до их имянаречения уже отнюдь не были пустым звуком для собственно половецкой родовой традиции. Напомним, что Юрий Долгорукий, самый прославленный в XII в. носитель родового имени, был женат на половчанке, и его половецкие свойственники в свое время регулярно оказывали ему военную помощь. Ему удалось занять киевский стол, а, насколько

имя *Святослав* [ПСРЛ, II, 604]. Не исключено, что при таком имянаречении подразумевалась в качестве прототипа не только фигура довольно давно скончавшегося родного деда ребенка, но и живого двоюродного дяди, Святослава Всеволодича. Действительно, если до тех пор между партиями кузенов существовала вражда, неоднократно доходившая до военных столкновений, то впоследствии они — за редкими исключениями — действуют заодно. Можно допустить, что наречение Святослава-Адриана Игоревича было одним из шагов установления мира внутри большого клана Ольговичей или одним из средств манифестации договора об этом мире, заключенном между кузенами Святославом и Игорем, каждый из которых на тот момент был старшим среди своих родных братьев. Это тем более вероятно, что мальчик появился на свет в год, когда Святославу Всеволодичу удалось второй раз занять киевский стол.

мы можем судить по отдельным ремаркам летописца, вопрос о том, кто именно княжит в Киеве в каждый конкретный момент, играл для половцев кардинальную роль¹⁸. Как мы знаем, сам Игорь родился и был наречен *Георгием* в ту пору, когда его отец, Святослав Ольгович, рожденный от половчанки и, судя по всему, женатый на половчанке первым браком, спешил на помощь Юрию Долгорукому [ПСРЛ, II, 422]. Таким образом, в половецкой среде имя *Георгий* было безусловно прекрасно известным и весьма по-

¹⁸ Как неоднократно отмечается в летописи, смена князя на киевском столе могла сопровождаться масштабным набегом половцев или — что не менее интересно — относительно мирным их появлением на Руси с целью перезаключения договоров. Ср., например: «в се же время поидоша Половѣцѣ на Рускую землю . слышавше ꙗко оумерлъ естъ Всеволодъ послаша послы къ Стополку ѡ мирѣ» [ПСРЛ, II, 209]; «Мѣстиславъ . старѣишии снѣ его . сѣде на столѣ в Києви . ꙗко мѣсто своего майи въ кѣ слышавше же се . врази Половци смѣръ Володимерю . и присушася . къ Баручю . рекше возмемъ Торкы ихъ» [ПСРЛ, II, 289]; «сѣдацю бо Глѣбови Гюргевичю Кыѣвѣ . на столѣ ѡтны . и дѣдни . первое лѣ^т . приде множество Половецѣ . раздѣлившеся на двое . ѡдини придоша к Переяславлю . и стаха оу Пѣсочна . а друзии придоша по ѡной сторонѣ Днѣпра г Кыеву . и стаха оу Корсуна . и прислашася ѡбои къ Глѣбу глѣце . Бѣ посадиль та и князь Андрѣи . на ѡтчинѣ своей . и на дѣдини в Кыевѣ . а хоше^а съ тобою порады положить . ѡ всемъ . и оутвердитися межы собою . и внидемъ в роту а ты к на^а . да ни вы начнете боити^{са} насъ . ни мы васъ» [ПСРЛ, I, 357–358]. Помимо всего прочего, это демонстрирует хорошую осведомленность кочевников в делах их крещеных соседей и особое внимание к киевским князьям, сохранявшееся у них по крайней мере до второй половины XII столетия.

четным¹⁹, с ним был связан целый клубок русско-половецких отношений, а потому второе имя Игоря-Георгия, друга и союзника, должно было по целому ряду параметров устраивать Кончака, коль скоро он решился запечатлеть связь с ним в наречении сына.

¹⁹ Возможно, говоря о престижности имени *Георгий* у половцев, следует в качестве дополнительного фактора учесть и еще одну, лежащую за пределами русско-половецких отношений, линию свойства. *Георгий* было династическим именем Багратидов, а один из представителей этого дома, грузинский царь Давид Строитель, как уже неоднократно упоминалось, был женат на половчанке. Если исходить из того, что Кончак и жена царя Гурнадухт происходили из одной семьи (подробнее см. гл. «ГЛЕБ», с. 167–168, примеч. 1), то, возможно, для Кончака этот ономастический факт имел определенное значение. *Георгиями* звались, в частности, один из сыновей Давида и его внук, правивший в Грузии в интересующее нас время, Георгий III (1156–1184 гг.) [Toumanoff 1990, 136, № 22]. Однако эту линию едва ли возможно счесть определяющей в деле наречения Юрия Кончаковича, так как первый из упомянутых грузинских Георгиев (сын Давида) никогда не правил и умер юным за несколько десятилетий до рождения Кончаковича, а второй, Георгий III (внук Давида), сын Деметре, по всей видимости, не принадлежал к числу потомков Гурнадухт и о его взаимодействии с Кончаком решительно ничего не известно. Собственно говоря, нет никаких определенных данных и о том, что Георгий, сын Давида Строителя, был рожден в браке с Гурнадухт. Немаловажно, кроме того, что в Грузии не была отмечена та форма имени *Георгий*, которую получил Юрий Кончакович, зато она, как уже упоминалось, была исключительно популярна на Руси. Известно при этом, что именно такая форма антропонима прилагалась к Кончаковичу регулярно и не только в русских источниках (подробнее см. ниже).

Русское имя половецкого князя за пределами Руси. — На примере Юрия Кончаковича мы можем убедиться также, что христианские династические имена, заимствуемые половцами у Рюриковичей, имели полифункциональный статус, и их употребление отнюдь не ограничивалось ни русским летописным узусом, ни случаями русско-половецких контактов как таковых. В китайских источниках, повествующих о монгольских завоеваниях, в рассказе о столкновении татар с половцами, непосредственно предшествующем рассказу о битве с русскими на Калке, упоминается половецкий предводитель Юрки, который убедительно отождествляется с Юрием Кончаковичем [Храпачевский 2009, 228]²⁰. Оказывается, таким

²⁰ Я. В. Пилипчук полагает, что под своим христианским именем Юрий Кончакович упомянут также в «Жизнеописании султана Джелаль-ал-Дина» ан-Насави, а, возможно, и в «Письме брата Юлиана о монгольской войне» ([Пилипчук 2013-а, 101, 166–170]; ср. в этой связи: [Голубовский 1884, 230–231, примеч. 3]). Правда, отождествление Юрия Кончаковича с Гуркой (Гурханом) из сочинения ан-Насави и Гурегом из письма Юлиана сопряжено с определенными трудностями. В частности, оно требует допущения, что Юрий, вопреки русскому летописанию, не погиб к 1223 г. Уже упоминавшийся китайский источник («Юань-ши»), повествуя о битве татар с половцами у Железных ворот, сообщает, что одним из вождей половецкого войска был Юрий, а также о том, что его сын был убит, но о судьбе Юрия никаких определенных указаний этот памятник не содержит. Из Новгородской и Ипатьевской летописей мы узнаем, что когда татары прошли «всю страну Куманьску» и оказались в непосредственной близости от Руси, у места, которое называлось «валь Половьчъскы» [ПСРЛ, III, 62, 265], а половецкие вожди бежали за помощью к русским князьям, Юрий Кончакович и

образом, что по крайней мере для всего внешнего мира, а отнюдь не только для русских, наследник Кончака был *Юрием* или *Юркой*. Этот антропоним был его «настоящим», полноценным именем, известным и за пределами Руси.

Общие замечания. — Итак, история появления имени *Юрий* у половецкого князя ценна не только сама по себе, но и тем, что благодаря ей появляется возможность выявить некоторые параметры, актуальные для исследования остальных русских имен, проникших в среду половецкой элиты. Мы убеждаемся, например, что это были полноценные имена, чье функционирование не ограничивается рамками русской средневековой историографии. Коль скоро речь идет о «нормальных» именах, то следует полагать, по видимому, что их выбор не противоречил неким общим традициям, присущим родовому миру в целом. Соответственно, большую роль в изучении этих антропонимов играет своеобразная семейная предыстория, события, связанные с предыдущим поколением половецких вождей. Говоря конкретнее, необходимо выяснять всё возможное о взаимоотношениях с Русью отца или ближайших старших родичей обладателя русского имени.

Случай Юрия Кончаковича демонстрирует, что прототипом для наречения половецкого наследника

Даниил Кобыкович были уже убиты. Таким образом, прямых противоречий между китайским и русским источниками вроде бы нет, из их показаний следует, что Юрий нашел свою смерть в то время, когда завоеватели двигались от Дербента к Руси.

становится тот из русских князей, кому довелось на протяжении достаточно долгого времени находиться в тесных договорных отношениях с его отцом. Имеет смысл, таким образом, выделить этот тип наречения в особую модель перехода имени 'от русского князя-партнера — к сыну половецкого князя-партнера' (или, формулируя более общо, — 'наречение в честь отцовского контрагента'). Появление княжеского имени в половецкой среде способно сопутствовать заключению в тех же семьях междинастического брака — и то, и другое так или иначе связано со стремлением закрепить или обновить союзнические отношения. Существенную роль играет, по-видимому, статус или степень престижности трансплантируемого имени в русской и половецкой среде. Характерно при этом, что в летописи может не обнаруживаться никаких следов приобщения половецкого носителя христианского имени к христианской вере как таковой.

Разумеется, эти направления исследования, а тем более подобная модель имянаречения, не должны считаться единственно возможными или автоматически переноситься на любой случай появления русского княжеского имени у половецкой знати. Однако в целом использование казуса Юрия Кончаковича кажется достаточно продуктивным, насколько вообще может быть продуктивно использование сюжета, относительно обширно представленного в письменных памятниках, для реконструкции отдельных элементов тех сюжетов, о которых мы знаем гораздо меньше.

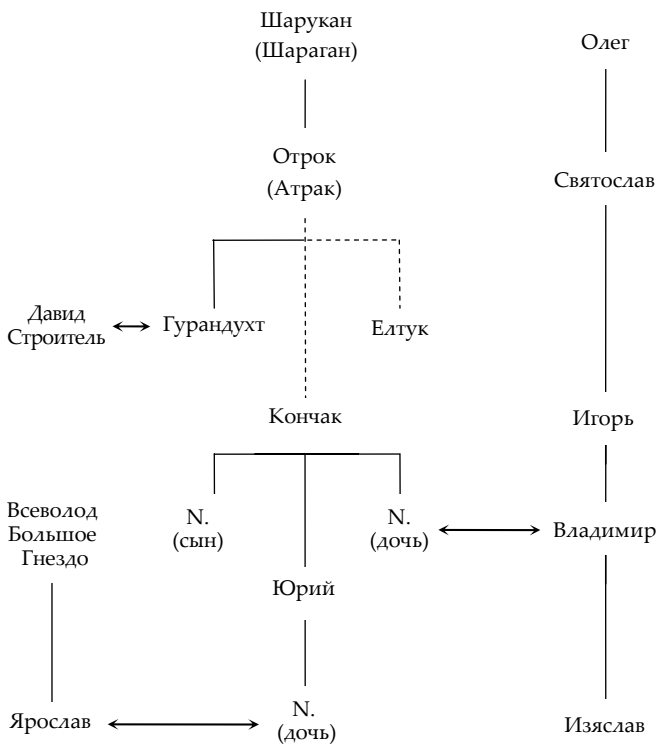

Рис. III: Семья Кончака и ее связи с Рюриковичами по свойству

ДАНИИЛ

(Особенности бытования имени Даниила у Рюриковичей. —
Происхождение и биография половецкого Даниила.
Источники, разночтения. — В поисках прототипа: Всеволод
Святославич-старший. — В поисках прототипа: Всеволод
Святославич-младший. — В поисках прототипа: иные
модели, иные возможности? — Общие замечания.)

Особенности бытования имени *Даниила* у Рюриковичей. — Появление имени *Даниила* у половецких князей заметно осложняет ту первоначальную картину функционирования христианских имен у кочевников, которую мы представили в первой части нашего очерка. В самом деле, это имя успело закрепиться у Рюриковичей в качестве единственного имени князя, совмещающего в себе функции родового и крестильного, лишь к концу домонгольского времени. Первым князем, обладавшим именем *Даниила* в качестве единственного, был Даниила Романович Галицкий, появившийся на свет в самом начале XIII в.¹, затем оно сразу же было охотно подхвачено русским

¹ Точные даты рождения сыновей Романа Галицкого в летописи не указаны и вычисляются на основании ремарки летописца об их возрасте ко времени гибели отца. Обычно рождение Даниила датируется в исследованиях «ок. 1201 г.». Подробное обсуждение этой проблемы с указанием иных точек зрения и соответствующей литературы см. в [Dąbrowski 2012, 21–33].

правлящим родом и довольно долгое время оставалось династическим [Литвина & Успенский 2006, 167]. Популярность, столь незамедлительно пришедшая к этому имени в роду Рюриковичей, заставляет думать, что кто-то из русских князей уже прежде, ранее начала XIII столетия, носил его в качестве крестильного наряду с мирским. Во всяком случае, таков был обычный механизм поэтапного освоения династией христианских имен.

Однако в данном случае источники не дают в наше распоряжение ясных и определенных свидетельств относительного того, кто именно из русских князей X–XII вв. мог получить это имя в крещении. Необходимо учитывать, разумеется, что крестильные имена многих Рюриковичей той поры напрямую в древнейших текстах не названы, и мы вынуждены строить предположения о них по косвенным данным. Так, в Любечском синодике, памятнике достаточно позднем и весьма сложном для интерпретации, имя *Даниил* появляется в качестве княжеского крестильного имени:

Кнꙋ: Всеволода Данїила Сѣослава Чернѣ: Кн҃гиню его Анастасїю [Зотов 1892, 25].

В свое время Р. В. Зотов предположил, что на месте «Святослав» следует читать «Святославич» (т. е. видеть здесь не имя, а искаженное отчество) и, соответственно, считать, что *Даниилом* в крещении звался некий черниговский князь Всеволод Святославич, которого исследователь отождествил со Всеволодом Святославичем Чермным, сыном Святослава Всеволодича и внуком Всеволода Ольговича [Зотов 1892, 44].

Если полагаться хоть сколько-нибудь на показания Любечского синодика, то следует, на наш взгляд, иметь в виду не только этого Всеволода Святославича, но и его полного тезку и двоюродного дядю — Всеволода, сына Святослава Ольговича. Существенно, разумеется, что Всеволод-дядя был лишь одним из черниговских князей Ольговичей, но черниговским столом как таковым, судя по всему, не владел (он был князем трубчевским и курским). Погребен он, однако, был в Чернигове и, насколько мы можем судить по его летописному некрологу, пользовался особым почетом и славой в своей ветви рода². Всеволод-племянник же был князем не только черниговским, но и киевским. Последнее часто выделяется в синодике особо, однако в случае с «князем Всеволодом Даниилом Святославом» не упомянуто никак.

Для нас существенно, что дядя и племянник недаром оказываются кандидатами на одно и то же крестильное имя. Эти полные тезки не только оба принадлежат к клану Ольговичей, но являются современниками и участниками одних и тех же событий, пре-

² Ср.: «Того же лѣта во Ѡлговичехъ престависа князь Всеволодъ . Стославичъ братъ Игоревъ . мѣца маѣ . и тако спратавше . тѣло его вса братьѣ во Ѡлговичехъ племени . с великою чѣтью . и с плачемъ великымъ и рыданиемъ . понеже бо во Ѡлговичехъ . всихъ оудалѣе рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ . и всею добротою . и можьственою доблестью . и любовь имѣаше ко всимъ . Епискоупъ жъ Черниговьскои . и вси игоумени . и попове . проводиша его до гроба со вбъчными пѣми . и положиша его во прѣкви стоѣ Бѣи . в Черниговѣ и приложиша ко шѣмъ своимъ . и дѣдомъ . давъ вбщии долгъ . емоу же нѣ оубѣжати всакому роженому» [ПСРЛ, II, 696].

жде всего, военных походов. Существенно также, что если в середине — второй половине XII в. и отыскивается имя *Даниил* (крестильное при мирском, княжеском), то — именно у Ольговичей. Кто же был обладателем имени *Даниил* из князей половецких?

Происхождение и биография половецкого Даниила. Источники, разночтения. — В древнейших летописях мы находим этот антропоним в трех, заметно разнесенных во времени, сюжетах повествования, имеющих непосредственное отношение к кочевому миру. В Ипатьевской летописи он упомянут в перечне половецких князей, плененных Святославом Всеволодичем и Рюриком Ростиславичем:

...и тоу ѡша . Кобака Карлыевича . со двѣма сѣома . Билуковича Изаѡ . и Товлыѡ сѣмъ . и брата его . Бокмиша . Усолука Барака . Тарха . Данила . и Съдвака . Коулобичкого ѡша жь . и Кораза Калотановича . тоу . оубиша . и Тарсоука . а инѣхъ бецисла [ПСРЛ, II, 632].

Интересующее нас имя также присутствует, хотя и в несколько ином окружении, в соответствующем списке летописи Лаврентьевской:

Кобака руками ѡша . Усолука . Барака . Тарга . Данила . Башкърта . Тарсука . Изу . Глѣба Тирьевича . Ексна . Алака . и Толгыѡ . Двѣдѡча тести с сыно^м . Тѣтиѡ с сыно^м . Кобакова тѣсти Турундаѡ [ПСРЛ, I, 395–396].

С другой стороны, в Новгородской первой летописи, в статье под 6711 г., мы находим и сюжет, где действует персонаж, именуемый *Даниил Кобякович*: он

упомянут вместе с Кончаком, старым союзником своего отца, в качестве предводителя половецкого войска, которое пришло с Ольговичами помогать Рюрику Ростиславичу³ во взятии Киева:

Рюрикъ съ Ольговици и съ погаными Половци, Концякъ и Данила Бяковиць, взяша град Киевъ на щить въ 1 день генваря, на святого Василия; а кого доидеть рука, църньця ли, церницѣ ли, попа ли, попадѣ ли, а ты вѣдоша въ поганяя; а что гости, иноземця всякого языка, затворишася въ церквахъ, и вѣдаша имъ животъ, а товаръ съ ними роздѣлиша на полы; а что по манастиремъ и по всѣмъ церквама, вся узорочья и иконы одраша и везоша погани въ землю свою; а град пожгоша [ПСРЛ, III, 45, 240].

Наконец, в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях в описании событий, непосредственно предшествующих битве на Калке, говорится о гибели не только Юрия Кончаковича, но и Даниила Кобяковича [ПСРЛ, I, 504; III, 62, 265].

Итак, благодаря двум последним эпизодам перед нами вырисовывается своеобразная антропонимическая и историографическая пропорция: у двух могущественных половецких вождей, долго действовавших заодно, Кончака и Кобяка, есть по сыну с христианским именем — Юрий Кончакович и Даниил Кобякович. Характерно, что союз между их кланами был чрезвычайно тесен, он не прекратился со смертью Ко-

³ Отметим попутно, что совместный набег на Киев происходит, согласно версии Новгородской летописи, прямо на именины главного действующего лица, Рюрика-Василия Ростиславича.

бяка, а был подхвачен его сыном Даниилом. Когда же и Кончак сошел со сцены, то в летописи Юрий и Даниил упоминаются рядом, хотя несколькими строками выше повествователь отмечает, что именно Юрий, сын Кончака, прожившего более Кобяка, был «болиише всихъ Половецъ».

Эта симметрия и связанность исторических судеб волей-неволей подталкивает к мысли об известной симметрии в обстоятельствах выбора имени для этих половецких наследников. Если у нас есть веские основания полагать, что Юрий Кончакович получил крестильное имя русского князя, находившегося в свойстве и тесном союзе с его отцом, то и относительно Даниила Кобяковича можно допустить, что он был наречен крестильным именем кого-то из Рюриковичей, взаимодействовавших с Кобяком, причем события эти должны были не слишком далеко отстоять друг от друга хронологически.

Такое допущение, естественным образом, заставляет нас вновь обратиться к тому времени, когда половецкие князья-отцы были еще достаточно молоды, но уже стояли во главе военных набегов и постепенно все теснее соприкасались с Рюриковичами. Здесь, однако, возникает сразу несколько проблем, связанных с некоторыми противоречиями и неясностью в источниках, а более всего — с их лаконизмом.

Во-первых, не совсем понятно, когда впервые в летописи появляется Кобяк и, соответственно, с кем из русских князей происходит его первое военное столкновение; неясно, кроме того, какое из летописных упоминаний этого князя надлежит считать последним.

Первое упоминание Кобяка? Под 6675 г. в Ипатьевской летописи сообщается о сражении Олега Святославича с половцами и победе над ними, причем глава потерпевших поражение кочевников именуется здесь *Бонакомъ* [ПСРЛ, II, 527]. В свою очередь, в Воскресенской летописи в соответствующем эпизоде (под 6674 г.) появляется имя *Кобяк* [ПСРЛ, VII, 79], однако не вполне очевидно, возникла ли эта весьма выгодная для нас замена благодаря тому, что ее составитель располагал какими-то иными и более точными сведениями, нежели те, что были у составителя Ипатьевского свода, или он просто корректировал имевшийся у него в распоряжении протограф в направлении большей логичности и связности исторического нарратива и заменил «Боняк» на «Кобяк» потому, что Кобяк упоминается и активно действует в близких погодных статьях, тогда как деятельность известного ему Боняка относилась к далекой эпохе Владимира Мономаха и его отца Всеволода (ср., например, его упоминания в статьях под 6604, 6605, 6613 и 6614 гг. в Ипатьевской летописи).

Последнее упоминание Кобяка? В Ипатьевском своде имя *Боняк* применительно ко второй половине XII в. встречается и еще раз, в статье под 6693 г., в передаваемом летописцем диалоге половцев, где Кончак называет его великим князем и намеревается отомстить за его смерть⁴. Можно допустить, что в тексте свода допущена ошибка и речь здесь идет о мести за не-

⁴ «...молвашеть бо Кончакъ . поидемъ на Киевскоую стороноу гдѣ соуть избита братья нанаша и великыи кнѣзъ нашъ Бонакъ . а Кза молвашеть . поиде^м на Семь гдѣ са всталѣ жены и и дѣти . готовѣ намъ полонѣ собранъ . елминъ же горды без опаса и тако раздѣлишася на двое» [ПСРЛ, II, 646].

давнее поражение и гибель Кобяка, а не Боняка. С другой стороны, в устах летописца образ Боняка не раз становился объектом своеобразной исторической рефлексии. Так, он упоминает о нем в статье, помещенной под 6648 г., объясняя давнее изгнание русских князей в Царьград их дружкой с этим правителем [ПСРЛ, II, 303]. Иными словами, нельзя исключить, что составитель летописи не ошибся и имел в виду именно Боняка как символ того героического прошлого, о котором могли толковать между собой кочевники.

Так или иначе, похоже, что с середины 80-х годов интересующего нас Кобяка, союзника Кончака и отца Даниила Кобяковича, не было в живых или, по крайней мере, не было на свободе.

Второй немаловажный вопрос, который возникает в связи с имянаречением Даниила Кобяковича, — один или два половецких князя с этим именем фигурируют в русских летописях. Иначе говоря, тождествен ли не названный по отчеству Данила в списках плененных в 1184 г. предводителей половцев тому отпрыску Кобяка, который известен нам по событиям первых десятилетий XIII в.?

Мы склонны, скорее, говорить о тождестве плененного Данилы и Даниила Кобяковича, но необходимо, на наш взгляд, упомянуть и о трудностях, которые стоят на пути подобного отождествления.

В самом деле, в летописи Ипатьевской Кобяк назван первым среди пленных, причем упомянуто, что он был захвачен с двумя сыновьями. Имя *Даниил* же появляется в середине списка и эксплицитно с именем Кобяка не связано. Та же дистанция наличествует и в соот-

ветствующем перечне по Лаврентьевской летописи, хотя здесь мы не видим ни отчества Кобяка (сам он фигурирует тоже первым), ни упоминания о двух его сыновьях.

Такое разделение может вызвать некоторые сомнения в непосредственном родстве Кобяка и этого Даниила. Тем не менее, подобное расположение имен может, на наш взгляд, иметь свое объяснение, их родству не противоречащее. Вполне вероятно, что два сына Кобяка (фигурирующие в перечне Ипатьевской летописи без имен, а в Лаврентьевской отсутствующие вовсе) хотя и не были совсем малы, но еще не перешагнули грань, отделяющую детство от сколько-нибудь самостоятельной княжеской жизни, как это, возможно, имело место и с плененными в 1180 г. сыновьями Кончака. Данила же был старше и играл уже некую самостоятельную роль, однако по своему статусу и распределению власти в половецких кланах еще не мог быть упомянут непосредственно вслед за отцом, среди близких к Кобяку по могуществу и автономности половецких князей.

В качестве своеобразной аналогии, подкрепляющей это соображение, можно привести перечень князей Ольговичей, отправляющихся в поход на половцев⁵. Сперва здесь перечислены князья старшего поколения, Игорь и Всеволод, которые непосредственно участвуют в военной экспедиции, далее по старшинству следуют их кузены, которые посылают в этот поход сыновей — сначала Святослав Всеволодич, князь киевский, посылающий

⁵ «И ѿпять на зимоу ходиша . Ѡлговици же на Половци . Игорь с братомъ со Всеволодомъ . а Сѣславъ поустѣ три сѣны . Всеволода Володимера . Мѣстислава . а Ярославъ поустѣ свое^ѣ . сѣна Ростислава . а Ѡлегъ Сѣславичъ поустѣ сѣна Дѣда» [ПСРЛ, II, 673].

троих (Всеволода, Владимира и Мстислава), затем его родной брат Ярослав, отправивший сына Ростислава, и лишь после Ярослава назван Олег Святославич, отправляющий сына Давыда. Вообще говоря, Олег Святославич тоже был сыном Святослава Всеволодича (а Давыд, соответственно, его внуком), однако имя Олега приведено не сразу вслед за именем отца, но лишь после двоюродного дяди (Ярослава), занимающего более высокое, чем племянник, место в княжеской иерархии. Очевидно, таким образом, что русский князь, обретший самостоятельность, мог в летописных перечнях упоминаться не только при отце, среди своих младших братьев, но и несколько отдельно, в соответствии со своим статусом по отношению к остальным участникам событий.

Можно предположить, что в соответствующих перечнях князей половецких летописец хотя бы отчасти руководствовался той же логикой. В данном случае все сыновья Кобяка были, скорее всего, отнюдь не столь взрослыми, как дети Святослава Всеволодича из рассмотренного нами списка, да и сам Кобяк, судя по всему, был еще не в тех летах, чтобы у него имелись сколько-нибудь взрослые внуки (из перечня мы узнаем, в частности, что еще жив и активен его тесть Турундай). При этом мы полагаем, что Даниил Кобякович уже был взросл достаточно, чтобы занять самостоятельную позицию в летописном перечне.

Если мы исходим из того, что в летописи фигурирует один половецкий князь по имени *Даниил* и это не кто иной, как Даниил Кобякович, то, соответственно, судьба его в 80-е годы XII в. оказалась отличной от судьбы отца, и он не погиб вскоре после пленения.

Характерным образом, первое время после захвата Кобыяка место своеобразного партнера Кончака у половцев занимает отнюдь не Даниил Кобыкович, а князь по имени Кза. На наш взгляд, это может объясняться одновременно и тем, что Даниил лишь позже обрел свободу, и тем, что он был еще слишком юн, чтобы возглавить весь отцовский клан. Каким образом ему удалось избавиться от русского плена, — бежал ли он, был выкуплен или обменен на кого-то из знатных русских пленников (к примеру, на Владимира Игоревича или Всеволода Святославича) — летописи решительно ничего не сообщают.

Так или иначе, из совокупности разрозненных данных и всех вышеизложенных допущений складывается довольно правдоподобный хронологический костяк биографии этого половецкого князя: в 1184 г. он был подростком, почти юношей, в 1203 г., во времена взятия Киева, — вполне зрелым предводителем войска, а в 1223 г., в момент своей гибели, — не слишком молодым, но весьма дееспособным военачальником и правителем. Рождение Даниила Кобыковича, по таким расчетам, приходится на первую половину 70-х годов XII в., а скорее всего, на самое их начало.

В поисках прототипа: Всеволод Святославич-старший. — Первое упоминание о столкновении его отца, Кобыяка, с Рюриковичами, а точнее говоря, с родовой ветвью Ольговичей, приходится или на 1167/8 г. (если мы признаем, что Боняк в Ипатьевской под 6675 г. появился ошибочно), или на 1171 г., когда летопись недвусмысленно свидетельствует об уча-

стии Кобяка в битве на Ворскле, где присутствовали и Кончак, и князь Игорь Святославич. Обратим внимание, что примерно тогда же, в 1168 г., в походах против половцев в составе княжеской коалиции Ольговичей уже фигурирует Всеволод Святославич, родной брат Игоря [ПСРЛ, II, 538], который появился на свет между 1152 и 1159 гг.⁶

Мы не знаем наверняка, участвовал ли Всеволод в половецких походах, предпринимаемых его старшими братьями в 1167/8 и 1171 г. Второй из них, под предводительством Игоря, описан в летописи относительно подробно, и имени Всеволода там нет. Первый же поход (под предводительством Олега Святославича) охарактеризован весьма лаконично — если кто-то из младших братьев и ходил вместе с Олегом, то легко представить, что для их упоминания просто не нашлось места и повода. Необходимо учитывать, однако, что, говоря о князьях, уже называвшихся прежде и заведомо известных аудитории, летописец мог выражаться по-разному. Характерно, в частности, что в 1174/5 г., когда Олег Святославич начинает военные действия против кузена Святослава Всеволодича и пользуется помощью своих шуринов Ростиславичей, участие обоих его родных братьев (Игоря и Всеволода) в летописи отмечается, но имена их в этом отрезке текста не названы [ПСРЛ, II, 599].

⁶ В 1151 г. родился его старший брат Игорь, а в 1160 г. Всеволода Святославича уже отправляют в Киев, в качестве своего рода заложника, для успокоения киевлян и берендеев, не вполне доверявших его отцу [ПСРЛ, II, 506].

Очевидно, таким образом, что в первой половине 70-х годов Всеволод уже был полностью вовлечен вместе со своими братьями во внутривидовое противостояние, а скорее всего, и в столкновения с кочевниками. Как же развивалось его взаимодействие со степняками в дальнейшем? В 1180 г. состоялась встреча двух группировок князей Ольговичей, на нее — в качестве их союзников — были приглашены и половцы. Дальнейшие события напоминают тонко разыгранную шахматную комбинацию или танец, состоящий из последовательности сменяющих друг друга сложных фигур.

Сначала одна пара кузенов, Святослав Всеволодич и интересующий нас Всеволод Святославич, отправляются в поход против суздальского князя, а другая пара, Игорь Святославич и Ярослав Всеволодич, остаются охранять собственное черниговское княжество. Характерным образом, старший в родовой ветви, Святослав Всеволодич, «и Половцѣ . тако же роздѣли на двое . половиною ихъ собою пою . а половиною ихъ . встави брати» [ПСРЛ, II, 618]. Затем в процессе военных действий два брата Святославича, Игорь и наш Всеволод, как бы меняются местами: Всеволод возвращается домой, а Игорь отправляется к Друцку и уже оттуда, взяв с собой половцев, едет на помощь кузену Святославу к Вышгороду.

Этот финальный эпизод, едва ли не решающий в деле занятия Святославом Всеволодичем киевского стола, мы уже упоминали выше, в рассказе об имени *Юрий* у кочевников. Именно из этого-то финала мы и узнаем, какие именно половцы помогали Ольговичам

в борьбе со Всеволодом Большое Гнездо, в занятии Киева и в охране Черниговского княжества. Это не кто иные, как пребывающие между собой в союзе Кобяк и Кончак. Именно с ними взаимодействует в этом году Всеволод Святославич, и сидя дома, и участвуя в военном предприятии своего кузена. Из общего контекста рассказа очевидно, что Всеволод считается совершенно пригодным дублером своего старшего брата Игоря при взаимодействии с этими половецкими силами. Во всяком случае, присутствие одного из них оказывается совершенно необходимым для того, чтобы половцы помогали их старшему кузену Святославу Всеволодичу. Весьма вероятно, таким образом, что у Буй-Тур Всеволода, как и у Игоря, были налажены с кочевниками какие-то собственные, хотя бы отчасти личные взаимоотношения⁷, каковых, судя по всему, не было у их кузена.

В 1185 г. Всеволод Святославич, как известно, предстает и в Ипатьевской летописи, и в «Слове о полку Игореве» не просто участником похода, предприня-

⁷ В такой перспективе естественно возникает вопрос о возможности половецкого свойства у Всеволода, однако наши сведения о его браке и детях крайне скудны. В летописи его жена не упомянута вовсе, судя же по показаниям «Слова о полку Игореве», Всеволод, как и его старший брат, был женат не на половецкой княжне, а на урожденной Рюриковне. Данных о судьбе его детей в источниках не сохранилось вовсе. Не исключено, что упомянутый в Новгородской летописи под 1232 г. трубечский князь Святослав [ПСРЛ, III, 71, 280] приходился ему сыном или внуком, но и об этом невозможно сказать ничего определенного. Тем более неизвестной остается матримониальная жизнь отпрысков Всеволода Святославича (если таковые у него были).

того Игорем против половцев, но чуть ли не более блестящим и отчаянным воином и предводителем отряда, нежели старший брат. Очевидно, что за этими характеристиками стояла предшествующая воинская репутация, актуальная, скорее всего, как для русской, так и для половецкой стороны. Если же мы обратим внимание на уже упоминавшийся некролог этому князю, то без труда убедимся, что Буй-Тур Всеволод и в летописи, и в «Слове» характеризуется примерно одинаково — он явно принадлежит к числу тех русских князей, чьи личные качества, в первую очередь, боевая отвага, выделяют его среди родичей вопреки тому относительно скромному месту в иерархии, которое он занимал по рождению и в результате независимых от него причудливых общеполитических комбинаций. Помимо всего прочего, Всеволод был раз и навсегда неизменным, надежнейшим во всех военных предприятиях партнером своего родного брата Игоря.

Для молодых половецких вождей вся эта совокупность его индивидуальных свойств и тех функций, которые он выполнял в пограничном черниговском княжестве, оказывалась, по-видимому, весьма значимой, почетной и весомой. Вполне вероятно, поэтому, что приблизительно в ту же пору, когда Кончак вошел в некий личный союз с Игорем и закрепил его в имяноречении сына, Кобяк поступил аналогичным образом по отношению к другому брату, Всеволоду, и именно его крестильное имя дал своему сыну.

Косвенным подтверждением такой версии могут служить, как кажется, и конкретные обстоятельства пленения Всеволода после поражения в походе 1185 г.

Как следует из летописи, его уводит в плен Роман Кзич, сын того самого Кзы, в котором можно видеть своеобразного правопреемника плененного и погибшего (?) на Руси Кобыяка [ПСРЛ, II, 644]. Если мы допускаем, что именно со Всеволодом убитого половецкого князя связывали особые отношения, то определенная логика просматривается и в том, что право на Всеволода как заложника, а тем более право на выкуп за этого князя, достается тем из половцев, кто перенял властные полномочия Кобыяка, или всему клану погибшего.

В летописи ничего не говорится о том, когда и каким образом Всеволоду удалось получить свободу и попасть в черниговское княжество. Мы знаем только, что в 1191/2 г. князь уже был дома и вновь отправлялся вместе со своим братом Игорем в поход на половцев [ПСРЛ, II, 673]. С другой стороны, неизвестно также, на каких условиях обрели свободу те половецкие князья — и, в частности, наш Даниил, — кто были пленены незадолго до братьев Святославичей и остались в живых. Не исключено, что возможность Всеволода вернуться на родину была связана с возвращением из русского плена Даниила Кобыковича, нареченного его крестильным именем.

Итак, наиболее убедительная из возможных версий, воспроизводящих обстоятельства имянаречения этого наследника половецких князей христианским именем *Даниил*, на наш взгляд, заключается в том, что он получил крестильное имя того из русских князей, с кем тесно взаимодействовал его отец, и князем этим был не кто иной, как Всеволод, родной брат Игоря-Георгия Святославича.

В поисках прототипа: Всеволод Святославич-младший. — Оставаясь в рамках презумпции надежности показаний Любечского синодика, нельзя не возвратиться еще раз к фигуре другого Всеволода Святославича, уже упоминавшегося двоюродного племянника Игоря и Всеволода, сына князя Святослава Всеволодича. Мог ли этот князь, известный в источниках, в частности, как Всеволод Чермный, послужить антропонимическим прототипом при имянаречении интересующего нас Даниила Кобяковича?

Предположение о его личных равноправных связях с Кобяком наталкиваются на некоторые хронологические трудности. Так, Всеволод Чермный впервые упоминается в летописном тексте под 1179 г., причем это упоминание связано с его вступлением в брак, который связал эту линию рода отнюдь не со степняками, а с польским княжеским домом:

Въ то же лѣ^ѣ. приведе С^втославъ за Всеволода . за среднего с^на женоу из Лаховъ . Казимѣрноу во Филипово говѣнье [ПСРЛ, II, 612].

Скорее всего, это был первый брак Чермного и, соответственно, он был еще весьма молодым человеком, а до пленения куда более зрелого Кобяка (и до того времени, когда у половецкого князя могли появляться новые наследники) оставалось всего шесть лет.

В целом же, Всеволоду Святославичу-младшему не раз приходится участвовать в походах против половцев вместе с другими Ольговичами⁸, а позднее и

⁸ Так, в 1184 г. Всеволод Святославич участвует в походе «младших» князей, возглавляемом Игорем Святославичем [ПСРЛ,

входить с ними в некие самостоятельные отношения, однако временные рамки всех этих событий существенно сдвинуты по отношению к тем временным рамкам, в которых жил и действовал Кобяк, — черниговское и киевское княжение Чермного приходится на начало XIII в., когда этот половецкий правитель давно уже сошел с исторической сцены, а его сын, Даниил Кобякович, успел стать одним из могущественных половецких вождей. Иначе говоря, Всеволода и Кобяка скорее можно охарактеризовать как младшего и старшего современников, нежели как равноправных партнеров, личных врагов или личных союзников, а потому едва ли к описанию выбора имени для Даниила Кобяковича приложима модель ‘наречение в честь отцовского контрагента’.

В поисках прототипа: иные модели, иные возможности? — Разумеется, можно вообразить бесконечное множество других причин, по которым половецкий правитель счел бы нужным дать своему сыну крестильное имя Всеволода Святославича Чермного. Он мог пожелать, например, чтобы его собственного ребенка звали так же, как зовут в крещении одного из детей могущественного черниговского князя, однако в такой реконструкции труднее усмотреть какие-либо известные нам образцы. Более того, никаких специфических личных отношений между Свя-

II, 628–629]. Не вполне понятно, был ли этот поход направлен против Кончака, чуть раньше вместе с Глебом Тириевичем совершившим неудачный набег на Русь. Так или иначе, Кобяк в контексте этого похода никак не упомянут.

тославом Всеволодичем (отцом Черного) и Кобяком в летописи не просматривается — несравненно теснее, как мы продемонстрировали, данный предводитель половцев был связан со Святославовыми кузенами. Все это заставляет нас «версии племянника» предпочесть изложенную выше «версию дяди».

Это предпочтение, кстати говоря, не требует одностороннего выбора в вопросе о том, кто из двух Всеволодов Святославичей был *Даниилом* в крещении: если показания Любечского синодика верны и имя *Даниил* в самом деле присутствовало в качестве крестильного у представителей черниговского дома той поры, то его обладателями могли быть сразу оба князя, и старший, и младший, — традиция имянаречения у Рюриковичей не только допускала возможность такого совпадения, но до некоторой степени и подталкивала к закреплению подобного рода именных пар, когда определенное христианское имя как бы склеивалось с мирским, княжеским⁹. Такой повтор христианских имен мог бы быть тем более актуален, что в старшем поколении Ольговичей существовала весьма жесткая конкуренция за мирские имена предков, благодаря чему их семьи изобилуют тёзками (так, у каждого из наших Всеволодов Святославичей, например, было по старшему брату *Олегу Святославичу*).

Строго говоря, можно рассматривать и нескончаемое количество возможностей «некняжеского происхождения» имени *Даниил* у половецкого вождя. В са-

⁹ Об именных парах у Рюриковичей см. с указанием литературы: [Литвина & Успенский 2006, 419–432].

мом деле, в летописном повествовании о XII в. мы обнаруживаем нескольких бояр и духовных лиц, обладавших этим именем. Однако ни для одного из них мы не находим в летописи каких-либо свидетельств о соприкосновении с половцами, кроме того, бóльшая часть Даниилов попросту достаточно далеко разнесены с интересующими нас степняками во времени и пространстве, тогда как с Рюриковичами интересующая нас половецкая семья соприкасалась более чем непосредственно. Таким образом, направление заимствования имени от князей русских к князьям половецким представляется наиболее перспективным.

Общие замечания. — Так или иначе, гипотетичности в истории появления имени *Даниил* у половцев остается существенно больше, чем в истории имени *Юрий*, и связано это, на наш взгляд, прежде всего с бóльшим числом пробелов в наших сведениях о бытовании имени *Даниил* на Руси. Подводя итоги, выделим еще раз, какими фактическими данными и более или менее надежными построениями мы располагаем для воссоздания процесса проникновения этого имени к степнякам и к каким выводам мы приходим.

Имя *Даниил* зафиксировано у русских князей в качестве единственного в домонгольское время, но лишь в начале XIII в. До этой поры оно могло фигурировать у Рюриковичей как второе, крестильное имя, однако летописные данные на сей счет отсутствуют. Из показаний Любечского синодика можно заключить, что его носил в крещении кто-то из черниговских князей,

обладавший мирским именем *Всеволод* и, возможно, отчеством *Святославич*. В середине и во второй половине XII столетия в родовой ветви Ольговичей мы находим двух князей с соответствующим именем и отчеством.

В эту же пору, во второй половине XII в., в летописи впервые фиксируется имя *Даниил* у половцев. Его носителем был сын Кобяка. Кобяк не только регулярно сталкивался с Ольговичами, но и заключал с ними мирные соглашения и выступал в качестве их союзника в междукняжеском противостоянии. В качестве ближайшего партнера Кобяка с половецкой стороны в летописи фигурирует Кончак. Один из сыновей Кончака носит имя *Юрий*, совпадающее с крестильным именем Игоря-Георгия Святославича Новгород-Северского, родного брата одного князя по имени *Всеволод Святославич* и двоюродного дяди другого. Согласно летописи, Юрий Кончакович и Даниил Кобякович незадолго до битвы на Калке погибают одновременно от рук татар, будучи предводителями половецких кланов. Мы полагаем, что выбор имени для Даниила Кобяковича и Юрия Кончаковича — явления взаимосвязанные и что Даниил назван в честь одного из Ольговичей, вероятнее всего, в честь Всеволода-Даниила (?) Святославича, родного брата Игоря-Георгия.

РОМАН

(Три половецких наследника с русскими именами. — Половецкие вожди и смоленские Ростиславичи. — Белюк — дед половецкого Романа? — В поисках прототипа: Роман Ростиславич, Роман Игоревич, Роман Мстиславич. — Общие замечания.)

Три половецких наследника с русскими именами. — Имя *Роман* у половцев в древнейших летописных сводах фиксируется лишь единожды, однако самая фигура его обладателя позволяет нам сделать целый ряд предположений относительно причин и обстоятельств появления этого антропонима у кочевников. Правда, исследовательские построения здесь неизбежно наталкиваются на ряд ономастических трудностей, связанных с неоднозначностью в передаче собственно половецких (автохтонных) имен русскими источниками.

Носителем имени *Роман* был не кто иной, как половецкий князь, на чью долю в качестве пленника достался Буй-Тур Всеволод (брат Игоря Святославича Новгород-Северского):

Игора же бахоуть али Тарголове моужь . именемь .
Чилбоукъ . а Всеволода брата его . алъ Романъ . Кзичь .
а Стослава Улговича . Еддечюкъ въ Вобоурцевичехъ . а

Володимера . Копти в Оулашевичихъ . тогда же на поль-
чи Кончакъ пороучиса . по свата Игорѧ [ПСРЛ, II, 644].

Более или менее очевидно, что отцом Романа, ко-
торый упомянут в данном перечне, является тот из по-
ловецких вождей, кто в предыдущем списке — пере-
чне половцев, которых «собрахомъ на са» князь Игорь
[ПСРЛ, II, 641], — назван непосредственно вслед за
Кончаком, упомянутым на первом месте:

...Кончака и Козоу . Боурновича . и Ток^бобича Ко-
лобича . и Етебича . и Терьтробича

Ясно, что автор статьи Ипатьевского свода, поме-
щенной под 6693 г., полагает, что отец Романа в ре-
зультате пленения Кобяка оказался среди степняков
второй по значимости фигурой после Кончака, а быть
может, и лицом, практически ему равным. Как ка-
жется, сходное отношение к статусу этих правителей
мы обнаруживаем и в «Слове о полку о Игореве».

Таким образом, перед нами вырисовывается кон-
тур некой тройственной схемы: христианские имена
получают сыновья живших и действующих в одну
эпоху могущественных половецких вождей, которые
состояли в союзе друг с другом и постоянно — то в
мире, то в войне — взаимодействовали с Рюриковича-
ми. В результате на исторической сцене появляются
Юрий Кончакович, Даниил Кобякович и Роман Кзич.
Какими путями могло придти христианское имя к
последнему из них?

Половецкие вожди и смоленские Рос-
тиславичи. — Обратимся к той эпохе, когда отец

Романа впервые появляется в пространстве летописного текста. Это происходит в фрагменте, повествующем о событиях зимы 1166/7 г., т. е. лишь немногим ранее появления в Ипатьевском своде Кончака. Из этого известия мы узнаем, что Ольговичи совершили удачный поход на половецкие вежи, причем Олег Святославич (по всей видимости, сын Святослава Ольговича) захватил «вежѣ Козины . и жену и дѣти . и злато и серебро», а Ярославу Всеволодичу достались «Беглюковы вежѣ» [ПСРЛ, II, 532]. Очевидно, таким образом, что К(о)за был к тому времени уже человеком семейным, состоятельным и достаточно самостоятельным. Не вызывает сомнений также, что они действовали с Беглюком вместе, обитали относительно близко друг от друга и в данной ситуации заодно противостояли русским князьям. Иными словами, речь в этом фрагменте идет о половцах-союзниках, если не родичах.

Что касается Беглюка, то исследователями он достаточно убедительно отождествляется с отцом одной из половчанок, выданных замуж за русского князя, которая обозначается в летописи патронима *Белуковна* [ПСРЛ, II, 521–522]. Брак этой половецкой наследницы состоялся за несколько лет до только что упомянутых событий и был устроен, судя по всему, с вполне конкретной тактической целью — в ознаменование мира киевского князя Ростислава Мстиславича с половцами. Мужем Белуковны в 1162/3 г. стал один из средних сыновей Ростислава, Рюрик. Очевидно, что не позднее этого времени женился и половец К(о)за, коль скоро через четыре года мы застаем его уже с женой и несколькими детьми. Вероятнее всего, что если до пле-

нения Олегом в его семье успели появиться мальчики, то они были еще совсем маленькими, так как летописец не только не называет их по именам, но и не выделяет их из некоторой общей совокупности детей.

Иначе говоря, на основании двух этих свидетельств можно попытаться реконструировать облик двух половецких князей-союзников. Один из них, К(о)за, отец Романа, к 1167 г. уже достаточно зрел, чтобы иметь независимое (и немалое) имущество и семью, но в то же время относительно молод, так как сколько-нибудь взрослых сыновей у него, по-видимому, еще нет. Другой же, Беглюк / Белук, заметно старше, поскольку уже к 1162 г. у него была дочь, достаточно взрослая для того, чтобы сделаться невесткой Ростислава Мстиславича¹.

Если говорить о возможном времени появления на свет сына К(о)зы Романа, то ориентировочно можно предположить, что он родился в 60-е или, в крайнем случае, в самом начале 70-х годов, коль скоро к 1185 г. он уже явно действует самостоятельно, хотя еще тесно

¹ Как известно, у нас нет решительно никаких прямых указаний летописи относительно возраста половецких невест, вступавших в брак с Рюриковичами. Поскольку до вступления в брак их, судя по всему, крестили, то вероятно в силу должны были вступать и некие церковные правила, определяющие брачный возраст и препятствующие женитьбе малолетних. Очевидно, впрочем, что в отдельных случаях русские князья могли отступать от этих правил, даже и в браках с урожденными русскими княжнами. Следовательно, подобные компромиссы были возможны и при женитьбах на степных наследницах, однако едва ли часто могла идти речь о свадьбах, совершаемых с младенцами (если такое вообще имело место).

связан с отцом², а в 1166/7 г., скорее всего, совсем мал (если вообще успел появиться на свет). Представляется возможным даже несколько сузить эти временные рамки и предположить, что верхняя граница предполагаемой даты его рождения пролегает скорее ближе в середине 60-х, нежели к самому их началу, поскольку 6–7-летний мальчик вероятнее мог быть обозначен как сын К(о)зы, нежели включен в безличное собирательное именование *дети*³.

Итак, согласно нашей реконструкции, события развивались следующим образом: когда киевский князь в

² Напомним, что, с одной стороны, Роман, по-видимому, не только непосредственно участвует в битве с русскими, но и выступает как представитель своего клана, на долю которого достается пленный князь Всеволод. С другой стороны, в перечнях половецких князей из русских летописей Роман не упоминается, из чего можно заключить, что летописцами он не воспринимался как предводитель сколько-нибудь значимого самостоятельного объединения, еще не отделялся ими в полной мере от отца. Об этом, как кажется, может свидетельствовать и то обстоятельство, что в эпизоде пленения русских князей он назван не с помощью собирательного кланового патронимического образования, а с личным отчеством.

³ Необходимо, впрочем, учитывать, что никакого твердо установленного протокола для описания семейной иерархии половецкой знати в русской летописной традиции все же не выявляется. Таким образом, здесь, как и во многих других случаях, нельзя определить точный возраст того или иного половецкого княжича только на том основании, что в летописном рассказе не приводятся конкретных имен детей Белука и даже не сказано, что среди них были сыновья. Единственное, что мы можем утверждать с определенной долей уверенности, это то, что среди плененных не было взрослого сына К(о)зы.

1162 г. заключил мир с половцами, один из половецких вождей выдал свою дочь за его сына Рюрика, а другой (младший по возрасту) примерно в ту же пору назвал своего сына *Романом*. *Романом* же, как известно, звался старший из сыновей этого киевского князя, родной брат жениха, т. е. не кто иной, как Роман Ростиславич. Связь между заключением мира и свадьбой явно манифестирована в летописи. Естественно допустить, что и имянаречение половецкого княжича также было элементом данной культурно-политической конструкции⁴. Иными словами, договоренность о ми-

⁴ Олег Святославич, один из тех князей, кто напал на половецкие вежи, был зятем Ростислава Мстиславича и, соответственно, шурином Рюрика и Романа (с последним он, вопреки канону, был связан свойством даже дважды [Литвина & Успенский 2013-а, 25–36]). Все эти связи были для Олега Святославича чрезвычайно важны, так как именно свойственники после смерти его родного отца могли хоть в какой-то степени быть гарантами прав Олега на часть черниговских земель в столкновениях с кузенами Всеволодичами (см. гл. «ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ)», с. 115–118). Соответственно, должны были существовать какие-то специфические причины, чтобы Олег отправился в поход против того, с кем Ростислав был связан не только миром, но и браком своего сына. Причин такого рода могло быть, по-видимому, несколько, но одна из них представляется нам наиболее интересной. Перечислим их, однако, по порядку. С одной стороны, в целом союзы с половцами, даже и скрепленные свадьбой, не всегда были прочными, и мы знаем случаи, когда Рюриковичам довольно скоро случалось воевать со своими тестями-кочевниками. С другой стороны, для прерывания этого союза Ростислава и его семьи со степняками могли существовать и вполне конкретные причины, аннулирувавшие взаимные обязательства. Во-первых, не исключено, что поход состоялся непосредственно после смерти Ростислава Мстиславича (здесь воз-

ре была скреплена тем, что половцы за одного из сыновей отдали княжну, а в честь другого, старшего, нарекли одного из княжичей. Роман Ростиславич почти непременно должен был присутствовать на свадьбе брата, если не на предшествующих ей мирных переговорах, и не женись на половчанке сам, получил подтверждение своего участия в союзе с половцами. Молодой половецкий вождь К(о)за же, в свою очередь, демонстрировал связь своей семьи со старшим сыном киевского князя, уже сидевшим к тому времени на столь значимом столе, как смоленский.

можно различные интерпретации последовательности изложения событий в Ипатьевском своде, поскольку в статьях, помещенных под 6676–6677 гг., обнаруживается ряд хронологических противоречий; ср.: [Бережков 1963, 177–180]]. В таком случае, русские князья могли руководствоваться тем, что половцы, судя по летописным данным, со смертью киевского князя традиционно считали себя свободными от всех заключенных с ним договоров. Олег и Ярослав, тем самым, стремились предотвратить их нападение или, с помощью нападения собственного, обеспечить необходимость новой выгодной договоренности с кочевниками. Но могла быть и иная причина для агрессии черниговских Рюриковичей, в которой столь непосредственно участвовал Олег Святославич. Мы знаем, что у его шурина Рюрика Ростиславича брак с половчанкой (Белуковной) не был единственным. Позднее его женой стала Анна, дочь Юрия Ярославича Туровского. Нам уже приходилось высказывать предположение, что произошло это достаточно рано и второй брак Рюрика был заключен относительно вскоре после смерти отца [Литвина & Успенский 2012-а, 135–169]. В таком случае, он с большой вероятностью овдовел как раз незадолго перед кончиной Ростислава Мстиславича и, соответственно, зимой 1166/7 г. вся родня Ростислава Мстиславича уже не была сдерживаема узами свойства в своих антиполовецких предприятиях.

Именно такая реконструкция представляется нам наиболее правдоподобной. Однако чтобы оценить ее надежность, необходимо было бы восстановить всю историю взаимоотношений К(о)зы с Рюриковичами и со своим единоплеменником Беглюком (Белуком), но именно здесь нас подстерегают трудности, в чем-то сходные с теми, что возникали при обзоре биографии Кобяка, но только трудности эти куда более значительны.

Белюк – дед половецкого Романа? — В исследовательской литературе можно встретить утверждение, что К(о)за был не просто соседом и союзником Беглюка (Белука), но его родным сыном. Соответственно, он оказывается не кем иным, как братом Белуковны и шурином Рюрика Ростиславича. Такое рассуждение как нельзя лучше подходило бы к нашей гипотезе об обстоятельствах имянаречения сына К(о)зы — получается, что половец дает имя мальчику попросту в честь новоприобретенного близкого свойственника.

К сожалению, однако, утверждение о столь близком родстве между К(о)зой и Беглюком (Белуком) трудно признать бесспорным. Обыкновенно оно приводится без какой-либо специальной аргументации, но с привычными ссылками как на те фрагменты Ипатьевского свода, где упомянут половецкий князь по имени К(о)за или Гза [ПСРЛ, II, 532, 641, 646], так и на те, где фигурирует половецкий князь по имени Изай Билюкович [ПСРЛ, II, 632]⁵ или Изай Бурчевич [ПСРЛ, II,

⁵ Эта форма, *Билуковича Изая*, фигурирует в Ипатьевской летописи в уже цитировавшемся нами списке половцев, пле-

675]⁶. Таким образом, имплицитно, без необходимого обсуждения, производится отождествление К(о)зы / Гзы и Изая, а заодно и Бурновичей и Бурчевичей, притом что авторы других исследований столь же имплицитным образом исходят из того, что Изай Билюкович и К(о)за / Гза — это два разных человека⁷.

Не располагая доводами этимологического характера для решения вопроса об отождествлении К(о)зы / Гзы и Изай / Изы, мы поневоле вынуждены обратиться к повествовательно-историческому контексту, в котором эти имена возникают. Однако и он, как кажется, не позволяет сколько-нибудь основательно утверждать, что К(о)за / Гза и Изай / Иза — это одно и то же лицо и, соответственно, К(о)за был сыном Билюка (Беглюка).

В самом деле, Изай Билюкович был пленен летом 1184 г., К(о)за же весной 1185 г. не только свободен, но готов сражаться с отрядами Игоря Новгород-Северского [ПСРЛ, II, 641]. Если мы пытаемся отождествить Изая и К(о)зу, столь скорое освобождение этого условного персонажа нельзя назвать невозможным, но следует признать маловероятным. Во всяком случае, другие половецкие князья, попадавшие в плен к русским, если и упоминаются на страницах летописи вновь, то через куда

ненных в 1184 г. В варианте же Лаврентьевского свода сходное имя присутствует без патронима: «...руками яша... Данила . Башкърта . Тарсука . Изу . Глѣба Тирьевича...» [ПСРЛ, I, 395].

⁶ Ср.: [Федоров-Давыдов 1966, 226; Баскаков 1971, 39, 43–44; Баскаков 1985, 82, 83, 84, 129, 147, 152–153; Каган 1995, 23–24].

⁷ См.: [Pritsak 1967, 1619, 1620; Golden 1979–1980, 304, 308; Осипян 2005, 10].

более значительный промежуток времени. В списке пленных 1184 г., представленном в Лаврентьевской летописи, имя *Иза* фигурирует отнюдь не на первых позициях [ПСРЛ, I, 395]⁸, а в рассказе летописи Ипатьевской о переговорах 1193 г. половецкий князь *Иза* назван после своего брата *Осолука* [ПСРЛ, II, 675]; вероятнее, таким образом, что *Изай* / *Иза* был лишь одним из сыновей *Билюка* (*Белука*, *Беглюка*) и притом — не самым старшим. Все это, скорее, наводит на мысль, что то положение, которое в глазах русского летописца он занимал среди половцев, нетождественно положению могущественного *К(о)зы*. Иными словами, эти повествовательные фрагменты скорее все же свидетельствуют против того, чтобы видеть в *К(о)зе* и *Изае* одно и то же лицо.

Что же касается прочих аргументов, которые мы могли бы почерпнуть из летописного контекста относительно столь близкого родства *Билюка* и *К(о)зы*, то они, в сущности, сводятся к одному и достаточно неоднозначному, а именно — к уже разбиравшемуся нами факту их совместного упоминания в качестве потерпевших в результате похода Ольговичей 1166/7 г. В самом деле, хотя эти два лица названы вместе, порядок их упоминания (сначала *К(о)за*, потом *Билюк*), а отчасти и отсутствие каких-либо замечаний об их родстве скорее расшатывают, нежели укрепляют утверждение о том, что один приходился другому сыном.

Разумеется, приведенные здесь соображения не обладают статусом окончательных выводов — установле-

⁸ С другой стороны, в летописи Ипатьевской *Изай* *Билюкович* упомянут сразу после *Кобяка Карлыевича* с двумя сыновьями [ПСРЛ, II, 632].

ние надежной этимологической связи между именем *К(о)за / Гза*, с одной стороны, и *Изай / Иза*, с другой, или обнаружение соответствующих генеалогических данных в независимых источниках вполне могло бы их перевесить. Однако в отсутствие таких исследований и свидетельств мы вынуждены исходить лишь из тесного союзничества *К(о)зы* и *Билюка*, а не из ближайшего родства между ними.

На наш взгляд, у нас и без того достаточно оснований, чтобы рассматривать Романа Ростиславича Смоленского как наиболее вероятный прототип при наречении Романа Кзича. Будь отцовство *Билюка* по отношению к *К(о)зе* сколько-нибудь верифицируемо, нам, пожалуй, и не потребовались бы какие бы то ни было альтернативные версии имянаращения половецкого княжича династическим именем Рюриковичей. При существующем же уровне наших сведений необходимо учесть и другие модели антропонимического заимствования, а соответственно, рассмотреть и другие кандидатуры на роль антропонимического донора.

В поисках прототипа: Роман Ростиславич, Роман Игоревич, Роман Мстиславич. — Как нам уже приходилось отмечать прежде, гипотетически половецкий наследник мог быть не только наречен именем взрослого союзника своего отца, но и — как бы в подражание этому союзнику — именем его сына, хотя вполне надежных образцов воплощения такой модели в нашем распоряжении нет. Тем не менее, нельзя забывать, что у князя Игоря Святосла-

вича, столь тесно взаимодействовавшего с половцами (именно его родного брата, Всеволода, уводит в плен Роман Кзич), один из сыновей носил имя *Роман*. Точное время появления этого Игоревича на свет неизвестно, назван же он был с большой вероятностью именно в честь Романа Ростиславича, князя смоленского и киевского⁹. Первое упоминание нашего Романа Иго-

⁹ Обратим внимание, что черниговская ветвь дома Рюриковичей выдерживала достаточно длительную паузу в употреблении имени *Роман*. В самом деле, мы знаем, что так звался один из братьев Олега Святославича, внуков Ярослава Мудрого. Однако мы не обнаруживаем ни одного *Романа* ни среди сыновей Олега, ни в числе его родных племянников. Имя *Роман* не встречается и у родных Олеговых внуков. В этом поколении, правда, *Роман* есть среди потомков его младшего брата, Ярослава Святославича, но о нем нам еще предстоит упомянуть позднее. Что же касается Ольговичей как таковых, то здесь только Роман Игоревич, Олегов правнук, оказался первым обладателем этого имени после своего двоюродного прадеда, Романа Святославича. Нужны были некие особые, неведомые нам причины, чтобы образ этого непрямого и не слишком влиятельного родича, погибшего чуть не за столетие до рождения ребенка, мог сыграть главную роль в наречении Романа Игоревича. Самый прецедент использования имени *Роман* в родовом именослове черниговцев, разумеется, учитывался. Не исключено, что какую-то роль играло то обстоятельство, что отдаленный предок, Роман Святославич, был первым русским князем, павшим от рук половцев [ПСРЛ, II, 195–196]. Более существенно, однако, что родство и особенно — свойство с Ростиславичами, в первую очередь с Романом, не будучи для Игоря, отца мальчика, слишком близким, играло и в его собственной жизни, и в жизни его семьи, чрезвычайно важную политическую роль. Недаром Игорь везет свой саигат, добытый после победы над Кончаком и Кобяком, именно Роману и Рюрику Ростиславичам (ср. гл. «ГЕОР-

ревича в летописи относится к 1183 г. [ПСРЛ, II, 629], при этом в неудачном походе своего отца 1185 г., насколько мы знаем, участия он не принимал, а его активная политическая карьера связана с началом XIII столетия (закончилась она, как известно, весьма несчастливо — Роман был повешен галичанами) [ПСРЛ, II, 718, 720, 727].

Могло ли быть именно с ним связано наречение Романа Кзича? С одной стороны, благодаря целой системе отношений, которая соединяла Ольговичей, и прежде всего Игоря, его отца, с половцами, такое предположение кажется весьма соблазнительным. С другой стороны, есть аргументы и против данной кандидатуры. Особую роль здесь играет временной фактор, при том, что как раз точными хронологическими данными относительно появления на свет двух княжичей, русского — Романа Игоревича и половецкого — Романа Кзича, мы, как уже отмечалось, не располагаем.

В самом деле, чтобы говорить о модели подражания ('половецкий князь называет своего сына тем же именем, которое недавно было дано сыну его партне-

гий (Юрий)», с. 97–101). С тех пор, как его старший брат и глава семьи женился на сестре этих князей, Агафье Ростиславне, сперва его тесть, а затем шурия, сделались единственными гарантами прав и династических надежд всех братьев (Олега, Игоря и Всеволода) в черниговском княжестве. Эти права и надежды долгое время ущемлялись их кровными родичами, кузенами Всеволодичами (подробнее об этом см. в работе: [Литвина & Успенский 2013-б, 87–88]). Характерно, что именно в середине 70-х годов, а именно — в 1174/5 г., шурия Ростиславичи оказывают значительную военную поддержку Олегу Святославичу с братьями в их распри со Святославом Всеволодичем [ПСРЛ, II, 599].

ра Рюриковича'), следует допустить, что половецкий наследник появляется на свет хотя бы немногим позже, чем русский.

Предположительные рамки появления на свет Романа Игоревича определяются установленными датами рождения его братьев. Старший из них, Владимир, появился на свет в 1170 г. Непосредственно друг за другом, в 1174/5 и 1176/7 гг., родились Олег и Святослав. Соответственно, дата рождения Романа может быть отнесена к промежутку между с 1171 по начало 1174 гг. или приурочена не ранее чем к концу 1177 г.

Первый вариант датировки (1171 – 1174 гг.) кажется более предпочтительным, хотя и не бесспорным. Действительно, в 1183 г. Роман уже назван по имени в качестве участника военного похода своего отца, Игоря, хотя и не исполняет там никаких самостоятельных функций. Можно ли представить в такой роли мальчика, которому не более 6 лет отроду? Полностью исключить подобной возможности нельзя, но все-таки вероятнее, что к 1183 г. Роман был старше.

Если обратиться к событиям XIII в., то также складывается впечатление, что Роман был старше Святослава Игоревича, а не младше, — именно он оказывается непосредственным соперником своего брата Владимира за галицкое княжение, кроме того, в летописных перечнях князей Игоревичей, позднее повешенных в Галиче, он назван перед Святославом [ПСРЛ, II, 727]. Иначе говоря, реконструкция, согласно которой он появился на свет в первой половине 70-х годов, несколько убедительнее вписывается в хронологическую канву упоминаний о нем, однако канва эта сама по себе чересчур прорежена, чтобы можно было делать решительные выводы.

Некоторая зона пересечений тех гипотетических временных отрезков, когда Роман Игоревич и Роман Кзич могли появиться на свет, в принципе существует. Можно допустить, что русский княжич родился в 1171–1172 гг., а половецкий — непосредственно вслед за ним. В таком случае, в 1185 г. оба находились на некоторой условной грани княжеского совершеннолетия, говоря попросту, им было по 13–14 лет. Можно ли считать такой возраст достаточным для того, чтобы юному половецкому воину было предоставлено право участвовать в разделе пленных, да еще и заполучить столь важное лицо, как князь Всеволод Святославич? Окончательного ответа на этот вопрос нет, но мы все же склонны считать, что Роман Кзич для осуществления подобных функций должен был быть несколько старше, даже если в этом разделе добычи он являлся не более как представителем своего отца и его клана. В таком случае, однако, его имянаречение уже никоим образом не может быть связано с фигурой Романа Игоревича.

Еще более существенным аргументом нам представляется тот факт, что в летописи вплоть до 1185 г. мы не находим упоминаний о каких-то специфических столкновениях или контактах Игоря с К(о)зой. По-видимому, они встречаются напрямую лишь с того момента, когда со сцены сошел Кобяк, и К(о)за, по крайней мере на время, сделался чем-то вроде его функционального заместителя в русских летописях, а скорее всего, и в половецкой структуре власти. Не кажется ли более вероятным, что, несмотря на всю изменчивость и текучесть такого рода отношений, К(о)за

скорее принадлежал к крылу кочевников, сотрудничавших с линией потомков Мстислава Великого (чьим внуком был Роман Ростиславич), а не Олега Святославича?

В связи с этим нельзя не упомянуть еще одного представителя Мстиславова дома, чей образ в принципе тоже мог играть роль в выборе имени для половецкого княжича. Речь идет о двоюродном племяннике Романа Ростиславича, Романи Мстиславиче, много лет спустя сделавшимся князем галицким. Сразу же следует отметить, что при наречении самого Романа Мстиславича, скорее всего, также ориентировались именно на то, какое имя носил его двоюродный дядя. Эта ориентация возникла в результате сложного сочетания союзничества и соперничества, которое связывало отцов двух Романов — Ростислава Мстиславича и его отважного и до поры до времени весьма успешного племянника Мстислава Изяславича (см. подробнее: [Литвина & Успенский 2012, 54–56]).

Когда Ростислав Мстиславич умер (как мы помним, это случилось как раз в ту же пору, когда Олег и Ярослав ходили на К(о)зу и Билюка), Мстислав Изяславич занял киевский стол, а его сын Роман вскоре был отправлен на стол новгородский [ПСРЛ, II, 543; III, 33, 220], причем в то время Роман был князем еще достаточно юным («дѣтескъ бяше», по выражению новгородского летописца). Нельзя исключать полностью, что Роман Кзич был назван не по взрослому Рюриковичу, с чьей семьей его отец заключил мирный договор, но его наречение было своеобразным актом подражания действиям Мстислава Изяславича — Мсти-

слав нарек своего сына *Романом*, и то же самое было проделано в отношении наследника К(о)зы, появившегося на свет несколько позднее этого русского княжича¹⁰. Существенно при этом, что ни о каких особенных связях Мстислава Изяславича с К(о)зой не упоминается, хотя Мстислав немало имел дело с половцами как таковыми, сражаясь против них и, соответственно, вступая с ними в мирные договоренности¹¹.

¹⁰ Когда это могло произойти? Сколь ни молод был Роман Мстиславич, когда стал новгородским князем, естественно предположить (что и делается исследователями), что ему все же было около 10–12 лет (ср. летописную ремарку относительно того, что сидевший в Переяславле князь Владимир Глебович «башеть малъ», содержащую при этом точное указание его возраста — 12 лет [ПСРЛ, I, 358; II, 555]). Соответственно, Роман в таком случае родился в конце или даже во второй половине 50-х годов XII в. Как кажется, Роман Кзич не должен быть сильно моложе него, в противном случае подражание К(о)зы Мстиславу Изяславичу в наречении детей теряло бы смысл. При таком взгляде предположительная граница появления на свет Романа Кзича сдвигается к рубежу 50-х–60-х годов, что представляется нам менее убедительным, но не невозможным.

¹¹ В династии Юриковичей есть и еще один обладатель имени *Роман*, упоминание которого в летописи по времени пересекается с единственным упоминанием Романа Кзича — это Роман Глебович Рязанский, сын Глеба Ростиславича. Как уже упоминалось, его отцу случалось пользоваться военной поддержкой половцев, и не исключено, что бабкой Романа (матерью Глеба Ростиславича) была половчанка. Однако в этой семейной линии русских князей на время жизни Романа Глебовича скорее приходится этап затухания половецких связей, нежели их расцвета. Матерью Романа Глебовича была отнюдь не половчанка, но русская княжна, дочь Ростислава Юрьевича (см. с. 175 в настоящем исследовании), а сам он был женат на одной из

Общие замечания. — В целом любопытно, что за всеми предложенными нами вариантами антропонимического прототипа при имянаречении Романа Кзича так или иначе просматривается фигура Романа Ростиславича Смоленского. Послужил ли он непосредственным донором имени (что мы считаем наиболее вероятным), или сделался таковым опосредованно, через одного из своих младших родичей, Ольговича или Мстиславича, получивших имя *Роман* в его честь или ради будущей с ним конкуренции, это обстоятельство в любом случае представляется нам достаточно симптоматичным: именно Роман Ростиславич в этот период на Руси был, если так можно выразиться, титульным обладателем данного имени, прекрасно известным кочевникам, а потому и в Половецкой среде, по всей видимости, имя *Роман* в любом случае давалось не без оглядки на него. Еще раз под-

дочерей Святослава Всеволодича [ПСРЛ, II, 614; I, 387], в летописи мы не находим свидетельств, чтобы лично ему помогали кочевники. Он был старшим из братьев Глебовичей, и, по всей видимости, именно его отец в 1172 г. посылает с дружиной в составе экспедиции трех княжеских сыновей на болгар [ПСРЛ, II, 565]. Соответственно, к этому времени Роман Глебович был не моложе, а, скорее, даже старше Романа Мстиславича, что делает не очень убедительным предположение о том, что отец Романа Кзича мог подражать при наречении сына отцу Романа Глебовича. Это тем менее вероятно, что никаких данных, прямых или сколь угодно косвенных, о контактах Глеба и К(о)зы в нашем распоряжении нет. Таким образом, хотя мы и не можем категорически отрицать самую возможность связи между Романом Рязанским и Романом Половецким, проследить эту связь на основании летописных данных практически не получается.

черкнем также особую значимость того обстоятельства, что у трех половецких князей, располагавших столь значительными властными привилегиями в 70-е—80-е годы XII столетия и потому оказывавшихся столь опасными противниками и привлекательными союзниками для князей русских, мы обнаруживаем по сыну с русским именем, и одним из таких сыновей был наш Роман Кзич.

ГЛЕБ

(Место князя по имени Глеб в половецком родовом мире. — Функция имени Глеб у Рюриковичей. — В поисках прототипа: Глеб Юрьевич. — В поисках прототипа: Глеб Ростиславич. — В поисках прототипа: потомки Всеволодко Городенского. — Потенциальные союзники отца половецкого Глеба. Иерархия возможностей. — Иные модели имяназечения. — Общие замечания.)

Место князя по имени Глеб в половецком родовом мире. — Среди половцев домонгольского времени мы находим одного обладателя имени Глеб: это некий Глеб Тириевич, без сомнения, принадлежавший к числу половецких князей. В древнейших летописях он упомянут дважды. В Ипатьевском своде сообщается, что он вместе с Кончаком возглавляет неудачный набег на Дмитров в феврале 1184 г.:

Въ лѣѣ . ꙗко . . . ча . мѣца . февраля въ . кѣ . въ . а . ю .
не ꙗлю поста . придоша Измалтане . безбожнѣи Половци .
на Роусь воевать . ко Дмитрову . съ оканьны^м .
Кончакомъ . и съ Глѣбомъ Тириевичемъ [ПСРЛ, II, 628].

Согласно показаниям свода Лаврентьевского, летом того же года Глеб Тириевич оказывается в числе половецких правителей, которые вместе с Кобяком попали в плен в результате знаменитого совместного

похода Святослава и Рюрика [ПСРЛ, I, 395] (в соответствующем перечне пленных по Ипатьевскому своду его имя отсутствует).

Следует отметить, что оба раза половецкий князь по имени *Глеб* фигурирует с отчеством, из чего можно заключить, что для летописцев актуальна его связь с отцом или с определенным кланом. Характерно, например, что отчество многократно поминаемого Кончака вовсе не встречается в летописи¹, а Кобяк назван

¹ Как известно, по совокупности данных, почерпнутых из Ипатьевского свода и грузинских источников, может быть составлена некая генеалогия Кончака, не лишенная, впрочем, известной доли гипотетичности (ср. *Рис. III* на с. 125). В знаменитой легенде о емшане, помещенной в Галицко-Волынской летописи под 6709 г., сообщается, что Кончак происходит от Отрока («...ѿ него родившюся Кончакоу») [ПСРЛ, II, 716], прожившего значительную часть жизни на чужбине. В свою очередь, Отрок, как уже упоминалось, отождествляется с Атраком, сыном Шарагана, тестем грузинского царя Давида Строителя. Можно было бы считать, что Кончак попросту был родным сыном Отрока и внуком Шарукана, однако такая интерпретация совокупности хронографических известий наталкивается на определенные сложности. В самом деле, брак дочери Отрока и грузинского царя вероятнее всего приходился на конец 10-х годов XII в. и уж во всяком случае был заключен до 1125 г., когда Давид скончался. Кончак же впервые упоминается в русских источниках под 1170 г., а в 1185 г. еще остается активно действующим предводителем половецкого войска. Его сын Юрий погибает в битве не ранее 20-х годов XIII столетия. Все эти элементарные подсчеты демонстрируют, что Кончак мог быть, скорее, не сыном, а потомком (внуком?) Отрока. Обратим внимание, что в летописном узусе формулировка *родиться от...* допускает такое расширительное толкование, как 'принадлежать к чьему-либо роду, быть близким кровным родственником кого-либо', подобно тому как *родитель* может означать просто 'родственник', а *родиться* —

с патронимом лишь единожды. Точной причины такой актуализации отчества в случае с Глебом Тириевичем мы не знаем, можно предположить, что это был хотя и молодой, но взрослый и относительно самостоятельный половецкий вождь, чей отец был еще жив. Впрочем, вполне вероятно также, что подобным способом могла подчеркиваться связь Глеба с неким уже умершим, но по каким-то причинам хорошо известным составителям летописи персонажем.

Так или иначе, нам представляется, что Глеб Тириевич, скорее всего, был князем по статусу еще не равным Кончаку (об этом свидетельствует, на наш взгляд, и место его имени в перечне пленных), но при этом он был несколько старше и независимее, нежели Даниил Кобякович и Юрий Кончакович, ни один из которых в ту пору еще не фигурирует в качестве самостоятельного действующего лица, вне некоего общего списка, а второй если и упоминается к тому времени в летописи, то вовсе без имени. Кем бы ни был отец

‘произойти, появиться’ [Срезневский, III, 132, 134]. Выразителен в этом отношении летописный пример, где родственная связь дядьев и племянника описывается следующим образом: «снѡвецъ ваю Стѡславъ . акы ѿ ваю рожень . передъ вами не творится правъ . но кланаеться и млѣти ваю хочеть» [ПСРЛ, II, 392]. Не исключено, впрочем, что Отрок скончался в весьма преклонных годах, а Кончак был его поздним ребенком. Обе эти версии (потомок или поздний сын половецкого князя, проводшего долгие годы за пределами Руси), как кажется, согласуются с тем, что Кончак не именуется в Киевской летописи с отчеством. Когда Кончак появился на Руси, имя его отца могло быть или уже не слишком актуальным для летописца, или попросту оказаться для него неизвестным.

нашего половецкого Глеба, летопись не сохранила о нем решительно никакой информации, что, разумеется, затрудняет любые построения относительно времени, причин и обстоятельств наречения его сына. Единственное, что мы можем предположить, — что этот половец сотрудничал с Кончаком.

Функция имени *Глеб* у Рюриковичей. — Что же касается бытования антропонима *Глеб* на Руси, то к середине XII в. это языческое по происхождению имя несомненно совмещало у русских князей функции родового и крестильного. Во всяком случае ни для одного из многочисленных *Глебов* того времени не известны какие-либо другие христианские имена. Более того, все имена первых князей-мучеников, Бориса-Романа и Глеба-Давида, могли распределяться между братьями в одной той же семье, как это имело место, например, с детьми Всеслава Брючиславича Полоцкого и отчасти Святослава Ярославича Черниговского, причем статус единственных приобрели как родовые, так и крестильные имена этих святых [Литвина & Успенский 2006, 112–115]. Не менее существенно также, что имя *Глеб* довольно рано стало появляться на Руси у лиц не княжеского происхождения, что, как уже упоминалось, было совершенно нормально для христианских имен, принятых в династии, но практически исключалось для имен мирских.

Можно было бы сказать, что для Рюриковичей имя *Глеб* занимало ту же культурную нишу, что и имя *Юрий*, однако это, судя по источникам, не совсем так. Дело в том, что мы не знаем случаев, чтобы оно дава-

лось в качестве крестильного при родовом мирском. Здесь налицо некоторая асимметрия в использовании именований братьев-мучеников, имеющая место то ли в реальности, то ли в наборе наших сведений о ней, ведь для имени *Борис* картина выглядит иначе. С одной стороны, *Борис*, как уже говорилось, охотно используется в династии в качестве единственного, совмещающего функции родового и крестильного, а с другой, хорошо известны примеры, когда оно в ту же эпоху давалось только в качестве крестильного, наряду с мирским (ср. *Святослав-Борис* <Ольгович>, *Мстислав-Борис* <Романович>). Для имени же *Глеб* нет летописных данных, чтобы оно фигурировало в качестве второго имени князя.

В поисках прототипа: *Глеб Юрьевич*. — Таким образом, пытаясь отыскать среди Рюриковичей кандидатов на роль антропонимического донора при именовании *Глеба Тириевича*, мы в любом случае должны ограничиться кругом тех лиц, которые носят имя *Глеб* в качестве единственного. Если выстраивать некую аналогию с выбором имени для *Юрия Кончаковича* и привлекать модель наречения в честь русского князя, тесно соприкасавшегося с половцами, прославленного в военном искусстве и заключающего с кочевниками мирные договоры, то в качестве такого прототипа в первую очередь мог бы рассматриваться, князь переяславский и киевский *Глеб Юрьевич*, сын *Юрия Долгорукого*, внук *Мономаха*.

Глеб, по всей видимости, принадлежал к числу сыновей *Долгорукого*, рожденных в его браке с полов-

чанкой, и, соответственно, был, как и многие из его братьев, наполовину половцем. С тех пор, как его отец вступил в борьбу за киевское наследство, Юрьевичи, естественным образом, регулярно оказывались вовлечены в такие ситуации, когда их отец приводил себе на помощь этих кочевников, но даже и на этом фоне Глеб выделялся среди прочих братьев интенсивностью своих половецких контактов.

Сложилось так, что после смерти брата Ивана именно Глеб чаще всего непосредственно взаимодействует со Святославом Ольговичем, союзником своего отца [ПСРЛ, II, 339, 342, 355], а тот, в свою очередь, весьма охотно эксплуатирует собственные родственные связи со степняками, втягивая в войну своих «диких уев», дядьев с материнской стороны, которые приходят на помощь ему и его партнерам. В первой половине 50-х годов Глеб и вовсе превращается в своеобразного посредника между Рюриковичами и половцами — за военной поддержкой или для заключения мира его посылает к кочевникам то отец, то несколько неожиданный новый союзник, Изяслав Давыдович, и всякий раз молодому Глебу в нужный момент удастся привести на помощь старшим родичам весьма значительные половецкие силы [ПСРЛ, I, 341, 342, 343; II, 468, 471, 474].

Мы не знаем, на ком Глеб Юрьевич был женат первым браком, но самая эта неизвестность, а также и то обстоятельство, что к степнякам всякий раз высылают именно его, позволяют предположить, что не только его матерью, но и первой женой, возможно, была половчанка. Быть может, именно таким браком

объяснялась его возникшая независимо от отца консолидация с Изяславом Давыдовичем, претендовавшим, как и Юрий Долгорукий, на киевский стол. Изяслав чрезвычайно много пользовался поддержкой кочевников, не исключено, что и его жена была половецкой княжной². Овдовев [ПСРЛ, I, 341], Глеб женится именно на дочери Изяслава Давыдовича [ПСРЛ, II, 482], и если допущение о половецком браке Изяслава верно, то с этим новым матримониальным союзом половецкие связи Глеба еще раз обновляются и расширяются.

Так или иначе, можно сказать, что в первую половину жизни Глебу Юрьевичу приходится взаимодействовать с самыми разными ветвями половецкой знати — как с собственными родичами по матери, так и с родней Святослава Ольговича, а заодно с теми, кто помогал Изяславу Давыдовичу. Не исключено, кстати говоря, что в распре второй половины 40-х — 50-х годов одной из подспудных основ внутрикняжеских коалиций могло служить наличие близкого половецкого родства, и Глеб в таком случае оказывался в самом центре пересечения этих русско-половецких линий притяжения.

Большая часть его княжеской карьеры вплоть до конца 60-х годов была связана с переяславским столом, что, разумеется, делало для него географически неизбежными контакты с кочевниками. Конечно же, Глебу приходилось не только пользоваться их помощью, но так или иначе воевать с ними. Во всяком случае, во второй половине 60-х годов он участвует в двух

² Подробнее об этой возможности см. гл. «ВАСИЛИЙ», с. 220–222.

больших общекняжеских антиполовецких экспедициях [ПСРЛ, II, 528, 539].

Если мы исходим из относительной молодости его половецкого тѣзки, Глеба Тириевича, то более всего нам интересна мера соприкосновения Глеба Юрьевича с половецким миром именно в середине и во второй половине 60-х годов XII в., т. е. в ту пору, когда отец этого половца мог быть дать своему сыну русское династическое имя. Как явствует из летописи, статус Глеба Юрьевича в кочевом мире, по крайней мере, в определенной его части, был в это время, по видимому, еще выше, чем прежде. Вступив в союз против Мстислава Изяславича, он посылает на помощь его противникам не только своего тысяцкого с неким отрядом, но и берендеев, а также и диких половцев. Позднее же, когда Мстислав Изяславич уходит из Киева, а пребывание здесь кочевников становится небезопасным, Глеб Юрьевич своею властью отправляет половцев обратно³.

Кто же были те дикие половцы, которые к 1170 г. были связаны с Глебом настолько, что он мог не только непосредственно, но и заочно распоряжаться их передвижениями? Прежде всего, к ним относятся не кто иные, как Кончак и его родичи:

³ «И поиде Мьстиславъ ѿ Киева . второе недѣли по велици дни в понедѣльникъ и бы^ѣ вѣсть Дѣдови . шже Мьстиславъ пошелъ . и посла Володислава Лаха с Половци . по нѣмъ . и постигоша ѿ оу Борохова . и ту стрѣлавшеса с ними възвратишаса . Половци же воротишаса шпать . много створивше зла . люди повоевоваша . тогда же Глѣбъ пусти Половци въ вежѣ» [ПСРЛ, II, 549–550].

и Глѣбъ кнѣзь прислалъ баше Григора тысячкаго своего . с помочью . и Половци диции Кончакъ с родомъ . своимъ . и свои Берендичи Бастѣва чадъ [ПСРЛ, II, 548].

Приведенное нами свидетельство — это первое упоминание Кончака в русском летописании. Довольно скоро, как раз после смерти Глеба Юрьевича или — самое раннее — во времена его болезни, главными противниками и союзниками рода Кончака на долгие годы станут Ольговичи, в первую очередь, сыновья Святослава, а отчасти и Всеволода, но из только что процитированного фрагмента очевидно, что изначальным русским партнером этой группы половцев был именно Глеб. Эти данные особенно важны, если принять во внимание следующее: единственное развернутое свидетельство о Глебе Тириевиче (где он фигурирует не в общем перечне, а как самостоятельно действующее лицо) сообщает, что союзником нашего половецкого Глеба (очевидно, старшим) был именно Кончак.

Принадлежали ли он и его отец непосредственно к Кончакову роду, который был на рубеже 60-х—70-х годов отправлен Глебом Юрьевичем на Киев, сказать наверняка, разумеется, невозможно. Так или иначе, они составляли вместе с Кончаком одно крыло половцев, а как мы убедились выше, именно оно весьма тесно взаимодействовало в свое время с Глебом Юрьевичем.

Необходимо учесть также, что к концу 60-х годов сын Долгорукого по старшинству и своему положению в княжеской иерархии безусловно рассматривался как один из претендентов на киевский стол, а после из-

гнания Мстислава Изяславича он и получил этот стол при поддержке брата, Андрея Боголюбского. Как известно, немедленно после его вокняжения в Киеве сразу две группировки половцев изъявили готовность заключить с Глебом Юрьевичем мирные соглашения [ПСРЛ, II, 555]. Можно допустить, помимо всего прочего, что наречение мальчика именем *Глеб* могло быть связано с одним из этих мирных проектов — тем, который осуществился успешно [ПСРЛ, II, 555–556].

Иными словами, минимальные сведения, которыми мы располагаем о половецком обладателе имени *Глеб* и его отце, могут быть достаточно убедительно и непротиворечиво соотнесены с фигурой этого русского князя-тёзки. С другой стороны, именно упоминание Кончака, сыгравшее столь значительную роль в этой реконструкции русских связей Глеба Тириевича и его рода, подводит нас к возможности установления еще одного, альтернативного антропонимического донора.

В поисках прототипа: Глеб Ростиславич. — Речь идет о Глебе Рязанском, который, возможно, также был связан с кочевниками по рождению. Известно, что когда в 1147 г. сыновья Юрия Долгорукого, Ростислав и Андрей, двинулись на Рязань⁴, отец

⁴ Этот конфликт между двумя Ростиславами — Ростиславом Юрьевичем и Ростиславом Ярославичем — впоследствии был улажен весьма традиционным для Рюриковичей способом, с помощью внутридинастического брака: интересующий нас Глеб, сын Ростислава Ярославича, не только женился на дочери Ростислава Юрьевича, но много лет спустя оказался главным защитником прав своих шурьев, Мстислава и Ярополка, сыновей Ростислава Юрьевича (ср.: [ПСРЛ, I, 372; II, 595]).

Глеба, Ростислав Ярославич, бежит оттуда к половцам, причем летопись называет конкретное имя того, кто принял князя, — *Елтук*:

в то же верема поидоста Гюргевича Ростиславъ .
Андрѣи къ Разаню на Ростислава на Ярославѣ⁴ Ростиславъ же выбѣже изъ Разана в Половцѣ . къ Ельтоукови [ПСРЛ, II, 338–339]⁵.

В научной литературе уже возникало предположение, что Ростислав попросту состоял с ним в свойстве, т. е. был женат на половчанке. Никаких прямых указаний относительно этого брака в летописях не сохранилось, но нет в них и каких-либо данных, противоречащих такому допущению, — мы попросту не находим в источниках сведений об имени и происхождении супруги этого князя. Равным образом, впрочем, ничего не известно об имени и происхождении матери Ростислава Ярославича, жены Ярослава, одного из самых младших внуков Ярослава Мудрого. Таким образом, отсиживавшийся у кочевников Ростислав мог быть как мужем, так и сыном половчанки (а, строго говоря, и тем, и другим одновременно). Так

⁵ Любопытно, что известие это непосредственно соседствует с сообщением о том, что другой участник междукняжеской угодицы, Святослав Ольгович, отпустил своих многочисленных союзников-половцев домой, богато их одарив. Тот факт, что Святослав был сыном половчанки, достаточно надежно засвидетельствован. Поневоле возникает впечатление, что два этих сообщения вместе складываются в общую картину взаимодействия Рюриковичей со своими половецкими родственниками и свойственниками на данном этапе противостояния.

или иначе, специфическое уточнение, присутствующее в сообщении о его бегстве, — не просто «в Половцѣ», но «къ Ельтоукови» — в самом деле наводит на мысль, что двух князей, русского и половецкого, связывало родство, свойство или по крайней мере какие-то особые личные отношения.

Существенно, однако, что, согласно свидетельству Ипатьевской летописи, у Кончака был брат (погибший в 1181 г.), который в источнике назван «Елтут»:

...и тогда оубиша . Половецького княза . Козла Сотановича . и Елтоута . Кончакова брата [ПСРЛ, II, 623].

Можно допустить, что за графическими обозначениями *Елтук* и *Елтут* стоит одно и то же половецкое имя. Возникает, разумеется, вопрос, идет ли речь в этих сообщениях, разделенных примерно тридцати четырьмя годами об одном и том же лице или о двух тѣзках. Если половец, упоминающийся в двух данных статьях, — это один и тот же человек, приходящийся Кончаку братом, то весьма велика вероятность, что Глеб Рязанский состоял с Кончаком и его семьей в некоем родстве, коль скоро мы допускаем, что его отец или дед был женат на их родственнице. Если же речь идет о двух тѣзках, носителях имени *Елту(к/т)*, то этот повтор имени, в свою очередь, с большой вероятностью обусловлен существованием какой-то специфической связи между ними — родством, свойством, по-братимством или союзничеством. Иначе говоря, Елтук, упоминаемый под 1147 г., скорее всего, не чужой для Кончакова рода, а стало быть, не чужим для этого рода, возможно, был и Глеб Ростиславич Рязанский.

О том, что он был не чужд кочевому миру как таковому, свидетельствует и тот факт, что много лет спустя, во времена его борьбы с младшими сыновьями Долгорукого, Глеб активно пользовался поддержкой половцев, отдавая им на разграбление церкви, возведенные Боголюбским:

...Глѣбъ шель Володимерю инѣмъ путемъ . и воюеть школо Володимера . и с Половци с погаными . много бо зла створи цѣркви Бѣлюбьскои . юже бѣ оукрасилъ Андрѣи князь добрый . иконами и всакимъ оузорочье^м . златомъ и серебромъ^м . и камене^м драгы^м . и ту цѣрквь повелѣ выбивше двери разграби[ти] с погаными . и села пожже боярьская . а жены и дѣти и товаръ да поганы^м на щить . и многы цѣркви запали огнемъ [ПСРЛ, I, 383].

Неизвестно, правда, какие именно половцы в данном случае помогали Глебу Ростиславичу, как неизвестны и другие эпизоды его совместных действий со степняками. Женат же он был отнюдь не на половчанке, а, как уже упоминалось, на княжне Рюриковне, внучке Юрия Долгорукого.

Иными словами, можно вообразить себе такую ситуацию, когда Ростислав Ярославич женат на половчанке, приходящейся сестрой или племянницей Кончаку. В этом браке рождается сын по имени Глеб, а вскоре (или когда русский Глеб уже вырос) один их половецких родичей Елтука, Кончака и половчанки, сделавшейся русской княгиней, также называет своего сына Глебом. В таком случае наш Глеб Тириевич оказывается родственником Кончака и Глеба Рязанского одновременно, что объясняло бы как его имянаречение, так и обстоятельства появления на Руси. Однако

эта вполне логичная схема содержит, как мы могли убедиться, довольно много допущений, а потому едва ли может быть сочтена единственно возможной.

В поисках прототипа: потомки Всеволодко Городенского. — Строго говоря, в рамках модели 'наречение в честь отцовского контрагента' на роль прототипа при выборе имени в принципе мог бы подойти еще один Рюрикович — Глеб, сын Всеволодка Городенского. Дело в том, что его родная сестра, овдовев в браке с Владимиром Давыдовичем Черниговским, бежала к половцам и именно там вышла замуж вторично, за князя Башкорда [ПСРЛ, II, 500–501], имя которого, как известно, упомянуто в том же списке плененных половецких князей, что и имя Глеба Тириевича [ПСРЛ, I, 395].

Сам по себе этот случай уникален для династической истории Рюриковичей, описание ухода русской княгини к кочевникам, ее замужества никогда более в источниках не встречается. Нетривиальность этого свидетельства заставляла некоторых исследователей предполагать, что бежавшая к половцам княжеская вдова была по происхождению половецкой, а не внучкой Владимира Мономаха. Однако летописный текст, как кажется, не дает решительно никаких оснований для сомнений в принадлежности этой княгини к династии Рюриковичей по рождению.

В самом деле, в летописи мы обнаруживаем совершенно прямое и ясное сообщение о том, что Владимир Давыдович женился в 1144/45 г. на одной из Всеволодковен, причем специально отмечено, что дед обеих сестер

также звался Владимиром [ПСРЛ, II, 317]. Эта генеалогическая картина находится в полном соответствии с другими летописными свидетельствами, согласно которым дочь Владимира Мономаха, Агафья, стала женой Всеволодко Городенского, и, следовательно, их дети приходились Мономаху внуками. Мы не находим в летописи решительно никаких сообщений о том, что Владимир Давыдович после этого брака со Всеволодковной овдовел и женился вторично. Времени на все это у него оставалось бы не слишком много — как известно, Владимир погиб в 1151 г. [ПСРЛ, I, 334; II, 438]. Что еще более существенно, в летописных источниках фигурирует сын Владимира Давыдовича и его бежавшей к половцам жены⁶. Во второй половине 50-х годов этот князь был еще достаточно юным, он действует под покровительством своего дяди по отцу Изяслава Давыдовича, который в 1159 г., в частности, устраивает его брак, когда молодой князь уже сидел на самостоятельном столе во Вщиже. Очевидно, таким образом, что этот сын Владимира Давыдовича должен был появиться на свет вскоре после брака со Всеволодковной. Иными словами, для еще одной таинственной, нигде не упоминаемой половецкой жены Владимира Давыдовича, которая успела бы родить ему сына, попросту не остается хронологического пространства⁷.

⁶ «...приде же Изяславу болши помочь к Бѣлугороду приде бо к нему Башкордъ въ к̃. тысячъ ѿчи^и Мьславль <sic! Переправлено въ мьстиславль: сти приписано надъ строкой>. Володимирича . бѣ бо мѣи его бѣжала в Половци . и шла за нь» [ПСРЛ, II, 500–501]. Правильное написание имени князя («вотчим Святославль Володимирича») см. в: [ПСРЛ, XXV, 65].

⁷ Подробнее о Владимире Давыдовиче, Всеволодковне и Святославе Вщижском см.: [Литвина & Успенский 2012, 47–53].

В летописи напрямую сообщается, что мать Святослава Владимировича, сделавшись женой половецкого князя, продолжала вместе со своим новым мужем оказывать деятельнейшую поддержку не только своему родному сыну, но и свойственнику по первому браку — Изяславу Давыдовичу, брату покойного Владимира. Сохраняла ли она при этом связи с другими родственниками и свойственниками, оставшимися на Руси? Ее родной отец, а, по-видимому, и мать, скончались еще до ее первого замужества. Единственный сын от Владимира Давыдовича умер достаточно молодым, в 1166 г. [ПСРЛ, II, 525]. Однако у жившей среди половцев Всеволодковны на Руси оставались родные братья и сестра, которая в свое время была в один день с ней выдана замуж. Один из братьев, напомним, носил имя Глеб. По-видимому, в 1166–1170 гг. именно он был старшим в семье, на городенском столе своего отца [Назаренко 2009, 14–126]. Правда, известий о его самостоятельных контактах с половцами летопись не сохранила и, соответственно, мы практически ничего не можем сказать о его контактах с новыми половецкими родичами и свойственниками со стороны сестры.

Более любопытна, как кажется, история семьи сестры нашей половецкой беглянки, сестры, чьим супругом стал Юрий Ярославич Туровский. Две эти Всеволодковны были вероятно весьма близки по возрасту, коль скоро их свадьбы были устроены в один день, и потому было бы весьма естественно, если бы между сестрами и в дальнейшем сохранялась особая связь. Брак этой второй Всеволодковны и Юрия Ярославича был отмечен довольно многочисленным потомством.

Один из ее сыновей, так же, как дядя по матери, звался *Глебом*⁸, при этом наиболее яркая династическая карьера ждала, пожалуй, одну из ее дочерей, Анну Юрьевну, ставшую женой Рюрика Ростиславича, будущего князя киевского, пользовавшегося половецкой поддержкой весьма и весьма активно.

⁸ Мог ли этот Глеб Юрьевич, сын Юрия Ярославича Туровского и Всеволодовны, послужить непосредственным прототипом для наречения половецкого Глеба? О возрасте Глеба Юрьевича судить достаточно трудно. Впервые он упоминается в летописи как участник того самого похода русских князей, в результате которого Глеб Тириевич оказался в плену. В 1196 г. же, т. е. всего 12 лет спустя, Глеб Юрьевич скончался [ПСРЛ, II, 694]. Тот факт, что он не упоминается в летописи до 80-х годов, кажется, может свидетельствовать в пользу того, что он был еще достаточно молод, к тому же в списке Ипатьевского свода его имя фигурирует вторым, рядом с именем брата Ярослава: «...Ярославъ кнзъ Пиньскій . с братомъ Глѣбомъ» [ПСРЛ, II, 631]. С другой стороны, в соответствующем списке летописи Лаврентьевской он упоминается как самостоятельный туровский князь [ПСРЛ, I, 394]. Это обстоятельство, а также дата его смерти, позволяет допустить, что Глеб Юрьевич в 80-е годы был человеком вполне зрелым и принадлежал, например, к одному поколению с Игорем и Всеволодом Святославичами, а запоздалость его появления в летописи объясняется не слишком значительным местом в княжеской иерархии, которое он до поры занимал, не будучи старшим сыном своего отца, туровского князя. Так или иначе, весьма трудно определить степень актуальности его фигуры для половцев вплоть до середины 80-х годов XII в. Мы можем сказать только, что его тетка была замужем за могущественным Башкордом, а потому следует, на наш взгляд, говорить лишь о потенциальной привлекательности для кочевников именослова городских князей и имени *Глеб*, в частности, а не об особом выделении Глеба Юрьевича в качестве антропонимического донора.

Женившись на Анне, Рюрик поддерживал на редкость тесную связь с родственниками своей супруги, как с ее братьями, так и с матерью, которая, по всей видимости, принимала весьма деятельное участие в устройстве этого матримониального союза. Брак этот для Рюрика не был первым, до свадьбы с Анной он был коротко женат на половчанке, именуемой в летописи *Белуковной*⁹. С ее кончиной родственные связи этого князя с кочевым миром, естественным образом, ослабевают, однако много позже, на рубеже XII и XIII столетий, мы видим, как Рюрик возвращает себе киевский стол с помощью половцев [ПСРЛ, I, 418; III, 240], и в других своих военных предприятиях пользуется активной половецкой поддержкой. Не есть это ли это следствие половецких связей, приобретенных благодаря второму браку? Иными словами, не помогает ли тетка, вышедшая замуж за половецкого князя Башкорда, своей родной племяннице и её мужу, князю киевскому? Такой ход событий представляется вполне возможным, если вспомнить о том, сколь охотно Всеволодковна, бежавшая к половцам, помогала в 50-е годы своему сыну и деверю по первому браку, оставшимся на Руси. После их смерти она вполне могла переключиться на племянников, детей своей сестры. Во всяком случае, не прибегая к этому допущению, столь значительную помощь половцев Рюрику Ростиславичу объяснить оказывается гораздо труднее.

Версия о том, что имя *Глеб* пришло к половцам благодаря родственным связям русской жены Башкорда, представлялась бы более убедительной, если бы мы знали хоть что-нибудь о взаимодействии или

⁹ См. гл. «*РОМАН*», с. 149–153.

родстве самого Башкорда с половецким Глебом (Глебом Тириевичем) или его отцом. Однако все наши сведения на сей счет ограничены фактом присутствия их имен в одном и том же списке знатных пленников, тогда как связь Глеба Тириевича с Кончаком отмечена в летописи напрямую.

Потенциальные союзники отца половецкого Глеба. Иерархия возможностей. — Прочих русских князей, носивших имя *Глеб*, едва ли следует рассматривать в качестве потенциальных друзей половецкого родителя, прежде всего из-за отсутствия каких-либо данных об их прямых контактах с кочевниками, да и по соображениям хронологическим¹⁰. По-видимому, самой предпочтительной кандидатурой на роль прототипа при наречении Глеба Тириевича остается все же Глеб Юрьевич, сын Долгорукого, закончивший свои дни киевским князем, наи-

¹⁰ Так, под 1159 г. в Ипатьевской летописи мы находим мимолетное упоминание Глеба Ростиславича, принадлежащего к полоцкой ветви и какое-то короткое время сидевшего в Друцке [ПСРЛ, II, 493]. Однако никакого половецкого следа в его биографии в этом единственном и весьма лаконичном сообщении об изгнании князя из Друцка усмотреть решительно невозможно. Столь же затруднительно судить о половецких связях еще одного друцкого князя, единожды упомянутого в Ипатьевской летописи Глеба Рогволодича, который в 1180 г. был союзником Давыда Ростиславича в его противостоянии с Ольговичами [ПСРЛ, II, 620]. Его отец, Рогволод-Василий Борисович вступил в брак в 1144 г. [ПСРЛ, I, 311; II, 314] и был еще жив в 1171 г., так что временной диапазон возможной даты рождения этого Глеба достаточно велик.

более часто из всех троих тезок упоминаемый в летописи, известный своей доблестью в сражениях, долго сидевший в Переяславле (в силу своего географического положения — своеобразном форпосте русско-половецких столкновений), заключавший с половцами мирные договоры и явным образом состоявший в тесном союзе с Кончаком. Тем не менее, весьма существенно, что два других русских князя по имени Глеб, которые живы и активно действуют в конце 60-х — начале 70-х годов XII в., тоже были связаны с половецким миром как таковым достаточно близко. При этом Глеб Рязанский, по-видимому, был в ту пору достаточно заметной и независимой фигурой среди Рюриковичей, коль скоро на него была возложена честь защитника прав своих шурьев на наследие Андрея Боголюбского. Вместе с тем, два других кандидата, Глеб Городенский и его племянник, хотя едва ли могли сравниться по могуществу со своими тезками, рязанским и киевским, состояли с половцами в столь нетривиальных для Рюриковичей отношениях свойства, что подобного рода связь для наречения ребенка могла быть очень важной.

Таким образом, самое имя Глеб в этот период для половцев было не только прекрасно знакомо, но и обладало несомненной «родственной» привлекательностью, и эта общая привлекательность, безусловно, играла роль при выборе имени для половецкого наследника, в честь кого бы конкретно он ни был назван.

Напомним, однако, что до сих пор, рассуждая о наречении Глеба Тириевича, мы исходили из того, что в 1184 г. он достаточно молод. Несмотря на то, что

это допущение кажется нам оправданным, нельзя не учитывать, что в принципе он мог быть по возрасту равен Кончаку или Кобяку или даже превосходить их летами, попросту заметно уступая им в могуществе. Но и в этом случае наиболее вероятным антропонимическим донором оказывается Глеб Юрьевич — как мы убедились из краткого обзора его жизненного пути, его взаимодействие с кочевниками было весьма интенсивным долгие годы и практически на любом временном отрезке половецкому наследнику могло быть дано имя в его честь.

Иные модели имянаречения. — В силу скудости наших знаний о Глебе Тириевиче нельзя напрочь исключить и действие какой-то другой модели выбора имени. Так, отец нашего половецкого князя мог подражать некой антропонимической тенденции Рюриковичей и наречь отпрыска тем же именем, которое недавно получил кто-то из сыновей того или иного русского князя, примерный ровесник его собственного наследника¹¹. Подобный путь не всегда требует каких-то особых личных или семейных контактов — мотивация для выбора образцов может оказаться достаточно неожиданной. С другой стороны, в принципе можно допустить, что и сам Глеб Тириевич мог взять это свое имя у кого-то из близких ему Рюриковичей собственного поколения, войдя с ним в отношения союза или побратимства, или даже использовать его просто как имя, популярное у русских князей

¹¹ Такую модель выбора имени мы рассматривали, напомним, как одну из возможных при наречении Романа Кзича.

вообще. В такой перспективе имеет смысл обратить внимание еще и на младшее поколение русских князей, носивших имя *Глеб* в 80-е годы XII в., с которыми наш половецкий Глеб потенциально мог бы взаимодействовать лично или чьим отцам мог подражать в имянаречении его отец.

В первую очередь здесь следует упомянуть Глеба Святославича, сына Святослава Всеволодича, вступившего в брак в 1183/4 г. [ПСРЛ, II, 625] (в то время, когда его отец уже стал киевским князем), достаточно активного участника княжеских военных предприятий того времени. Он участвовал не только в том походе на половцев, когда был захвачен Глеб Тириевич, но и в предшествующей половецкой экспедиции, возглавляемой его двоюродным дядей, Игорем Святославичем. Быть может, он вполне годился в доноры имени *Глеб* для половца, но не в качестве побратима или союзника отца, а как сверстник и/или прямой контрагент самого Глеба Тириевича. Однако о непосредственных контактах между ними мы ничего не знаем.

Общие замечания. — В целом, можно отметить, что в 80-е годы на русской политической сцене действует довольно много взрослых князей, носящих имя *Глеб*, причем в этот же период оно достаточно охотно дается и вновь появляющимся на свет княжичам¹². Не будет преувеличением сказать, что в ту пору

¹² Так, в эту пору именем *Глеб* был наречен рано умерший сын Всеволода Большое Гнездо [ПСРЛ, I, 407]. О выборе имени для этого князя и его брата Бориса см. подробнее: [Литвина & Успенский 2006, 479–480, 522].

это имя вполне укладывается в русло княжеской антропонимической моды, складывающейся в результате сложного взаимодействия различных реализаций общеродовых норм и правил имянаречения в отдельных княжеских семьях. В самом деле, имя Глеб во второй половине XI в. переживает вполне объяснимый взрыв популярности, а затем ритм его бытования в династии Рюриковичей приобретает волнообразный характер. Так, в середине 70-х годов XII в. несколько его немолодых и весьма значимых в родовой истории обладателей в силу естественных причин сходят со сцены. Взрослых и активно действующих князей с этим именем остается на каком-то этапе совсем мало, зато в честь недавно умерших Глебов в течении ближайшего десятилетия весьма охотно называют новорожденных княжичей, так что к середине 80-х — 90-м годам этого столетия число его взрослых носителей снова заметно возрастает.

Иными словами, если говорить о взаимодействии степняков с Рюриковичами, самый выбор именно этого антропонима для половецкого князя во второй половине XII в. отнюдь не удивителен. Более того, несмотря на дефицит данных о Глебе Тириевиче и его семье, мы можем предположить, с какими именно русскими князьями было связан выбор его имени, — затруднительно, скорее, определить, что́ из множества возможных конкретных обстоятельств этот выбор обусловило. В свою очередь, эти исследовательские трудности с установлением антропонимического донора сами по себе весьма показательны: перебирая различные кандидатуры на эту роль, мы лишний раз убеж-

даемся, сколь многочисленными и многообразными стали связи Рюриковичей с половцами к 80-м годам XII столетия.

Если же обратиться к проблеме конфессиональной принадлежности этого половецкого обладателя христианского имени, то здесь мы, с одной стороны, вновь вынуждены сослаться на пресловутую ограниченность наших сведений об этом персонаже половецкой истории, но, с другой стороны, не можем не отметить, что для русского летописца Глеб безоговорочно принадлежит к общей массе некрещеных половцев, о чьем безбожии повествователь не забывает упомянуть («...придоша Измалтане . безбожнѣи Половци . на Роусь воевать»), и сочетание этих инвектив с христианским именем половецкого князя его, по-видимому, нисколько не смущает.

ЯРОПОЛК

(Половецкий фон появления нехристианского русского имени.

— Русские князья, обладатели имени Ярополк. — Имя Ярополк в ряду династических имен Рюриковичей. — Имя Ярополк на Руси за пределами княжеской династии. — Общие замечания.)

Половецкий фон появления нехристианского русского имени. — Ярополк Томзакович — одно из самых интересных и едва ли не самых загадочных антропонимических сочетаний половецкого ономастикона. Так именуется князь, упомянутый в древнейшем летописании лишь единожды:

По^лвци же видѣвше стада своа взата и жены и дѣти . стьсноувше вобрѣдоша во Днѣпръ . и постигоша и . на Ивлѣ . во третии днѣ ѿ Днѣпра . бахоуть бо в полоку Половецкомъ три княза . Колдечи . Кобань . Оуроусовича ѡба . и Бѣгъбарсь Акочаевичъ . дѣ . же Ярополкъ Томзаковичъ . со стороны приѣха . своимъ полкомъ [ПСРЛ, II, 671].

Отсутствие каких-либо иных данных о половецком Ярополке и полное молчание источников относительно каких бы то ни было событий, связанных с его отцом (или родом), благодаря которым он сделался обладателем патронима *Томзакович*, само по себе делает

крайне затруднительными любые построения, касающиеся его имянаречения. Более того, летописец как бы намеренно подчеркивает его отделенность от прочих половцев, с которыми Ярополку пришлось взаимодействовать в 1191 г. («...со стороны приѣха . своимъ полкомъ»).

Таким образом, даже гипотеза о постоянном сотрудничестве Ярополка Томзаковича с кем-то из названных рядом с ним половецких князей постоянно нуждается в оговорках, а соответственно, несравненно труднее нащупывать через этих, поименованных с патронимами, степных союзников какие-либо русские связи Ярополка. Отметим все же, что одно из фигурирующих здесь патронимических образований, *Оуроусовичи*, если и отсылает к каким-то знакомым нам по летописанию половецким антропонимам, то к имени *Урусоба*, которое носил могущественный половецкий князь, пытавшийся склонить в 1103 г. своих соплеменников к миру с Русью и погибший в сражении [ПСРЛ, II, 254–255].

Если говорить о союзнике Урусовичей Бегбарсе, то, быть может, следует вспомнить Багубарса — о пленении его братьев или близких родичей упоминается в «Поучении» Мономаха [ПСРЛ, I, 249–250]. Разумеется, даже если *Бегбарс* и *Багубарс* — это одно имя, трудно допустить, что в двух источниках речь идет об одном и том же человеке, который в самом начале столетия сражается с Мономахом, а в конце того же века противостоит его праправнуку Ростиславу Рюриковичу. Колдечи и Кобан также едва ли являются родными сыновьями того самого Урусобы, который погиб при-

мерно за 87 лет до описываемых событий. Куда вероятнее, что здесь имеет место родовой повтор имен и/или отсылка к имени прославленного главы клана с помощью патронимической формы. Можно допустить, таким образом, что мы имеем дело с представителями половецких кланов, известных на Руси по крайней мере с начала XII в.

С другой стороны, если мы обратимся к началу рассказа о столкновении русских князей и Черных Клобуков с половцами, то сможем увидеть, что, согласно летописи, Черные Клобуки, прибегая к помощи Ростислава Рюриковича, не могут сказать точно, с какими именно половцами им приходится бороться все последнее время:

...се Половѣѣ сеѣ зимы . воюють ны часто . а не
вѣдаемъ . Подоунаици ли есмъ что ли [ПСРЛ, II, 670].

В процессе же самой антиполовецкой экспедиции «узнавание» все же происходит, поскольку в летописи указаны не только имена половецких вождей, но и их родовая принадлежность. Все это еще больше укрепляет нас в мысли, что Ростиславу Рюриковичу пришлось иметь дело с теми кочевническими кланами, которые на Руси были уже известны, но в течение какого-то, уже достаточно длительного времени находились в стороне от крупных столкновений с Рюриковичами.

Принадлежал ли, однако, Ярополк Томзакович и его отряд к одному из таких издавна известных, но подзабытых на Руси половецких объединений? Какой-либо решительный ответ здесь едва ли возможен, хотя само его имя, разумеется, свидетельствует о том,

что он сам или его предки некогда взаимодействовали с русскими князьями весьма непосредственным образом. Можем ли мы — при той специфичности данных, которыми располагаем о Ярополке Томзак-овиче, — попытаться установить, от кого из Рюриковичей по имени *Ярополк* ему могло перейти это имя?

Русские князья, обладатели имени *Ярополк*. — Сложность, помимо всего прочего, заключается еще и в том, что ни для кого из русских князей по имени *Ярополк*, живших в ту эпоху или несколько ранее, не представляется возможным проследить какие-то отчетливые половецкие связи, выделяющие их на фоне прочих тезок. В самом деле, Ярополк Андреевич, внук Мономаха, был рожден, по-видимому, от брака с половчанкой, но никаких других деталей, указывающих на его контакты с половцами, мы не знаем. Его упоминания в летописи весьма немногочисленны и не столь подробны. Что касается большинства других *Ярополков* — еще одного Мономахова внука, сына Мстислава Великого, а также Ярополка Изяславича (внука Мстислава Великого), Ярополка Романовича (внука Ростислава Смоленского), Ярополка Ростиславича (внука Долгорукого), Ярополка Юрьевича (сына Юрия Ярославича Туровского), Ярополка Ярославича (внука Всеволода Ольговича) — то их связь с кочевым миром либо вовсе не отмечена в летописи, либо не выходит за рамки обычного для любого Рюриковича участия в антиполовецких коалициях и стычках с кочевниками. Не исключено, конечно, что кто-то из них (например, принадлежавший к

ветви Ольговичей Ярополк Ярославич) на самом деле соприкасался со степняками куда теснее, но в таком случае вся информация на этот счет остается нам недоступной.

Отметим, что большинство этих князей по имени *Ярополк* были фигурами для династии не первостепенными, что, с одной стороны, объясняет относительную скудость летописных данных, а с другой — делает менее вероятной наречение половецкого князя непосредственно в честь кого-либо из них. Существует, однако, еще один обладатель имени *Ярополк* — сын Мономаха, киевский князь Ярополк Владимирович, неоднократно сражавшийся с половцами и знавший громкие победы над превосходящими силами этих кочевников [ПСРЛ, I, 289, 295, 296, 304–305]. Его младшие братья Андрей и Юрий, как уже упоминалось, были женаты на половчанках. Все это в совокупности позволяло бы именно его представить как кандидата на роль антропонимического донора для Ярополка Томзаковича. Возникающие же при такой трактовке трудности с хронологией лишь на первый взгляд кажутся существенными.

В самом деле, Ярополка Владимировича не стало в 1139 г. Если предположить, что половецкий княжич был наречен непосредственно в честь этого Ярополка при его жизни, то в 1191 г. возраст его должен быть довольно почтенным. Следует думать, что ему перевалило за 50 лет, в чем не было бы, впрочем, решительно ничего невозможного — характер упоминания о нем в летописи подходит, как кажется, для взрослого и самостоятельного князя любого возраста.

Однако в поисках прототипа при наречении Ярополка Томзаковича прежде всего не следует забывать, что речь идет о появлении у половцев династического имени, которое русские князья наследовали в качестве мирского. Специфика заимствования здесь может существенно отличаться от той, что мы наблюдаем, например, при наречении Юрия Кончаковича или Даниила Кобяковича, — в чем именно могли бы заключаться такие отличия, нам еще предстоит обсудить далее.

Имя *Ярополк* в ряду династических имен Рюриковичей. — При всех сложностях в исследовании бытования имени *Ярополк* у половцев самый факт его появления в этой среде чрезвычайно важен для понимания общей картины русско-половецких антропонимических контактов. В самом деле, во всех русских источниках мы лишь единожды обнаруживаем у половецкого князя славянское двухосновное имя, и имя это принадлежит к числу династических имен Рюриковичей. Это обстоятельство подтверждает гипотезу о таком характере взаимодействия двух элит, когда имена заимствовались на строго определенном социальном уровне, от князей к князьям¹.

В то же время, казус Ярополка Томзаковича позволяет увидеть, что перенесение династического имени из одной традиции в другую заведомо могло происходить вне какой-либо связи с крещением кочевни-

¹ Быть может, несколько особняком стоит в этом отношении имя *Василий*. О нем подробнее см. ниже, гл. «*ВАСИЛИЙ*», с. 209–229.

ков. Действительно, имя *Ярополк* в династии Рюриковичей, в отличие от имен *Борис* и *Глеб*, никогда не выступало в качестве крестильного². Соответственно, его заимствование половцами подтверждает, что половецких властителей имена, заимствуемые из русской среды, привлекали, в первую очередь, как имена княжеские, престижные.

С другой стороны, не менее значимо, какое именно из мирских княжеских имен Рюриковичей проникает в мир половецкой элиты. Еще раз обратим внимание на то обстоятельство, что всего одно мирское династическое имя попало от Рюриковичей к половцам. Нам уже приходилось говорить о тенденции ревностного оберегания собственного антропонимического фонда со стороны русских князей в пределах самой Руси. Так, Рюриковичам неоднократно случалось, женись на новгородках, вступать в свойство со знатными боярскими родами. Однако мы практически не знаем примеров, чтобы княжеское династическое имя перешло в следующих поколениях к этим родственникам по женской линии. Иными словами, у русского князя как правило не могло быть племянников или троюродных братьев с именем *Мстислав*, *Всеволод* или *Владимир* вне собственно княжеской среды.

² Свидетельства почитания Ярополка Изяславича, внука Ярослава Мудрого, принадлежат эпохе, на несколько столетий более поздней, чем интересующее нас время, и при этом оно всегда носило местный характер [Голубинский 1903, 221]. Имя *Ярополк* не вносилось в месяцесловы вплоть до XIX столетия и в Древней Руси в качестве крестильного не использовалось (ср.: [Сергий, III, 665; II, 360]).

Тем не менее, в крепкой цепи «антропонимической обороны» находились отдельные слабые звенья — некоторые из мирских княжеских имен все же появляются на Руси у лиц, не принадлежащих по мужской линии к роду Рюриковичей. Знаменательным образом, к этим весьма немногочисленным «нарушениям» принадлежит и имя Ярополк. Более того, у нас есть возможность проследить, сколь исключительным должно было быть и положение семьи, в которой оно могло появиться, и те права, которых члены подобного семейства могли добиться во властной структуре.

Имя Ярополк на Руси за пределами княжеской династии. — Прежде всего необходимо отметить, что единственный для домонгольского времени случай наречения именем Ярополк не князя — довольно поздний, такой персонаж появляется в Ипатьевской летописи под 6717 и 6719 гг., при описании событий в Галиче [ПСРЛ, II, 728, 730]. В летописи он назван братом боярина Володислава, и если известия о самом Ярополке единичны, то брат его, по всей видимости, старший, гораздо лучше известен источнику. Кто же этот Володислав? Говоря о его происхождении, следует в первую очередь упомянуть, что в летописи он поименован *кормиличичь* [ПСРЛ, II, 724]. Очевидно, таким образом, что с наибольшей вероятностью он был сыном княжеского воспитателя (кормилица) или, возможно, княжеской кормилицы [Срезневский, I, 1405–1406]. *Кормиличичем*, в таком случае, являлся и его брат Ярополк. Соответственно, связь их с одной из семей Рюриковичей была более чем тес-

ной — кому-то из князей они приходились молочными братьями или, по крайней мере, росли с ними вместе как сыновья княжеского воспитателя.

Существенно, что овдовевшие русские княгини никогда не становились женами даже самых знатных из своих подданных, а соответственно, у молодых Рюриковичей не бывало единоутробных братьев в боярской среде [Литвина & Успенский 2010-а]. При таких условиях отношения «квазиродства» с сыновьями воспитателя или кормилицы могли (наряду с родством через брак) приобретать особый политический статус.

О том, насколько велика была близость подобных семей к семье княжеской в первой половине XIII в. в галицко-волинских землях, можно судить по специальному упоминанию, согласно которому вдове Романа Мстиславича с двумя малолетними детьми, Даниилом и Василько, удается бежать из Галича, лишь воспользовавшись помощью их дядьки и кормилицы³. Об активнейшем участии этих семей в политической жизни, в которую они, в свою очередь, вовлекали своих родственников и свойственников, может свидетельствовать и небезызвестный эпизод Ипатьевской летописи под 6739 г., когда Давыд Вышатич, один из двух бояр-военачальников, защищавших город Ярослав(ль), принимает решение об отказе от обороны, потому что так советует ему его тёща, «кормильчья

³ «Наоутрѣа же оувѣдавши княгини и свѣтъ створи . с Миславомъ и с дадькомъ . и на ночь бѣжаша в Лахы . Данила^ж возма дадька передъ са . изииде изъ града . Василка же Юрьи погъ с кормилицею возма . изииде дырею градною не вѣдахоу бо камо бѣжаше» [ПСРЛ, II, 718–719].

Нездиловаа» [ПСРЛ, II, 764–765]⁴. И, наконец, судьба Володислава, родного брата галицкого Ярополка, с небывалой яркостью демонстрирует, что в эпоху смуты

⁴ В свое время М. Грушевский отождествил кормильца Нездила с отцом интересующих нас Володислава и Ярополка, а заодно предположил, что упоминающийся здесь же Судислав также приходился им братом [Грушевский, III, 50]. Как кажется, и то, и другое утверждение (второе — в особенности) требуют дополнительной аргументации. В самом деле, отец Володислава и Ярополка не единственный княжеский воспитатель, упоминаемый в Галицко-Волынской летописи, здесь фигурируют, в частности, кормилица и дядька Даниила и Василько Романовичей, так что сказать наверняка, женой кого из кормильцев была теща Давыда Вышатица, довольно трудно, тем более что между гибелью Володислава и осадой города прошло уже немало времени. Правда, принимая во внимание ее политические пристрастия, она скорее и в самом деле могла быть матерью Володислава и Ярополка, нежели женой воспитателя Романовичей. Менее вероятным кажется, исходя из текста самого летописного свидетельства, что родным сыном ей приходился Судислав — представляется более правдоподобным, что родство между ними было не столь прямым. Он мог быть, например, племянником или другим кровным родственником ее мужа Нездила. Во всяком случае, Судислав и Володислав, как правило, действовали заодно, но никогда (в отличие от Володислава и Ярополка) они не характеризовались как братья.

Мы обращаем такое внимание на фигуру Судислава еще и потому, что, хотя его имя нельзя назвать в полной мере династическим, один раз в роду Рюриковичей оно все же употреблялось — так звали одного из братьев Ярослава Мудрого. Со смертью же этого Рюриковича, большую часть своей жизни проведенного в заточении, имя *Судислав* в династии не использовалось. Здесь мы наблюдаем, таким образом, своеобразный переход антропонима из княжеской среды в боярскую.

статус кормиличича был лишь на одну ступень ниже княжеского и даже мог неожиданным и нелегитимным способом с ним уравниваться.

Как известно, Володислав на короткое время сумел заполучить галицкий стол, на котором впервые, таким образом, сел местный «князь» не-Рюрикович. Династия, разумеется, принять такого положения дел не могла, однако форма этого неприятия, судя по Галицко-Волынской летописи, оказалась весьма своеобразной — после свержения и гибели узурпатора его дети утрачивают те права, которые принадлежали им по рождению и очевидно были бы за ними сохранены и после смерти отца, не претендуя он на княжение⁵.

Такова была боярская семья, в которой появляется русское княжеское имя *Ярополк*: один из сыновей, не будучи Рюриковичем, заполучил их княжеский стол, а другой — принадлежащее Рюриковичам родовое династическое имя. Исследователями предполагается, что их отец был воспитателем (кормильцем) Владимира

⁵ «...и а Володислава . в Галичи заточи и . и в томъ заточеньи оумре . нашедъ зло племени своемуу . и дѣтемъ своимъ . княжения дѣла . вси бо князи не призрахоу дѣтии его» [ПСРЛ, II, 718–719]. Становится ясно, таким образом, что, оставаясь детьми кормиличича, они бы во всяком случае имели бы право на покровительство кого-либо из Рюриковичей, подобное тому, каким пользовался в свое время их отец, изгнанный Романом Мстиславичем из Галича: «...и приведоша кормиличича . иже бѣ загналъ великѣи кнѣзь Романъ . невѣрѣ ради . славахоу бо Игоревича . послушав же ихъ Галичкѣи бояре . и послаша по нихъ и посадиша и в Галичѣ Володимера . а Романа во Звенигородѣ» [ПСРЛ, II, 718].

Ярославича Галицкого⁶. Само по себе это вполне вероятно, учитывая связи Володислава с детьми Игоря Святославича, который приходился Владимиру не только зятем (мужем сестры), но и самым надежным союзником во времена его конфликта с отцом, Ярославом Осмомыслом. С тем же успехом, впрочем, отец Володислава и Ярополк мог быть воспитателем детей Владимира Галицкого и его соратником.

Для нас же наиболее существенно, пожалуй, что ни в семейной линии Ярослава Осмомысла, ни в новгород-северской линии Игоря имени *Ярополк* не было. Таким образом, имя сына княжеского воспитателя (или княжеской кормилицы) выбирается по несколько иному принципу, чем оно подбиралось бы для урожденного Рюриковича. В случае с княжичем одним из основных средств демонстрации его будущих властных привилегий являлось наречение в честь прямых умерших предков, преимущественно по мужской линии (гораздо реже именами ближайших собственников отца)⁷ — повтор имени иконически подчеркивал преемственность и легитимность его власти на этой земле. О передаче же власти от Рюриковичей кормиличичам в момент наречения ребёнка речи, разумеется, не шло, а потому он и не получает семейного имени галицких князей или их собственников — имя *Ярополк*, выбранное для ребенка, манифестирует не-

⁶ Первым эту гипотезу выдвинул, как кажется, М. Грушевский [Грушевский, III, 50].

⁷ Для ближайших собственников галицких князей это имя, по-видимому, также не принадлежало к числу изблюбленных.

бывало высокую степень связанности с княжеским родом вообще⁸.

Необходимо напомнить, однако, что институт княжеских воспитателей (дядек и кормильцев) известен на Руси с древности⁹, но вплоть до конца XII столетия летопись не отмечает, чтобы кто-нибудь из членов их семей носил княжеские мирские имена. Разумеется, одной из причин такого новшества могла стать своеобразная и крайне неустойчивая система преемственности власти в Галиче конца XII — начала XIII в., в рамках которой происходило нетрадиционное возвышение княжеских воспитателей.

⁸ Сидящим в Галиче князьям поневоле приходилось владеть подобными тонкими технологиями в области имянаречения, тесно связанной с передачей власти. Так, Ярослав Осмомысл сыну, рожденному в законном браке с дочерью Юрия Долгорукого, дает, в полном соответствии с традицией, «дедне имя» (имя собственного отца) *Владимир*. Своего же любимого внебрачного сына он также нарекает династическим именем, но не имеющим отношения к его собственной семье, — тот стал *Олегом*. Существенно позже, когда на галицком столе сидят уже потомки Романа Мстиславича, один из внуков Романа, Владимир Василькович, берет на воспитание приемную дочь, которая получает имя *Изяслава*. Набор женских княжеских имен известен куда хуже, чем мужских, однако обращает на себя внимание, что прежде такого женского имени мы не обнаруживаем ни в самой династии, ни за ее пределами. Весьма вероятно поэтому, что данное имя было сконструировано как парное к имени *Изяслав*. При этом среди близкой родни и ближайших предков Владимира Васильковича *Изяславов* не было, так звали лишь его прапрадеда, киевского князя Изяслава Мстиславича.

⁹ См., в частности: [Пресняков 1908; Гарданов 1959; Гарданов 1962; Щавелева 1986].

С другой стороны, не менее важную роль в появлении имени *Ярополк* у кормиличича могла играть и определенная маргинализация этого антропонима в династическом именовании. В самом деле, будучи одним из древнейших княжеских имен, с середины XII столетия оно постепенно начинает терять свою популярность. Во всяком случае, среди князей, действовавших в первые десятилетия XIII в. (время, на которое приходится активность нашего кормиличича *Ярополка*), в летописи упоминается лишь один князь *Ярополк* — *Ярополк Ярославич*, внук Всеволода Ольговича и правнук Олега Святославича. Когда это имя выбиралось для кормиличича, почти наверняка был жив и другой *Ярополк*, *Ярополк Ростиславич*, но в целом это имя, прежде столь распространенное, на глазах выходило из употребления в династии. Иными словами, новорожденному квазиродственнику досталось то, что все меньше приобщалось самим Рюриковичам.

Как уже упоминалось в нашем исследовании, появление имени *Ярополк* за пределами рода Рюриковичей — это хотя и весьма редкий, но не единственный пример использования на Руси княжеского имени в не княжеской среде. В этом отношении весьма интересна судьба еще одного мирского антропонима, содержащего элемент *-полк* и также оказавшегося своего рода слабым звеном династической системы имянаречения. Мы имеем в виду древнее славянское имя *Святополк*, первым обладателем которого в династии Рюриковичей стал не кто иной, как *Святополк Окаянный*. Летопись приписывает ему, как известно, рождение от двух отцов, *Ярополка* и *Владимира Святославичей*. Поначалу судьба этого имени в ди-

настии способна, скорее, продемонстрировать относительную независимость родовой традиции имянаречения от событий, связанных с христианской жизнью рода. Попросту говоря, становление культа свв. Бориса и Глеба, в чьей смерти агиографическая традиция обвиняла Святополка, первое время не мешало одновременному использованию в династии как имен мучеников, так и имени их возможного убийцы¹⁰.

Имя *Святополк*, как известно, получил внук Ярослава Мудрого, Святополк Изяславич, сын с таким именем был и у Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха. В целом, однако, число *Святополков* в русской династии совсем невелико, с середины XII столетия мы обнаруживаем только одного носителя этого имени, который приходился правнуком и тезкой Святополку Изяславичу, будучи сыном Юрия Ярославича Туровского. Очевидно, что со временем имя *Святополк* уходит из династии не без влияния церковно-агиографической традиции.

Любопытно, с другой стороны, что на всем протяжении своего существования оно тесно связано с именем *Ярополк* — у всех трех Святополков, рожденных после Святополка Окаянного было по брату с именем *Ярополк* [Литвина & Успенский 2006, 50–51]. Не исключено, таким образом, что и постепенное исчезновение имени *Ярополк* из династического обихода было в определенной степени связано с именем *Святополк* — последнее как бы отбрасывало тень негативных коннотаций на первое.

Как и некоторые другие антропонимы, терявшие популярность у князей, имя *Святополк* было подхвачено в боярской среде, и в очередной раз речь идет именно о галицком боярстве, приближенных княжеской семьи,

¹⁰ См. подробнее: [Поппэ 1973, 9–10; Поппэ 1995, 59–68].

активно действовавших в пользу князя в его отсутствие. В Ипатьевской летописи под 6681 г. упоминается некий Святополк из Галича, который шлёт Владимиру Ярославичу и его матери, бежавшим из города, следующие известия: «...а княза ти имемъ <...> поѣдь страпать . ꙗко ти есмы ѿли и приѣтели его . Чаргову чадь избилъ а се твои ворогъ» [ПСРЛ, II, 564]. В ту пору жив был еще последний обладатель имени *Святополк* в княжеской династии, Святополк Юрьевич, шурин Рюрика Ростиславича, однако более никто из княжеских детей, насколько мы можем судить по источникам, *Святополком* не нарекался ни в ту пору, ни позже.

Существуют и другие — весьма своеобразные — траектории перехода династического имени в некняжескую среду. Под 6700 г., в частности, в Ипатьевской летописи фигурирует некий человек по имени *Рогволод*, очевидным образом, приближенный молодого князя Ростислава Рюриковича: «...и посла Ростиславъ Рогъволода ко ꙗко . просаса с Черными Клобоуки на Половци . и не поуси его ꙗко» [ПСРЛ, II, 674]. Более никаких сведений об этом Рогволоде у нас нет, но все же имеются все основания полагать, что князем он не был. Можно допустить, что его особая близость к Ростиславу и участие в деликатном деле внутрисемейных переговоров объясняется тем, что он, подобно интересующим нас галичанам, был кормиличичем и попросту вырос вместе с князем.

Это тем более вероятно, если вспомнить, насколько Ростислав Рюрикович любил в своих смелых военных предприятиях кооперироваться с людьми своего поколения, например с кузеном, Мстиславом Мстиславичем Удатным, который в детстве, возможно, жил в его семье

[Литвина & Успенский 2006, 296–314]. К мысли об особом статусе Рогволода подталкивает и эпизод, изложенный в Ипатьевской летописи под 6797 г., когда другой князь, Лев Данилович, в крайне щекотливой ситуации внутрисемейного противостояния отправляет к своему сыну некоего Семена, который в тексте именуется *дядьковичем* (т. е. сыном воспитателя, *дядьки*) князя Льва [ПСРЛ, II, 930]. Вероятно, кормиличичи и дядьковичи на правах квазиродственников могли наделяться, наряду с родичами кровными и духовными лицами, миссией «уговаривания» того иного члена княжеской семьи. Повторимся, однако, что проверить догадку, что Рогволод был сыном княжеского воспитателя (равно как и любую другую гипотезу о его происхождении), решительно невозможно.

Несомненно при этом, что имени *Рогволод* в линии Ростислава и его отца, Рюрика Ростиславича, никогда не встречалось. В династии оно употреблялось только полоцкими князьями, а с середины XII в. и вовсе выпало из княжеского обихода. Таким образом, в данном случае не княжеское имянаречение, несмотря на тождество антропонимических единиц, в любом случае не дублирует княжеское — антропоним «подхватывается» княжеским окружением в ту пору, когда в обиходе самих Рюриковичей он утрачивается.

Не исключено, помимо всего прочего, что судьба имени *Рогволод* (< сканд. *Ragnvaldr*) своеобразна еще и потому, что уже на ранних этапах династической истории оно не было исключительно принадлежностью рода Рюриковичей. Напомним прежде всего, что в полоцкую ветвь оно пришло по женской линии: так звали отца Рогнеды, ставшей женой Владимира Святого и прародительницей всех князей, правивших на Руси к середине

XI в. Мужского потомства этот Рогволод, пришедший «и-заморья», не оставил, по крайней мере, летописец подчеркивает, что его сыновья были умерщвлены вместе с ним. Однако на Русь довольно рано попадают и другие скандинавы, обладатели имени *Ragnvaldr*. Самым известным из них был ярл Рёгнвальд Старый, родич жены Ярослава Мудрого, получивший, согласно скандинавским источникам, во владение Ладогу. Вполне вероятно, что значительная часть верхушки новгородского боярства и, в частности, линия бояр Роговичей были его потомками¹¹.

Если эта генеалогическая реконструкция верна, то к потомству Рёгнвальда принадлежали и две знатные новгородки, в разное время ставшие женами Рюриковичей. Быть может, и тот Рогволод, которого на исходе XII столетия Ростислав Рюрикович отправляет к своему отцу, был потомком какой-либо из ветвей этого обширного клана. Характерно, однако, что появление в этой среде имени прославленного предка фиксируется лишь в ту пору, когда в княжеской династии оно перестает использоваться.

Общие замечания. — В целом судьба имени *Ярополк* демонстрирует, насколько на Руси был сложен механизм проникновения княжеского имени в не княжескую среду, и, с другой стороны, сколь немалым семиотическим весом обладал каждый случай подобного проникновения. Рискнем предположить, что и в случае русско-половецкого взаимодействия за

¹¹ См. подробнее: [Молчанов 1997; Гиппиус 2003; Гиппиус 2006]; ср. также: [Литвина & Успенский 2006, 358–362].

появлением у кочевников этого русского княжеского имени могло стоять нечто большее, чем, например, отношения свойства. Не исключено, в частности, что свойство подкреплялось и поддерживалось какими-то дополнительными факторами, такими, например, как побратимство.

Вместе с тем, если это имя было дано половцу с согласия или при участии русских князей, то, как и в случае с кормиличичами, оно, вероятнее всего, не было семейным именем тех Рюриковичей, которые имели отношение к этому акту имянаречения. Скорее всего, оно апеллировало к некоему обобщенному родовому прототипу. Иначе говоря, Ярополк Томзакович вовсе не обязательно должен был появиться на свет в первой половине XII столетия, он мог родиться и позже (примерно в ту же пору, что и галицкий боярин, его тёзка), когда это имя уже утрачивало непосредственную популярность в русской княжеской среде, но зато ассоциировалось со славными прошлым, временами сыновей и кузенов Владимира Мономаха.

ВАСИЛИЙ

(Упоминание Василия Половчина: нарративный контекст и антропонимический конвой. — Половец ли Половчин? — Имя Василий в ряду династических имен Рюриковичей. — Версия половецкого происхождения посла Василия. — Общие замечания.)

Упоминание Василия Половчина: нарративный контекст и антропонимический конвой. — Первый по времени случай появления в русских летописях христианского имени у человека, связанного с половецким миром, является одновременно и одним из самых неоднозначных в истолковании. Неоднозначность эта тем более существенна, что до сих пор она ускользала от внимания исследователей, хотя главный герой этого сюжета регулярно упоминается в работах, так или иначе затрагивающих тему русско-половецких контактов. Помимо всего прочего, эпизод, в котором появляется загадочный обладатель этого христианского имени, в хронологической сетке летописного повествования довольно далеко отстоит от тех времен, когда мы обнаруживаем в тексте целую плеяду половцев с русскими княжескими именами — Даниила, Романа, Глеба...

Рассуждая о единичном случае фиксации антропонимического сочетания *Василий Половчин*, мы погру-

жаемся в совсем иную эпоху, во времена княжеской усобицы второй половины 40-х — 50-х годов XII в., когда на политической сцене активно действуют Рюриковичи — первые отпрыски русско-половецких браков. Не в меньшей степени нас будет интересовать и период предшествующий, то время, когда для этих князей и их степных сверстников лишь выбирались династические имена, а отчасти и еще более раннее время, когда тесное взаимодействие Руси и половцев только начиналось.

В Ипатьевской летописи под 6655 г. мы находим рассказ о соединении князя Святослава Ольговича (отца Игоря-Георгия Новгород-Северского) со своими половецкими родственниками и союзниками, несколько отличающийся по своей риторической установке от других нарративов, повествующих о взаимоотношениях русских князей с кочевниками. Летописец выступает здесь как очевидец (или, во всяком случае, он достаточно хорошо осведомлен, чтобы имитировать позицию очевидца) союзнических переговоров князя со степняками и достаточно детализировано излагает, как их результаты воплощаются в жизнь. В целом данный летописный отрывок содержит весьма интересный и при этом достаточно трудный для интерпретации антропонимический материал:

Стѣславъ же пришедъ ста оу Нериньска . и тогда
придоша к немуо сли ис Половецъ . ѿ оуевъ его . съ Ва-
силемъ Половциномъ . ꙗко чадѣ прислалиса бахоутъ тако
рекоуче прашаемъ здоровья твоего . а коли ны велишь
к собѣ со силою прити В то же верема прибѣгоша из

Роуси дѣцкы . и повѣдаша мою Володимира в Черниговѣ а Изаслава оу Стародоубѣ . Стославъ же приде къ Дѣдославлю . и тоу придоша к немуо друзии Половцѣ . Токсобичи и пристави к нимъ Соудимира Коучебича . и Горѣна <...> В то же верема . придоша к не^м Бродничи . и Половци придоша к немуо мнози . оуеве его [ПСРЛ, II, 341–342].

Для нас прежде всего важен упоминающийся здесь Василий Половчин, обычно характеризуемый исследователями и комментаторами как посол. При этом нельзя не принимать во внимание, что в данном летописном фрагменте мы обнаруживаем сразу нескольких людей, которые, судя по способу их именования, могут принадлежать как к русскому, так и к кочевому миру, или к ним обоим одновременно, выполняя роль своеобразных посредников. Помимо уже названного Василия, это — Судимир Кучебич и некий Горен.

Дело осложняется тем, что определение статуса этих лиц связано с интерпретацией их именования, а эта интерпретация, в свою очередь, поневоле должна опираться на установление их статуса. Так или иначе, самый контекст упоминания такого имени, как *Судимир Кучебич*, представляется нам весьма значимым, поскольку здесь лицо с отчетливо идентифицируемым славянским и потенциально тюркским патронимом¹

¹ Вообще говоря, половецкое происхождение имени, от которого этот патроним образован, вполне вероятно, но отнюдь не бесспорно. Его этимология нуждается в дополнительном рассмотрении, учитывающем, в частности, гидронимику Владимирской и Ростовской земель.

облекается полномочиями именно с русской стороны — он распоряжается по поручению Святослава Ольговича действиями и перемещениями тех половецких союзников князя, которые, по-видимому, не находят-ся со Святославом в близком кровном родстве². Ины-

² Не исключено, разумеется, что связь с этой группировкой кочевников была приобретена Святославом благодаря его собственному браку с половчанкой, внучкой Гиргеня, состоявшемся еще в 1107 г. Собственно говоря, в древнейших летописных сводах напрямую не сообщается, кого из сыновей Олег Святославич женил тогда на половецкой княжне, но по мнению большинства исследователей это был Святослав Ольгович, хотя кандидатура Игоря, его старшего брата, также не стоит, на наш взгляд, отвергать безоговорочно. Так или иначе, последствия данного матримониального союза в биографии Святослава куда менее заметны, чем результаты тех кровных уз с половцами, которые ему достались от матери-половчанки. Это и не удивительно, поскольку Святослав к 1136 г. овдовел и женился в Новгороде вторично [ПСРЛ, III, 24, 209], причем все известные нам сыновья этого князя скорее всего были рождены именно в этом втором, «неполовецком», браке. Некоторые сомнения вызывает лишь материнская генеалогия самого старшего из них, Олега (он вступил в брак в 1150 г. [ПСРЛ, II, 394]), но и он, судя по всему, происходил от новгородки. Во всяком случае, именно эта, пережившая Святослава Ольговича, супруга весьма горячо пыталась отстаивать интересы Олега Святославича после кончины его отца [ПСРЛ, II, 522–523], да и время его женитьбы ничем не противоречит утверждению о том, что он родился от брака, заключенного в Новгороде. Тем не менее, прежний союз Святослава Ольговича с половчанкой мог не забываться полностью, в особенности если потомство от него все же имелось. Напомним, что в самом начале 1149 г. Святослав выдает дочь за Романа Ростиславича Смоленского [ПСРЛ, II, 368], не исключено, что она-то, в отличие от братьев, была рождена как раз в первом, «половецком», браке своего отца.

ми словами, по структуре его именованию, возможно, сходно с именованием пресловутого Ярополка Томзаквича (двусоставное славянское имя + патронимическое образование с тюркской основой). Мы видели, однако, что Ярополк Томзаквич действует как независимый половецкий князь, тогда как Судимир Кучебич занимает положение хотя и немаловажное, но заведомо подчиненное.

Каково бы ни было его происхождение, весьма существенно, что его славянский по происхождению антропоним, *Судимир*, отнюдь не принадлежит к княжескому именослову, но зато встречается в ономастике новгородской знати³, т. е. перед нами имя не княжеское, но элитарное. Таким образом, налицо полное соответствие между статусом антропонима и статусом его обладателя, который осуществляет функции, приличествующие боярину или другому весьма влиятельному лицу.

Половец ли Половчин? — Фигура же интересующего нас в первую очередь Василия Половчина в этом отношении еще более загадочна. Необходимо сразу же подчеркнуть, что отэтнонимическое прозвище как таковое в Средние века отнюдь не являлось однозначным указанием на принадлежность человека к данному этносу⁴. В принципе Василий мог быть не-по-

³ Боярин с таким именем действует в Новгороде в 20-х — 30-х годах XIII столетия [ПСРЛ, III, 65, 67, 74, 270, 273, 285].

⁴ Такое явление, как именование представителя собственного народа с помощью «чужого» этнонима, вообще говоря, достаточно универсально. Весьма характерна в этом отношении

ловцем, которого связывали с кочевым миром узы, так сказать, профессиональные, например, торговые, переводческие или посреднические, ведь о нем, в отличие от уже упоминавшегося Лавра / Овлура, помощника князя Игоря, не сказано, что он «родомъ Половчинъ».

Неясность порождается еще и тем, что указание летописного текста на роль Василия при визите половцев к князю не вполне однозначно. Был ли Василий Половчин членом посольства или, подобно Судимиру Кучебичу, только сопровождал его с русской стороны («придоша к немоу сли ис Половецъ . ѿ оуевъ его . съ Василемъ Половциномъ . ꙗко чадѣ прислалиса бахоуть тако рекоуче...»)?

На наш взгляд, речь здесь идет, скорее, о представительском посольстве кочевников (и притом — весьма многочисленном), в котором Василий выступает как своеобразный глава делегации⁵. Так или иначе, знатность его происхождения достаточно очевидна, и если он по рождению — половец, то вновь, как и в слу-

формулировка немецкого источника XVI в.: «купцы и наемные солдаты получают прозвища согласно названиям обитателей тех мест или стран, где они чаще всего торгуют и бывают» [Назаренко 1984, 96]. Обращаясь же к интересующей нас эпохе, достаточно вспомнить, например, Олисея Гречина, который, судя по всему, был отнюдь не греком, а новгородцем [Гиппиус 2005], или Гудлейка Русского / Греческого (Gerzki / Girzki), который не был ни русским, ни греком, но норвежским купцом, торговавшим на пути из варяг в греки [Ф. Б. Успенский 2002, 303–308].

⁵ О половецких уях Святослава Ольговича ср. ниже в данной главе, с. 224–226.

чае с другими обладателями христианских имен среди степняков, возникает вопрос, каким образом это христианское имя могло ему достаться.

Имя *Василий* в ряду династических имен Рюриковичей. — Роль данного антропонима в истории династии русских князей трудно преувеличить — именно с него, как известно, начинается полноценная христианская жизнь рода, так как его принял в крещении Владимир Святославич, князь, который, не будучи первым христианином среди своих родичей, крестил подвластную ему страну и сделал христианство религией всех своих потомков. Обратим внимание, что имя *Василий* (*Василь*, *Василько*), стало фигурировать в роду Рюриковичей в качестве единственного, совместившего в себе функции родового и крестильного, еще прежде, нежели *Георгий* (*Юрий*), и лишь немногим позже, чем *Давид* и *Роман*.

Первым из князей, упоминающихся в летописи исключительно под этим именованием, был Василько Ростиславич Теробовльский. Как известно, он принадлежал к числу тех Рюриковичей, которые достаточно рано научились использовать половецкие силы для своих собственных надобностей. Во всяком случае, еще в 1092 г., в ту пору, когда кочевники особенно много воевали по обеим сторонам Днепра и, по свидетельству летописи, захватили три русских города, именно этому князю удалось отправиться вместе с ними в поход на Польшу [ПСРЛ, I, 215; II, 206].

К этому времени или немногим ранее уже несколько ветвей потомков Ярослава Мудрого с большим или

меньшим успехом пытались заключать военные союзы с половцами, при этом соотношение сил в династии было еще заметно иным, нежели в начале XII столетия. Некоторые из старших правнуков и младших внуков Ярослава, кому в дальнейшем не удалось закрепить существенные властные преимущества за собой и своими детьми, еще весьма активно стремились это сделать, используя небезопасную энергию степных кланов. В именах же самих этих князей запечатлелись попытки их отцов актуализировать христианскую историю рода в целом и подчеркнуть причастность к ней собственной семьи — в качестве династических они получили имена князей-мучеников Бориса-Романа, Глеба-Давида и их отца Владимира-Василия.

Выражаясь обобщенно, можно сказать, что наш Василько Ростиславич, его злейший противник Давыд Игоревич (также весьма тесно сотрудничавший с половцами [ПСРЛ, I, 270–271]) и Роман Святославич, который погиб от рук своих недавних кочевых союзников [ПСРЛ, I, 204; II, 195–196; III, 201], были, по сути дела, первыми Рюриковичами, благодаря которым в половецкой родовой памяти христианские имена отпечатались в качестве русских династических. Более того, поскольку для половцев столь тесное взаимодействие с русскими князьями лишь начиналось в последней трети XI в., как раз в ту пору, когда христианские антропонимы у Рюриковичей уже могли фигурировать в качестве единственных, то для этих кочевников подобные династические имена, как уже говорилось, отнюдь не были «хуже», новее и непривычнее, чем те мирские имена князей, которые были языческими по

происхождению. Едва ли в их глазах статус имени *Роман* или *Василько* чем-либо уступал статусу имен *Олег* или *Игорь* — для подобной дифференциации у них попросту не было оснований, поскольку обладатели всех этих антропонимов в равной степени могли оказаться их собственниками, «нанимателями» и, разумеется, врагами.

Летопись не сохранила никаких данных ни о том, кем была жена теребовльского князя, ни на ком именно были женаты его родные братья, а потому мы не можем сказать, пользовался ли Василько Ростиславич поддержкой половцев в силу каких-то матримониальных связей с ними. Столь же мало известно о матримониальной ситуации Давыда Игоревича, хотя его жена упомянута в летописи [ПСРЛ, I, 270; II, 245]⁶. О

⁶ Единственный известный о ней факт — это упоминание о том, что Давыд, придя из Польши и отправляясь к половцам, оставил княгиню у Володаря Ростиславича. На этом основании В. Н. Татищев, а вслед за ним и некоторые другие историки, делают довольно неожиданный вывод, согласно которому жена Давыда являлась сестрой Володаря и называют ее «Ростиславной». Такая реконструкция представляется нам более чем произвольной хотя бы потому, что Давыд Игоревич оказался бы в таком случае женат на своей кровной родственнице в 5-й — запретной для брака — степени, чего у Рюриковичей, насколько мы можем судить по достоверным свидетельствам об их внутрисемейной матримониальной жизни, не случалось вовсе (подробнее об этом см.: [Литвина & Успенский 2012]). Тем не менее, тот факт, что Давыд перед поездкой в половцы оставляет свою жену у Ростиславичей, отношения с которыми у него до сих пор были достаточно конфликтными, сам по себе довольно любопытен и нуждается в объяснении. Весьма вероятно, что перед нами если и не полноценный акт заложничества, то не-

жене же и детях Романа Святославича сведения и вовсе отсутствуют. Во всяком случае, поддержка, которую кочевники оказывали всем этим князьям, если судить по летописям, не была столь устойчивой и неизменной, как та, что они предоставляли, скажем, Святославу Ольговичу, рожденному от брака с половчанкой.

За Василько Ростиславичем последовала целая череда его тезок Рюриковичей, для которых имя *Василий* было единственным, — в первой трети XII в. они еще не столь многочисленны⁷, однако буквально на глазах это имя становится одним из самых популярных в роду. При этом в династии оно продолжало даваться, как уже говорилось, и в качестве крестильного наряду с мирским. Именно так, в частности, был наречен один из самых известных современников тере-

что весьма его напоминающее — находясь у Володаря, княгиня служила живой гарантией того, что Давыд, соединившись с половцами, не будет направлять свои усилия на новую войну с Ростиславичами (примерно в таком духе оценивал ситуацию еще Н. М. Карамзин, излагая эти события в своей «Истории» [Карамзин, I, 77, шестая глава второго тома]). С другой стороны, не исключено, что жена Давыда могла быть как-то связана с семьей Володаря, она могла быть, например, родственницей супруги этого князя. Простор для такого рода реконструкций достаточно велик, и наименее вероятной из них является как раз та, согласно которой Володарь был шурином Давыда Игоревича.

⁷ К интересующему нас времени половецкого посольства имя *Василий* в качестве единственного носили, например, Василько, сын Юрия Долгорукого, и один из представителей половецкого дома, Василий Рогволодич. Кроме того, так звался погибший в 1136 г. Василько Леонович, сын «царевича» Леона и Марицы, дочери Мономаха.

бовльского князя, его двоюродный дядя, Владимир-Василий Мономах, как никто другой прославившийся победами над половцами и в разное время женившийся на половчанках двух своих сыновей.

Необходимо еще раз подчеркнуть, однако, что использование имени *Василий* в домонгольскую эпоху не ограничивалось кругом Рюриковичей — ко времени появления на исторической сцене нашего Василия Половчина мы знаем уже несколько его русских тёзок некняжеского происхождения, фигурирующих под этим именем в различных текстах⁸. Таким образом, мы должны постоянно учитывать по крайней мере две возможности: оно могло использоваться собственно половецкой элитой, и, с другой стороны, его обладатель вполне мог быть представителем русского княжеского окружения, а отнюдь не наследником власти князей половецких.

Версия половецкого происхождения посла Василия. — Строя гипотезы о том, какими путями имя *Василий* могло проникнуть в половецкую среду, стоит, как кажется, вспомнить о тех довольно далеко отстоящих от 1147 г. событиях, в результате которых один из Ольговичей, скорее всего сам Святослав, оказался женат на половецкой княжне. Этот брак

⁸ Любопытно, что одному из этих Василиев, уже упоминавшемуся в нашей работе, доводилось играть роль посла и посредника между двумя князьями Рюриковичами, Василько и Давыдом. При этом сам он к княжескому роду не принадлежал, судя по всему, был духовным лицом и одним из составителей летописи.

увенчал собой сложные, многосторонние переговоры, в которых с русской стороны участвовали, помимо Олега Святославича (отца Святослава), его родной брат Давыд Святославич и брат двоюродный — Владимир Мономах, причем междинастических матримониальных союзов было заключено сразу два одновременно:

томъ^ж лѣ^т . мѣ^сца . того^ж . иде Володимеръ . и Дѣдъ . и
 Шлегъ . къ Аепѣ . и <ко> другому Аепѣ . и створиша
 миръ . и поа Володимеръ за Юрга . Аепину дщерь .
 Всеневу внуку . а Шлегъ поа за сѣа . Аепину дщерь .
 Гиргеневу внуку . мѣ^сца генва^б . вѣ . днѣ [ПСРЛ, I, 282–283].

Как следует из текста, с половецкой стороны в переговорах также участвовали главы нескольких кланов. Характерно, что между двумя из них летописец целенаправленно проводит дифференциацию, дабы не произошло смешение тезок («...къ Аепѣ . и <ко> другому Аепѣ...»).

Как уже отмечалось исследователями, не исключено, что несколько позднее брак с половчанкой для своего сына Изяслава заключил и третий князь, участвовавший в переговорах, — Давыд Святославич. В пользу такого допущения свидетельствует целый ряд деталей княжеской биографии Изяслава Давыдовича.

Во-первых, он неоднократно пользовался поддержкой половцев в борьбе за киевский стол. Во-вторых, и это, пожалуй, еще более существенно, после одной из битв Изяслав имел возможность выручать из половецкого плена своих недавних противников — князя Святослава Всеволодича и многих русских дружинников, заодно не выдавая половцам тех, кому удалось самосто-

ательно от них ускользнуть. Летопись подчеркивает, что он действовал таким образом вместе со своей женой — уточнение само по себе довольно необычное для нашего источника: «Изаславъ же съ женою своею . выручиста Стослава в Половецъ . и инѣхъ Руской дружины . многы^х выручиста . и многы^м добро издаваста . аче кто оу Половецъ оутечашеть . оу городъ . а тѣхъ не выдавашеть» [ПСРЛ, II, 475–476]. По-видимому, дело обстояло так, что союзнические обязательства Изяслава по отношению к кочевникам в целом не позволяли, чтобы он препятствовал захвату ими военной добычи, но он старался — отчасти вопреки этим обязательствам, отчасти путем каких-то переговоров или уплаты выкупа — помочь своим кровным родичам и соотечественникам. Половцы, судя по всему, относились к подобным действиям князя вполне терпимо, что лишь усиливает вероятность того, что действовавшая заодно с мужем княгиня была их соплеменницей.

И, наконец, в-третьих, описывая последнее, роковое для князя сражение за Киев, в котором Изяславу Давыдовичу суждено было погибнуть, летописец отмечает в его переговорах с кузеном следующую реплику: «...в Половци не могу ити а оу Выри не могу голодомъ мерети . а лѣпле хочю сде оумерети» [ПСРЛ, II, 517]. Здесь необходимо отметить, что риторическая прагматика подобных лапидарных высказываний правителя (вне зависимости от того, были ли они произнесены в действительности или вкладывались летописцем в уста своих персонажей) была такова, что в них декларировалась невозможность отъезда именно туда, где у данного князя существовали союзники и близкие свойственники — те, к чьей помощи он предсказуемо мог обратиться. Так,

в свое время другой Изяслав, сын Мстислава Великого и внук Владимира Мономаха, выдавший младшую сестру замуж за венгерского короля, ставший сватом короля польского и весьма охотно и многократно пользовавшийся активной военной поддержкой этих свойственников⁹, заявлял, согласно летописи: «...мне вѣчины нѣту в Вутрѣхъ . ни в Ласѣ^х токмо в Русѣи земли а проси ми оу вѣца Погорины» [ПСРЛ, I, 329]. Иными словами, в речениях подобного рода больше конкретики, чем может показаться на первый взгляд, — князь отрекается от того, в чем его легко заподозрить (в том числе в силу его семейных связей).

Все эти данные в совокупности, разумеется, не позволяют безапелляционно утверждать, что женой Изяслава Давыдовича была половчанка, но они значительно повышают правдоподобность этого предположения, тем более что никакими сведениями относительно брака князя с кем-либо из русских княжон и связях, возникающих благодаря таким матримониальным союзам, мы не располагаем.

В целом этот мирный договор был событием весьма масштабным, которое завершало целую серию войн и конфликтов русских с половцами. Ему предшествовали, в частности, победа русских у Лубна, убийства половецких пленников и гостивших при дворе Владимира Мономаха Китана и Итларя, а также распря самих Рюриковичей, обязанная своим возникновением

⁹ Ср., например: «Изаславъ же <...> поча са слати въ Оутры . къ затю своему королеви . и в Лახы . къ свату своему . Болеславу и Межцѣ . и Индриховѣ . и къ Ческомуоу кнзю сватоу своему . Володиславѣ . проса оу нихъ помочи» [ПСРЛ, II, 384].

различию в подходах князей к союзам с кочевниками. В такой ситуации стремление заключить сколько-нибудь надежный мир могло воплощаться не только в династических браках, но и в наречении детей знатных половцев, участников переговорного процесса. Это закрепление могло образовывать сложные перекрещивающиеся линии, иконически знаменующие замирение «всех со всеми». Тогда-то и могло появиться у половцев имя *Василий* — условно говоря, кого-то из детей клана, породнившегося с Олегом, могли назвать крестильным именем его двоюродного брата, Владимира-Василия Мономаха, женившего сына на представительнице другого клана.

Разумеется, подобные политико-ономастические ходы могли быть устроены и по несколько иным схемам. Имя *Василий* мог получить и кто-то из детей половецких сватов Владимира-Василия Мономаха, и лишь впоследствии, например, после смерти главы клана, Аепы Осенева, эти его родичи могли присоединиться к кочевникам, сотрудничавшим с потомками Олега.

Строго говоря, нельзя исключить такой возможности, что Василий попросту был кузеном (двоюродным или троюродным братом) Святослава Ольговича с материнской стороны, т. е. сыном кого-либо из половецких дядьев Святослава, присутствовавших на свадьбе племянника в 1107 г. Это последнее допущение хорошо укладывается в логику переговорного процесса Святослава Ольговича с кочевниками, которая представлена в летописи. В самом деле, нетрудно представить, что сначала ко двору русского князя с большим

представительным посольством является его кузен, а на следующем этапе на сцену во главе крупных военных объединений выступают родичи старшего поколения — «дикие» дядя Святослава¹⁰.

Вопрос о том, на какой именно половецкой княжне был женат Олег, отец нашего Святослава, и, соответственно, к какому роду принадлежали столь охотно помогавшие племяннику «дикие уи», не так прост, как может показаться. Как известно, в летописи нет прямого сообщения о половецком браке Олега Святославича, зато здесь приводятся именованя половецких дядьев его сыновей: «...и Половцемъ дикымъ . оуемъ своимъ . Тюнрако<ви?> . Wсоулокови¹ и бра¹ его Камось» [ПСРЛ, II, 334].

На основании этого перечня имен со времен В. Н. Татищева традиционно делается вывод, что женой Олега Святославича была дочь Осолука¹¹. Между тем, здесь, возможно, следует принять во внимание, что сам по себе формант *-ич* (*-ович* / *-евич*), применяемый к половецким вождям, был не только средством образования от-

¹⁰ Для дипломатической истории Средневековья ситуация, когда иностранное посольство к русскому князю возглавляет тот, кто состоит с ним в родстве через женщин, отнюдь не уникальна. Достаточно вспомнить визит в 1075 г. посланников немецкого короля Генриха IV к Святославу Ярославичу, родному деду интересующего нас Святослава. Во главе этого посольства был поставлен Бурхард, настоятель собора в Трире, который был братом Оды, жены Святослава Ярославича ([Lampert, 202]; ср. также: [Литвина & Успенский 2010, 9–20]).

¹¹ Перечень исследований, где фигурирует такое утверждение, см., например, в работе: [Гуркин 1999, 43–44].

чества в узком смысле, но мог выступать и для обозначения принадлежности к клану или родовой группе, поэтому мы не можем быть до конца уверены, что жена Олега и мать Святослава непременно была родной дочерью Осолука (хотя сомнений в ее половецком происхождении не возникает).

Дело осложняется еще и тем, что мы не знаем в точности, кем был этот князь, которому присваивается роль Олегова тестя, а похожие имена половецких правителей упоминаются в летописи неоднократно с большим временным разрывом. Так, помимо наших *Осуловичей*, под 6636 г. в Ипатьевской летописи фигурирует некий князь, чье имя в разных списках передается по-разному, но читать его предлагается по аналогии с Лаврентьевской летописью как *Селук* или *Оселук* [ПСРЛ, II, 291, примеч. 1, примеч. а; I, 296], причем возглавляемые им половцы поддерживают не кого иного, как Всеволода Ольговича и его братьев. Можно ли допустить, что речь идет о родном деде этих князей? Или это какой-то еще их родич с материнской стороны, обладатель повторяющегося половецкого родового имени? Нельзя, разумеется, сбросить со счетов и ту возможность, что мы имеем дело попросту с разными половецкими именами.

Много позже, в конце XII столетия, в списке плененных половцев фигурирует князь *Осалук* / *Осолук* [ПСРЛ, II, 632; I, 395], а в перечне князей, несколько лет спустя пришедших на переговоры со Святославом Всеволодичем (внучатым племянником нашего Святослава Ольговича), упомянуты два Бурчевича, один из которых носит имя *Осолук* [ПСРЛ, II, 675]. Идет ли речь о каком-то родиче Ольговичей? Является ли он очередным обладателем родового имени? Какую роль в системе половецкого

родства играет указание на то, что он и его брат — *Бурчевичи*? За этим кругом вопросов интуитивно ощущается некое долгосрочное переплетение родственных и союзнических отношений Ольговичей и половцев, но выстроить их в более или менее стройную схему на данном этапе исследования не представляется возможным¹².

Так или иначе, Василий Половчин, если его имянаречение и в самом деле было связано в фактом заключения двойного русско-половецкого династического брака, принадлежал к тому же поколению, что и сам Святослав Ольгович, и возраст его, таким образом, вполне соответствовал его представительским функциям.

Общие замечания. — Необходимо учитывать, что гипотетичность наших построений относительно имянаречения этого половецкого посла значительно выше, чем в случае с Даниилом Кобяковичем, Романом Кзичем или, тем более, с Юрием Кончаковичем, о родовой принадлежности, отце, русских свойствен-

¹² Здесь можно было бы вспомнить и двух половецких князей, фигурирующих в «Поучении» Владимира Мономаха: «...и азъ шедъ с Черниговци и с Половци на Деснѣ изъмахомъ кнази Асадука и Саоука и дружину ихъ избиша» [ПСРЛ, I, 248]. Еще И. М. Ивакин высказал предположение о тождестве Асадука и Осолука, считая, что в «Поучении» речь идет именно о пленении Олегова тестя, а различие в именах сводится к ошибке переписчика [Ивакин 1901, 168]. Мы не рискуем в данном случае делать столь решительные выводы, не обладая достаточной лингвистической компетенцией для сопоставления исконных половецких антропонимов.

никах и родственниках которого летопись сохранила для нас куда больше сведений. Несомненно, однако, что для половцев, благодаря такой фигуре, как сотрудничавший с ними Василько Теревольский, имя *Василий* принадлежало к числу полноценных династических имен русских князей. В принципе не исключено, что образ этого князя мог сыграть непосредственную роль при наречении посла Василия (если мы считаем его половцем). Однако мы знаем о его сотрудничестве с кочевниками слишком мало, чтобы говорить об этом наверняка. С другой стороны, трудно усомниться, что половцы, столь много и тесно взаимодействовавшие с Мономахом, были осведомлены о том, что *Василий* было одним из имен еще и этого могущественного князя.

Известные нам факты, в сущности, сводятся к следующему: Василий Половчин получил свое имя при жизни Василько Ростиславича Теревольского и Владимира-Василия Мономаха. Последний был знаменит не только войнами с половцами, но и тем, что на протяжении жизни, по его собственному утверждению, заключил с ними 19 мирных договоров¹³. В принципе

¹³ Ср.: «...с Половечьскыи князи . безъ ѿдино҃го . к̃ . и при ѿѣи . и кромѣ ѿѣа . а даѣа скота много . и многы порты своѣ . и пустилѣ есмѣ Половечскыѣ князь лѣпшиѣ изъ шковѣ . толико Шарукана . в . брата . Багубарсовы . г . Ѡвчины браѣ . д . а всѣ лѣпшиѣ князи и нѣхъ . р . а самы князи Бѣ живы в руцѣ даѣа . Коксусъ . с сѣмъ Акланѣ . Бурчевичъ . Таревскыи князь Азгулуи» [ПСРЛ, I, 250]. И. М. Ивакин предложил читать «Ѡвчины» как «Осень» [Ивакин 1901, 271]; получается в таком случае, что Мономах освободил из оков кого-то из родственников половцев

любой из них мог сопровождаться актом наделения половца христианским именем князя — так, например, могли поступить с отпрыском какого-нибудь из отпущенных Мономахом половецких правителей. С другой стороны, как уже говорилось, крестильное имя Мономаха могло сделаться модным и в русской элитарной среде, а обилие половецко-русских связей в эту эпоху вполне способно было спровоцировать появление этнического детерминатива *Половчин* у сотрудничавшего с кочевниками русского.

Весь летописный эпизод в целом, наряду с рассказом летописи и «Слова о полку Игореве» о половце Лавре / Овлуре¹⁴, демонстрирует, что своеобразная социальная группа медиаторов в русско-половецком взаимодействии — не умозрительный конструкт, а вполне реальное историческое явление, актуальное уже в первой половине XII в. Появление же в этой среде имени *Василий* намного опережает ту общую волну популярности русских княжеских имен у половецких князей, которую мы наблюдаем в конце столетия. Не вполне очевидно, однако, говорит ли необычно раннее появление этого имени о том, что его обладатель не был половцем — в конце концов, процесс проникновения христианских имен в среду половецкой эли-

кого князя Осеня, правда, не вполне понятно, о каком именно Осене идет речь. Если о том, чья внучка стала женой Святослава Ольговича, то связь этого клана с Мономахом становится особенно отчетливой. Однако в «Поучении», как уже отмечалось самим исследователем, Мономах упоминает также Багубарсова брата Асиня.

¹⁴ См. выше, с. 65–70.

ты, прежде чем он стал достоянием антропонимической моды, должен был начаться с какого-то конкретного акта имянаречения. *Василий* же, как мы попытались показать выше, было вполне подходящим именем для запуска соответствующего процесса. С другой стороны, дистанцию более чем в три с половиной десятилетия между этим эпизодом и ближайшими по времени упоминаниями других христианских имен у половцев невозможно не принять во внимание, она безусловно усиливает фатальную для нас неопределенность национальной принадлежности Василия Половчина.

ДАВЫД

(Терминология родства и свойства в перечне половецкой знати. — Давыдович — русский князь? — Давыдович — князь половецкий? — Общие замечания.)

Терминология родства и свойства в перечне половецкой знати. — В списке плененных в 1184 г. половецких князей, уже неоднократно привлекавшем наше внимание, в той его версии, которая представлена в Лаврентьевском своде, для отдельных половцев указываются не только родственные связи, но и связи по свойству:

...и Толгыа . Двѣдча тести с сыно^м . Тѣтиа с сыно^м .
Кобакова тѣсти Турундаа [ПСРЛ, I, 396].

Эти краткие характеристики родственно-свойственных отношений, разумеется, весьма интересны сами по себе — на минимальном пространстве текста мы находим здесь большое разнообразие способов подачи антропонимической и генеалогической информации. Все зависит, по-видимому, от степени доступности, и еще больше — от меры актуальности, этой информации для летописца.

Для одного из половецких князей приводится его собственное имя и указание на отношения свойства с

конкретным человеком, также названным по имени («Кобакова тѣсти Турунда»). Для другого — лишь его собственное имя и указание на то, что он пленен вместе с сыном, по имени не названным («...Тѣтиа с сыно^м»). И, наконец, еще одна из этих конструкций содержит имя лица, непосредственного участника ситуации, и указания относительно его родства и свойств.

Адекватное понимание антропонимической информации, содержащейся в этом фрагменте, во многом зависит от того, каким именно образом он будет расчленен на синтагмы. К сожалению, чаще всего в исследовательской литературе этот вопрос не обсуждается вовсе, читателю в готовом виде предлагаются некие решения, интуитивно представляющиеся верными автору той или иной работы.

Мы в данном случае следуем интерпретации, утвердившейся по умолчанию в большинстве исследовательских работ со времен Н. М. Карамзина, согласно которой речь в данном фрагменте идет о Половецком князе Толгы, являвшемся тестем некоего Давыдовича и захваченном в плен вместе со своим сыном¹. Строго говоря, знаки, присутствующие в этом списке, позволяют членить его и иначе: точка после имени «Толгыа» может означать, что тесть Давыдовича, плененный вместе с сыном, и сам Толгый — это два разные лица. Такая трактовка кажется нам несколько менее правдоподобной, так как заставляет думать, будто один из захваченных кочевников охарактеризован только по родству и свойству, но при этом его личное имя не названо вовсе.

¹ Ср.: [Карамзин, I, 29, примеч. 67 к третьей главе третьего тома].

Существует и еще одна версия членения данного фрагмента, принадлежащая Н. М. Баскакову и отличающаяся от тех, что представлены в других работах. Исследователь полагал, что *Давыдович* — это не что иное, как отчество самого Толгья (Тоглия) [Баскаков 1985, 90]. Данная интерпретация, хотя и подкрепляет факт существования имени *Давыд* в половецкой среде, сама по себе кажется менее убедительной, чем общепринятая. В самом деле, в таком случае оказывается, что здесь отсутствует даже личное имя главного действующего лица, тогда как лицо второстепенное поименовано, напротив, развернуто, с именем и патронимом.

Мы узнаем, что князь Толгый (Тоглий)², впоследствии неоднократно фигурирующий в летописи, является тестем некоего Давыдовича, а пленен вместе с сыном (имя сына в тексте вновь отсутствует). Таким образом, Толгый охарактеризован не только с использованием личного антропонима, но и с помощью терминов родства и свойства, однако ни его младший родич, ни свойственник по имени не названы, последний обозначен с помощью патронима, имени своего отца («...и Толгья . Двѣдча тести с сыно^{мъ}»).

Пытаясь воскресить логику летописца, можно прокомментировать эти конструкции следующим образом. В случае с Турундаем довольно очевидно, что именно информация о его зяте является предельно актуальной — захват могущественного Кобяка составляет, если так можно выразиться, главную гордость

² О различных формах фиксации этого имени в летописях и о потенциальных кровнородственных связях этого половецкого вождя см.: [Pritsak 1967, 1617–1620].

составителя текста. Весьма существенна, поэтому, и информация о том, что в плен попал отец жены этого половецкого князя, а следовательно, и его непосредственный союзник по свойству.

Как уже упоминалось, при заключении династических браков в одних случаях акцент делался на взаимоотношения отцов брачующихся, тогда как в других — на связи между людьми, принадлежащих к разным поколениям, отцом невесты и женихом. Интересующий нас союз во времена описываемых событий явно строился по модели 'тесть ↔ зять', так как Кобяк был совершенно самостоятельным и ни от кого не зависящим лицом, в могуществе ничем не уступающем своему старшему свойственнику, а в русской перспективе — скорее всего, даже превосходящем его по значимости. Не исключено, что эта бóльшая значимость зятя по отношению к тестю отразилась в порядке подачи антропонимической информации — имя Кобяка названо первым. Впрочем, преувеличивать этот факт не следует, так как порядок элементов в формуле может быть обусловлен различными собственно семантическими и ритмико-синтаксическими факторами.

Что же касается второй конструкции, характеристики Тетия, то формула «с сыном» (для других лиц могут упоминаться и несколько сыновей) довольно типична для русских списков половецких пленных³.

³ Ср., например, неоднократно упоминавшееся в нашем исследовании летописное сообщение о захвате в плен двух сыновей Кончака (см. гл. «ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ)», с. 96, 103–104) или версию списка плененных князей из Ипатьевского свода: «...и той аша . Кобака Карлыевича . со двѣма сѣнома» [ПСРЛ, II, 632].

Вероятнее всего, такого рода указания означают, что эти отпрыски степных князей были уже достаточно взрослыми, чтобы участвовать в битве, но еще не занимали сколько-нибудь самостоятельного положения во властной и имущественной иерархии. Самое появление таких характеристик могло быть вызвано существенностью того факта, что пленен был не только сам половецкий князь, но и старший (старшие) из его несовершеннолетних наследников, а, соответственно, данный род лишился не только своего нынешнего главы, но и глав, так сказать, потенциальных.

Наиболее пространная из приведенных здесь минимальных конструкций («...Толгыя . Двѣдча тести с сыно^м...») также содержит указание на пленение вместе с отцом наследника, вероятно, «несовершеннолетнего». Однако более любопытна в данном случае характеристика отношений свойства, появляющаяся тут же. Более или менее очевидно, что в данном случае речь идет о модели союза свойственников, которая может быть условно описана с помощью схемы 'сват ↔ сват'⁴. Иначе говоря, ситуация в целом очень близка к той, что мы наблюдали в случае с женитьбой детей Кончака и Игоря Святославича: Толгый при вступлении в брак его дочери, скорее всего, заключал некие союзнические отношения не только и не столько с зятем, лишь вступающим в пору зрелости, но в первую очередь с его отцом, и поэтому-то в характе-

⁴ О различных моделях, по которым строились в XII в. отношения свойства между князьями, см. подробнее: [Литвина & Успенский 2013; Литвина & Успенский 2013-а, 25–36].

ристике половца присутствует не личное имя зятя, но — в форме патронима — личное имя свата, зятева отца. Наиболее актуальными, естественным образом, оказываются личные имена этих центральных контрагентов-сватов, которые — в отличие от своих сыновей и тем более от Толгевой дочери — являются целиком полноправными участниками в системе власти.

Давыдович — русский князь? — В перспективе же нашего исследования наиболее интересно, разумеется, то обстоятельство, что патроним зятя пленного половца образован от христианского имени *Давыд*. Сразу необходимо отметить, что в русской историографической традиции, по крайней мере со времен Н. М. Карамзина, утвердилось мнение, что сватом половецкого пленника, обладателем имени *Давыд*, был один из князей Рюриковичей⁵. Единственным, по существу, претендентом на эту роль — без особенного, впрочем, обсуждения — признавался Давыд Ростиславич, внук Мстислава Великого и родной брат одного из главных участников похода, Рюрика Ростиславича⁶. Много позже было последовательно продемонстрировано, что из всех *Давыдов* конца XII столетия он и в самом деле едва ли не единственный, кто в ту пору по возрасту мог быть чьим бы то ни было тестем [Гуркин 1999-а, 48]. Правда, при этом не была учтена фигура его современника Давыда Полоцкого,

⁵ См.: [Карамзин, I, 29, примеч. 66 к третьей главе третьего тома; Baumgarten 1927, 39, табл. IX].

⁶ Ср., например: [Baumgarten 1927, 39, 41, табл. IX, №№ 4, 12].

отца Бориса Друцкого, о чем нам еще предстоит сказать ниже.

Разногласия исследователей в основном касались вопроса о том, кто именно из довольно многочисленных сыновей Давыда Ростиславича мог быть зятем Толгья. Оговоримся сразу же: каких-либо иных (кроме появления данного патронима в списке пленных половцев) сведений о том, чтобы кто-то из детей Давыда Ростиславича вступил в брак с половчанкой, в нашем распоряжении нет. Более того, среди зафиксированных в летописи русско-половецких браков мы не находим ни одного союза, благодаря которому князь Рюрикович по имени *Давыд* сделался бы тестем кого-то из князей половецких. Поскольку летопись сообщает далеко не обо всех княжеских браках, это отсутствие сведений не может, разумеется, служить непреодолимым препятствием для поиска русских связей Толгья.

В некоторых исторических исследованиях и генеалогических таблицах можно найти утверждение (как правило, не сопровождающееся никаким комментарием), согласно которому зятем Толгья был Мстислав Давыдович⁷. Другие исследователи, также без развернутого комментария, называют в качестве зятя Толгья Изяслава Давыдовича [Pritsak 1967, 1618, 1622]. И те, и другие авторы ссылаются лишь на разбираемый нами фрагмент Лаврентьевской летописи, где, напомним, какое-либо личное имя Давыдовича отсутствует. С. В. Гуркин,

⁷ См., например: [Пашуто 1968, 426, табл. VII; Donskoï 1991, 146, № 409].

справедливо предполагая, что для идентификации этого персонажа необходимо привлечь сведения обо всех сыновьях Давыда Ростиславича, исключает из списка потенциальных кандидатов на роль зятя Мстислава-младшего, который появился на свет лишь в 1193/4 г.; Константин Давыдович также отвергнут (и также, по-видимому, вполне справедливо) на основании хронологических причин, так как даже к моменту смерти отца в 1197 г. тот был по завещанию отдан дяде «своемоу Рюрикови на роуцѣ» [ПСРЛ, II, 704–705], а, соответственно, даже и в ту пору был достаточно юн и холост. Далее С. В. Гуркин отмечает, что остальные сыновья Давыда, а именно Мстислав-старший, Борис и Изяслав, являются равноправными кандидатами на роль зятя Толгья [Гуркин 1999-а, 47–48]. Мы полагаем, однако, что в списке этих трех кандидатов один (Борис) безусловно является лишним, а другого, возможно, не хватает. Кроме того, следует, по-видимому, не упускать из виду еще одну кандидатуру, князя, вовсе не принадлежащего к смоленской ветви Рюриковичей.

Что касается Бориса, сына Давыда Ростиславича и внука Ростислава Мстиславича Смоленского, то его, со всей очевидностью, следует исключить из рассмотрения, поскольку такого человека, судя по всему, не существовало вовсе. Посвященный же ему пассаж в статье С. В. Гуркина представляет собой сочетание почерпнутых из вторичной литературы неверных данных⁸. Перед

⁸ С. В. Гуркин полагает, в частности, что именно об этом несуществующем Борисе Давыдовиче идет речь в известии Ипатьевской летописи под 1179 г., опираясь при этом не столько на летописный текст, сколько на его прочтение Л. В. Алексеевым [Гуркин 1999-а, 48]. В летописном фрагменте речь идет

нами своего рода историографический фантом, появляющийся лишь в отдельных справочных изданиях и основанных на них исследованиях, но решительно отсутствующий в источниках. Мы находим его, в частности, в работе О. М. Рапова (на него и ссылается С. В. Гуркин

о том, что Мстислав Ростиславич Храбрый «вниде во Плесковъ . и изыма сотьскѣи . про Бориса . сновца своего . зане не хотахоуть сновца его Бориса . и тако оутвердивъ⁶ с людьми . и иде ѿтоуду к Новоутородоу» [ПСРЛ, II, 608]. Смысл этого фрагмента в целом представляется достаточно прозрачным, не вызывает больших затруднений и идентификация упомянутого здесь племянника Мстислава Ростиславича. И то, и другое ясно изложено, к примеру, еще Н. М. Карамзиным: «Мстислав на возвратном пути усмирил во Пскове мятежных чиновников, не хотевших повиноваться его племяннику, Борису Романовичу» [Карамзин, I, 33, Гл. 3 третьего тома]. Он же в другом месте отмечает, что сын Романа Ростиславича в описании одних и тех же событий разными летописными источниками может именоваться то *Мстиславом*, то *Борисом* [Карамзин, I, 46, примеч. 95]; соответственно, *Мстислав* было его княжеским именем, а *Борис* — крестильным [Литвина & Успенский 2006, 585–586]. Л. В. Алексеев (на которого опирался С. В. Гуркин) почему-то предположил, что речь в данном известии идет о том, что некий племянник князя Мстислава по имени *Борис* был сотским во Пскове, и его-то дядя с этой должности сместил [Алексеев 1980, 221]. В свою очередь, С. В. Гуркин, по каким-то причинам не находя у Мстислава Храброго других племянников с именем *Борис* (хотя Борис Романович по крайней мере трижды упомянут в Новгородской первой летописи), считает, что этим злополучным, смещенным со своей должности сотским был не кто иной, как фантомный Борис Давыдович Смоленский. Разумеется, никакой князь Рюрикович не мог быть сотским во Пскове, примеры такого рода древнейшему летописанию не известны, и никакой нужды видеть в сидевшем здесь на княжении *Борисе* кого-либо иного, кроме Мстислава-Бориса Романовича, нет.

кин), который в данном случае опирается исключительно на Татищева [Рапов 1977, 180, 193]. Однако в соответствующих свидетельствах Татищева (надежность которых сама по себе вызывает некоторые сомнения) Борис Давыдович именуется полоцким князем⁹, и решительно никаких указаний на то, что он был внуком Ростислава Смоленского, там нет. Если упоминаемый у Татищева под 1217 г. факт княжения в Полоцке Бориса Давыдовича верен, то речь, скорее всего, идет не о ком ином, как о Борисе Давыдовиче, прежде фигурировавшем в летописи как князь друцкий (что и признается большинством исследователей). Этот Борис Давыдович, закономерным образом, принадлежал к полоцкой ветви Рюриковичей, а отнюдь не к потомкам Ростислава Смоленского. Его отец, судя по «Житию Евфросинии Полоцкой», был родным братом святой [Кушелев-Безбородко, IV, 177], а сам Борис Друцкий, соответственно, приходился ей племянником. У Евфросинии и Давыда был и еще один брат по имени *Вячеслав*, что хорошо согласуется с именем *Вячко*, которое носил единственный из засвидетельствованных в источниках сыновей полоцкого князя Бориса. В рамках подобной генеалогической конструкции оказывается, что Борис дал сыну имя собственного дяди, причем имя это, успевшее сделаться довольно

⁹ Татищев приписывает ему троих сыновей (Василько, Вячко и Владимира), из которых только Вячко фигурирует в каких бы то ни было источниках, тогда как два других появляются исключительно у Татищева, в контексте довольно фантастической истории о злодеяниях и убийстве мачехи Вячко по имени Святохна, причем весь этот сюжет в целом никакого подкрепления в источниках также не находит, что отмечал еще Карамзин [Карамзин, I, 92, примеч. 208 к третьему тому].

редким в династии, выразительно маркирует семейную принадлежность княжича.

Этот-то Борис Давыдович, отдаленный потомок знаменитого Всеслава, в принципе мог быть женат на дочери Толгья и должен — наряду с другими претендентами, сыновьями Давыда Ростиславича Смоленского — рассматриваться как возможный зять половца.

Рис. IV: Родословная Бориса Давыдовича,
возможного зятя Толгья

Какие же сведения о Борисе Друцком обнаруживаются в летописи? Мы знаем, что более десятилетия спустя после захвата Толгья этот князь помогал (и притом весьма успешно) Ольговичам против Ростиславичей. Он, в частности, пленил Мстислава Романовича, сына умершего к тому времени Романа Ростиславича и родного племянника сидевшего в Смоленске Давыда Ростиславича [ПСРЛ, II, 692]. Вполне можно допустить, что Борис Друцкий, бывший в середине 90-х годов совершенно самостоятельным князем, к середине 80-х — еще достаточно молод и недавно вступил в брак с половчанкой. В таком случае в наших руках оказались бы уникальные данные о существовании матримониальных связей между полоцким княжеским домом и половецкой знатью. Однако никаких конкретных фактов о жизни Бориса Друцкого до вышеизложенного известия, а также о связях его отца Давыда с половцами, в нашем распоряжении нет.

Возвращаясь к сыновьям Давыда Смоленского, Мстиславу и Изяславу, можно отметить, что старшим из них, вероятно всего, был Мстислав, который в сентябре 1184 г. был отправлен отцом на новгородский стол и просидел там вплоть до 1187 г. [ПСРЛ, III, 37–39]. Еще прежде интересующего нас похода, закончившегося поражением половцев, он успел поучаствовать в походе на болгар, организованном Всеволодом Большое Гнездо, в котором некоторая часть половцев выступала в качестве союзников русских [ПСРЛ, I, 389]. Нет ничего невероятного в том, что молодой князь, прежде своего отъезда в Новгород, вступил в брак с половецкой княжной.

Но не менее любопытна в этом отношении и фигура его родного брата Изяслава Давыдовича. Ничего не известно о том, чтобы он получил к 1184 г. какой-либо

самостоятельный княжеский стол, весьма вероятно, что он еще оставался при отце. Для нас же наиболее существенно, что именно он вместе с другими молодыми князьями принял непосредственное участие в походе на половцев, организованном Святославом Всеволодичем и Рюриком Ростиславичем, том самом походе, который закончился пленением Толгья. Способ его идентификации в перечне князей, участников этого предприятия, как кажется, подтверждает наше предположение о том, что Изяслав был, скорее, представителем своего отца: и у него, и у его кузена отчества предшествуют личному имени — «...Романовичъ Мстиславъ . Двѣдвчъ Изяславъ» [ПСРЛ, I, 394]¹⁰. Было бы вполне естественно, если бы летописец, перечисляя в рамках того же рассказа плененных половцев, связал одно с другим и опустил при обозначении толгьева зятя имя *Изяслав*, оставив только отчество *Давыдович*. Этот эллипсис, помимо всех перечисленных в начале нашего обсуждения причин, был возможен еще и потому, что в таком случае он легко восполним на основании текста статьи в целом — поскольку в походе участвовал только один князь Давыдович, Изяслав, то, соответственно, достаточно назвать патроним, чтобы понять, о ком идет речь.

¹⁰ Отец Изяслава двоюродного брата, Мстислава-Бориса Романовича, к этому времени уже скончался, однако Мстислав, по всей видимости, состоял при своем дяде Давыде Ростиславиче. Во всяком случае, именно последний отправляет его в военные экспедиции еще много лет спустя после описываемых событий (см. выше). В данном случае летописцу, очевидно, было важно подчеркнуть, что в походе принимают участие все наличествующие ветви дома смоленских Ростиславичей — не только Рюрик, но и сыновья его обоих братьев, Романа и Давыда.

Таким образом, Изяслав Давыдович представляется нам, пожалуй, самым вероятным, хотя и не единственным кандидатом на роль Толгьева зятя.

Напомним, что в нашем рассуждении фигурировал и еще один, «забытый», кандидат из числа сыновей Давыда Ростиславича. Речь идет о некоем Владимире Давыдовиче, который отсутствует в летописях, но назван в тексте, рассказывающем о перенесении князем Давыдом Ростиславичем ветхих гробниц свв. Бориса и Глеба из Вышгорода в Борисоглебский монастырь. В этом источнике сообщается, что Давыд «предер'жаи всю вбласть . смоленскую сѣа же своего владимера посади вышгородъ» [Воронин & Жуковская 1976, 71]. Из этого свидетельства следует, что в 1191 г. у Давыда был еще один сын по имени *Владимир*, да еще и достаточно взрослый для того, чтобы занимать вышгородский стол. Д. Домбровский на основании данных показаний предположил, что этот Владимир был немногим младше Мстислава-старшего и Изяслава, но старше остальных своих братьев. В таком случае, следовало бы и его рассматривать как потенциального зятя Толгья, хотя полное молчание о нем летописных источников заставляет заподозрить, нет ли в интересующем нас тексте простой ошибки в имени молодого князя. Правда, составителя этого текста в целом как будто бы нельзя упрекнуть в небрежении именами действующих лиц — он верно называет деда и прадеда Давыда Ростиславича и правильно указывает имя епископа Симеона, занимавшего в 90-е годы XII в. смоленскую кафедру. Публикаторы памятника, дошедшего до нас в списке XVI в., полагали, что он был составлен не позднее рубежа XII–XIII вв. и отделен от рукописи XVI в. минимальным числом промежуточных списков.

Давыдович – князь половецкий? — Отсутствие данных о браке кого-либо из Давыдовичей с половецанкой, хотя и не исключает само по себе такого союза, все же заставляет задуматься и над возможностью сутобо «половецкой» трактовки упомянутых в списке матримониальных отношений. Не мог ли быть сватом Толгыя, отцом его зятя, некий половец с христианским именем *Давид*? Если учесть, что в этом же списке пленных упомянут князь половецкий, зовущийся *Глеб Тириевич*, а в тексте Ипатьевской летописи, рассказывающем о событиях следующего года, мы обнаруживаем половеца по имени *Роман*, то в предположении о том, что у кочевников могло встречаться и еще одно имя святых братьев, Глеба-Давида и Бориса-Романа, давно употребляемое Рюриковичами в качестве единственного, нет ничего невероятного.

Высказанный вскользь аргумент против такого допущения, заключающийся в том, что имя *Давид* у половецких князей более нигде не зафиксировано [Гуркин 1999-а, 48], вряд ли может иметь решающую силу. В самом деле, многие имена кочевников, и христианские в частности, засвидетельствованы в летописях лишь точно и повторяются чрезвычайно скупое. Так, Роман Кзич и Василий Половчин (если речь в данном случае действительно идет о половеце) упоминаются всего лишь по одному разу. Соответственно, одного свидетельства, будь оно достаточно надежно, оказывается вполне достаточно для того, чтобы констатировать факт присутствия конкретного русского антропонима у половецев.

В пользу допустимости гипотезы о принадлежности Толгыева свата к половецам может говорить, как

кажется, и то обстоятельство, что летописец в перечне пленных был вполне заинтересован в указании внутритропаловецких отношений свойства. Как мы помним, говоря о пленении Турундая, он сообщает, что тот приходился зятем другому могущественному половцу, Кобяку.

Некоторым возражением против гипотезы о половецком происхождения Толгевых свойственников могут служить общие соображения о массовом появлении христианских имен в среде половецких князей. Обратим внимание, что Кончак, Кобяк и Кза принадлежали, по-видимому, к одному поколению правителей (имея в виду самую широкую трактовку термина «поколение»). У каждого из них есть по сыну с христианским именем, об этом мы узнаем, встречая в летописи сочетание 'христианский антропоним + нехристианский патроним' (*Юрий Кончакович, Даниил Кобякович, Роман Кзич*). Обратных же сочетаний, 'нехристианский антропоним + христианский патроним', или сочетаний 'христианский антропоним + христианский патроним' у половцев мы не находим. Возникает предположение, что мода на княжеские христианские имена распространяется у половецкой элиты в достаточно определенный хронологический период. Соответственно, зваться *Давыдом* куда больше шансов имел бы гипотетический молодой половецкий зять Толгья, нежели отец этого зятя.

Этот аргумент, однако, также не может быть признан бесспорным — мы располагаем слишком небольшим набором христианских имен у половцев, чтобы стоило однозначно признавать одни модели

актуальными, а другие полностью неосуществимыми. В самом деле, если мы предполагаем, что антропонимическая мода на имена Рюриковичей стала достаточно распространенной приблизительно в конце 60-х — 70-е годы XII в., то начало ей могло быть положено, как уже упоминалось, единичным (или единичными) актом подобного выбора имени, случившимся ранее или в несколько иной среде, принадлежащей к той же традиции.

Общие замечания. — Вопрос о присутствии имени *Давыд* у половцев можно, таким образом, считать открытым, и, соответственно, тем большей осторожности требует утверждение о браке кого-либо из конкретных представителей рода Рюриковичей с дочерью Толгья. Иными словами, атрибуция Толгьева зятя, упомянутого в Лаврентьевской летописи, должна быть представлена в виде своеобразной трехступенчатой дихотомической схемы возможностей: это может быть сын знатного половца, обладателя имени *Давыд*, или один из русских князей. В роду Рюриковичей на эту роль годится, с одной стороны, Борис Давыдович Друцкий, и с другой, сыновья смоленского князя Давыда Ростиславича. Из потомков Давыда Смоленского это могут быть Мстислав либо Изяслав, хотя нельзя исключить полностью и загадочную фигуру Владимира Вышгородского.

Если же сосредоточиться исключительно на русских князьях и строить, исходя из летописных данных, некоторую иерархию возможностей, то наиболее вероятной кандидатурой является Изяслав Давыдович,

вторым, пожалуй, его брат Мстислав, а третьим — Борис Друцкий. При этом едва ли оправданно наделять любую из этих возможностей рангом безапелляционного утверждения в составе генеалогического справочника или таблицы.

III.

РИТМ И ХАРАКТЕР РУССКО-ПОЛОВЕЦКИХ КОНТАКТОВ ПО МАТРИМОНИАЛЬНЫМ И ОНОМАСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Обратившись к истории взаимоотношений Руси и половцев, читатель русской летописи наталкивается на два — отчасти обескураживающих, отчасти дезориентирующих — обстоятельства. С одной стороны, эта история при всей своей многособытийности производит впечатление чего-то монотонного и однообразного: на протяжении полутора столетий набеги половцев и ответные походы русских князей настолько часто фиксируются в источниках, что трудно выделить какие-либо приметы интенсификации или ослабления военного противостояния. Бросается в глаза и сходство тех событий, что выпадают на рубеж XI–XII вв., с теми, что происходят столетие с лишним спустя. Как в первый, так и во второй из упоминаемых периодов мы узнаем о переменном успехе русских и половцев в сражениях недалеко от Переяславля, о пленении русского князя кочевниками, о том, что другой князь же-

нит своего сына на половчанке, о бегстве — удачном или неудачном — еще одного Рюриковича к половцам...

С другой стороны, в летописном изложении нечасто можно отыскать какие-либо сведения о повседневном обиходе, составляющем плоть этих контактов. Лишь изредка нам попадает упоминание о том, как накануне убийства половецкого князя Итлarya его приглашают переобуться в теплой избе и позавтракать у некоего Ратибора, дабы потом отправиться к Владимиру Мономаху, или рассказ, согласно которому стража, охраняющая плененного Игоря Святославича в половецкой ставке, исполняет его поручения и отпускает князя на ястребиную охоту. В большинстве же случаев все наши предположения об устройстве половецкой части двора русского князя, женившегося на половчанке, о языке общения двух кузенов, один из которых степной наследник, а другой — Рюрикович, никакими непосредственными данными источников подкрепить невозможно.

Дефицит удобных для современного восприятия сведений о повседневности русско-половецкого взаимодействия действительно существует, не вполне иллюзорна и своеобразная цикличность, почти патологическая стабильность соприкосновений с кочевниками. Тем не менее именно ономастический материал дает возможность хотя бы частичного выхода за пределы этих ограничений.

Изучение запечатленных в летописных источниках русских имен половецких правителей вызывает к жизни ряд наблюдений, часть из которых вполне ожидаемы и в определенном смысле лежат на поверхности, тогда как другие отнюдь не очевидны и требуют мно-

гоступенчатого комментария. Так, история появления этих антропонимов, соотнесенная с историей междинастических браков, невольно порождает, в частности, некую своеобразную и во многом условную, с достаточно размытыми границами периодизацию русско-половецких контактов.

Контакты эти начинаются с вполне мирных переговоров, но немедленно перерастают в череду сокрушительных поражений, которые кочевники наносят русским князьям. Когда Святославу Ярославичу удастся одержать над ними победу у Сновска [ПСРЛ, I, 172; II, 161; III, 189–190], в летописи это событие обставлено целым рядом характеристик, повышающих его значимость, вроде речи князя перед своими воинами, которая, кстати, воспроизводит фрагмент речи предка и тезки этого князя, Святослава Игоревича, перед победоносной битвой с византийцами.

В целом можно сказать, что в 60-е—70-е годы XI столетия Рюриковичи лишь учатся оказывать половцам сопротивление, но, обучаясь этому искусству, они сразу стремятся использовать «атомную энергию» кочевых кланов в своих собственных, внутриродовых конфликтах. Это всегда, разумеется, небезопасно, поначалу — в особенности. Один из русских князей, Роман Святославич, погибает, убитый собственными половецкими союзниками после военно-дипломатической неудачи [ПСРЛ, I, 204; II, 195–196; III, 18], но надо сказать, что это первый и последний случай подобного рода — в дальнейшем только Рюриковичам случалось убивать половецких князей, вступивших с ними в мирные союзнические переговоры.

Уже в эту пору летописец охотно фиксирует имена половецких правителей, пришедших на Русь. Их образы, всегда остающиеся достаточно фрагментарными, постепенно обрastaют выразительными эпитетами или даже некоторыми краткими характеристиками. Правда, поначалу, и это весьма существенно для нас, в летописи практически отсутствует даже минимальная генеалогическая информация о представителях половецкой элиты — в подавляющем большинстве случаев их личные имена не сопровождаются какими бы то ни было патронимическими формами. Отсутствуют, разумеется, и упоминания о каких-либо христианских или мирских княжеских именах в кочевой среде.

Картина заметно меняется с конца XI столетия, когда начинается период более чем успешного военного противостояния кочевникам, которое оказывается возможным лишь на фоне тесного междинастического взаимодействия — Рюриковичи не только обмениваются с половцами знатными заложниками, но и начинают заключать браки с наследницами половецких вождей. Здесь главными действующими лицами становятся кузены, внуки Ярослава Мудрого. Святополк Изяславич женится на половчанке сам, а Владимир Мономах устраивает половецкие браки для двух своих сыновей, Олег Святославич же закладывает основы куманофильской репутации своей ветви рода, не только женившись на половчанке, но и взяв еще одну половецкую княжну в жены своему малолетнему сыну. Именно в эту пору в династической стратегии Рюриковичей зарождается своеобразный прин-

цип, который можно охарактеризовать как систему сдержек и противовесов — половцы все активнее вовлекаются в противостояние между различными ветвями разрастающегося рода русских князей и, соответственно, каждая из этих ветвей стремится заключить свое собственное соглашение с этими кочевниками.

Летописное повествование насыщается генеалогическими подробностями о правителях половцев, а поскольку для этой эпохи мы располагаем таким замечательным автобиографическим княжеским текстом, как «Поучение» Владимира Мономаха, то мы можем убедиться, что здесь интерес к происхождению и клановой принадлежности половецких вождей проявляется, пожалуй, в еще большей мере, причем как князь, так и составитель летописи обращают внимание и на связи вертикальные ('отец ↔ сын'), и на горизонтальные ('брат ↔ брат') (ср., например: [ПСРЛ, I, 249–250]). Сообщение о заключении русско-половецкого брака сопровождается указанием имени отцов и даже дедов невесты. Характерным образом, имена половчанок, ставших женами Рюриковичей, отсутствуют не только в этих самых первых упоминаниях о русско-половецких браках, но на всем пространстве текста трех древнейших летописных сводов — в русских памятниках мы не найдем не только их крестильных, но и исконных имен.

С другой стороны, не исключено, что осведомленность в половецкой генеалогии преследовала, помимо всего прочего, и цели, связанные именно с приобретением к церкви степных невест. В самом деле, именно с конца XI в. в обиходе Рюриковичей нарастает роль

внутридинастических браков, когда князья стали жениться на своих дальних родственницах, представительницах собственного рода. При этом отнюдь не упускаются из виду нормы канонического права, налагающего запрет на близкородственные и близкосвойственные браки.

Политические выгоды, сопряженные с внутридинастическим браком, и нежелание нарушать церковные установления формируют динамичную систему, в рамках которой как только образуется каноническая возможность, выгодный брак немедленно заключается. Искушенность в собственной генеалогии, точное знание степеней родства являлись практической необходимостью как для самих русских князей, так и для близкого к ним духовенства. Насколько мы можем судить по весьма ограниченному числу имеющихся в нашем распоряжении примеров, соответствующие тенденции в организации браков были актуальны и в тех случаях, когда речь шла о степных наследниках — вероятно, половецкое родство подсчитывалось так же, как подсчитывалось родство между самими князьями Рюриковичами. Так, в частности, Святополк Изяславич и Андрей Добрый, сын Мономаха, женившись на дочке и внучке Тугоркана соответственно, заключая эти выгодные союзы, церковных норм никак не нарушали — хотя их жены приходились друг другу теткой и племянницей, степень кровного родства между самими этими князьями была достаточно удаленной, чтобы они не сделались недозволенно близкими родственниками (см. *Рис. V*).

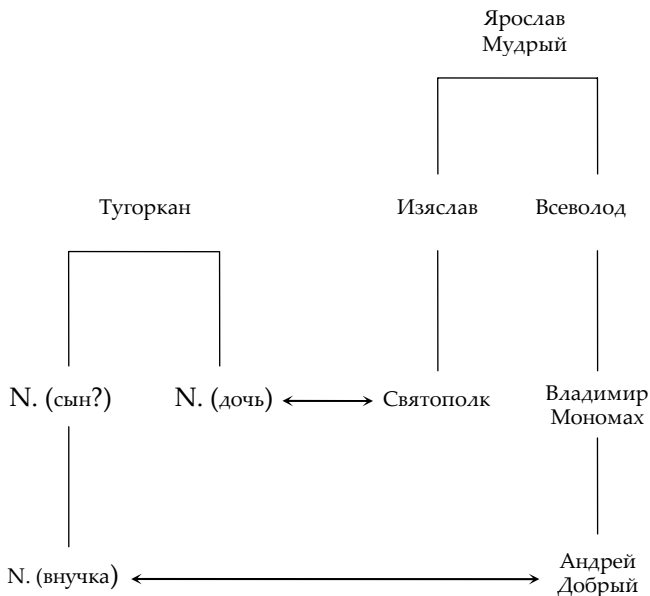

Рис. V: Браки Святополка и Андрея Доброго

Весьма интересно, что именно в половецких браках начала XII столетия мы впервые наблюдаем в развернутом виде такую модель союзнического договора, подкрепляемого договором матримониальным, когда главными действующими лицами оказываются отцы брачующихся. Эта модель отношений, условно обознача-

емая нами 'сват ↔ сват', довольно универсальна для династической практики как таковой, впоследствии она станет весьма востребованной в собственной внутридинастической жизни русских князей. Сосуществуя у Рюриковичей с моделью 'тесть ↔ зять', она характеризуется большей стабильностью династических отношений, долгосрочной их прагматикой.

Довольно популярной окажется на Руси и модель одновременного заключения нескольких внутридинастических браков, знаменующих начало нового коалиционного союза или конец предшествующего длительного противостояния (ср.: [Литвина & Успенский 2013-а, 30–33]). Впервые же, эти «приемы», насколько мы можем судить по летописям, были апробированы именно на браках с кочевниками, когда Владимир Мономах и Олег Святославич разом заключили договоренность о браке своих малолетних сыновей с половчанками.

В эпоху внуков Ярослава Мудрого мы наблюдаем и первые признаки существования своеобразного ритма в русско-половецких контактах, ритма, ощущаемого весьма зримо в связях матримониальных. Этот ритм определялся сразу несколькими параметрами. Смена персонажей на важнейших русских столах, прежде всего, на столе киевском, сопровождается заметным повышением половецкой активности, которая сопряжена с необходимостью заключения нового договора между Русью и кочевниками, а смерть могущественного вождя половецкого клана, в свою очередь, может потребовать обновления матримониальных контактов между Рюриковичами и половцами. В дальнейшем,

воздействие на этот ритм могут оказывать и какие-то дополнительные факторы, связанные со все усложняющейся династической жизнью Рюриковичей и все большим накоплением их родовых контактов со степным миром.

Вовлеченность половцев во внутрдинастические дела русских князей становится особенно очевидной в тот период, когда в борьбу за старшие княжеские столы вступают русские князья, связанные (в силу прежде заключенных матримониальных союзов) узами кровного родства с князьями половецкими. Это время подросших зятьев, а особенно — племянников и внуков половецких можно условно обозначить как третий виток русско-половецкого взаимодействия. Именно в эту пору обнаруживается, насколько для половцев важны те родственные отношения, которые возникают через женщин, — активная помощь степных уев (дядьев с материнской стороны), характерным образом, оказывается весьма значимой в эпоху династических усобиц Рюриковичей 40-х — 50-х годов.

Примечательно, что при описании этих усобиц в летописи явно актуализируется термин *сестричичь* (т. е. 'сын сестры, племянник'), используемый для характеристики внутривидовых отношений самих русских князей (ср., например: [ПСРЛ, I, 315; II, 327, 367, 471]). Так, один из представителей черниговского дома, Святослав Ольгович, постоянно прибегает к поддержке своих «диких уев», половецких вождей, приходящихся ему родней по матери, тогда как другой, Святослав Всеволодич, поочередно присоединяется то к стрьям, русским дядьям по отцу, то к уям, русским

дядьям по матери, которые готовы оказывать ему поддержку как своему сестричичу. Система наследования власти у Рюриковичей на протяжении всего домонгольского времени имеет довольно выраженную андроцентрическую ориентацию. Не исключено, что именно контакты с половецким миром позволили хотя бы в какой-то степени учесть и выгодно задействовать такой ресурс, как внутридинастическое кровное родство по женской линии, хотя ресурс этот, разумеется, и прежде не игнорировался полностью. Можно допустить, кроме того, что самое наличие половецкого родства и свойства способно иной раз лечь в основу коалиции между двумя или несколькими русскими князьями — два Рюриковича из разных семей, имеющие половецких дядьев, половецкого тестя или половецкого деда, поддерживая друг друга в усобице, объединяют не только собственные силы, но и силы помогающих им степных кланов.

Тогда же в письменных памятниках впервые появляются обладатели русских имен, так или иначе связанные с половецким миром. По этим ранним примерам не всегда возможно определить, идет ли речь о половцах как таковых, обитают ли они в кочевой среде или при дворе русских князей, и тем более сомнительно, можно ли кого-то из них причислить к князьям половецким, равноправным партнерам Рюриковичей. Очевидно, тем не менее, что эти носители русских имен, скорее всего появившиеся на свет в предыдущую — «Мономахову» — эпоху, играют роль посредников между двумя все теснее соприкасающимися мирами, русским и половецким, и эти посреднические функции

становятся отныне чем-то весьма значимым и постоянно востребованным в русской династической жизни.

Характерна также и еще одна форма проявления союзнической близости между половцами и Рюриковичами, образчик которой мы обнаруживаем в этот период. Русский князь, вытесняемый с того или иного стола членами собственного рода, может искать убежища у половцев, укрываясь у них в течение некоторого времени и отнюдь не отказываясь при этом от своего места в русской иерархической системе — добровольное пребывание у кочевников никоим образом не умаляет ни его собственных династических возможностей, ни династических перспектив для его наследников, и при этом оказывается неизбежным средством культурного обмена между двумя традициями. К этому же отрезку времени относится и беспрецедентный факт бегства овдовевшей русской княгини к половцам и ее брак с половецким князем. Замечательно, что этот уникальный шаг отнюдь не нарушает ее связей не только с собственным сыном от первого брака, оставшимся на Руси, но и с родней ее первого мужа, которую вновь приобретенные половецкие свойственники охотно поддерживают в борьбе за власть.

Может показаться, что в середине XII столетия границы, отделяющие внутрдинастическую жизнь Рюриковичей от их междинастических связей с половцами, начинают стираться. Однако это верно лишь до определенной степени. Такие факты, как бегство князей к кочевникам или брак княжеской вдовы с представителем половецкой знати, ни в коей мере не превращаются в события частотные, определяющие ди-

настический портрет Рюриковича той поры. В целом следует, пожалуй, заметить, что несмотря на все распри и усобицы, сотрясающие чрезвычайно разросшийся род русских князей в этом веке, в противостоянии между самими Рюриковичами существуют, если так можно выразиться, известные пределы или непреступаемые границы, никоим образом не очерченные эксплицитно, но осознаваемые, по-видимому, как летописцем, так и его аудиторией, немаловажной частью которой оказывались сами Рюриковичи. Разумеется, как и всякие непреступаемые границы династического обихода, время от времени они все же нарушались. Однако нарушения эти всякий раз воспринимались как нечто экстраординарное, вопиющее, почти выходящее за рамки возможного. Что же касается отношений с кочевниками, то допустимость нарушения обязательств, будь то обязательства, установленные договором, матримониальным союзом или личной близостью, подразумевалась с самого начала в качестве своеобразной презумпции.

Четвертый же и наиболее интересный для нас этап наступает в ту пору, когда в очередной раз нарастает интенсивность военного противостояния Руси с кочевниками. Именно тогда, на наш взгляд, на свет появляется целая группа наследников половецкой элиты, носящих русские княжеские имена. Число их столь заметно, что позволяет говорить о своеобразной антропонимической моде на такого рода номинацию среди наиболее могущественных половецких правителей.

Разумеется, термин «антропонимическая мода», коль скоро речь идет об эпохе Средневековья, отчасти

обречен остаться лишь более или менее удачной метафорой — в выборе имен для представителей правящих кланов отражаются настолько глубокие и системные явления стратегии и тактики власти, что здесь находится весьма мало места для чего-то случайного и немотивированного. Русские княжеские имена появляются у сыновей тех половецких правителей, которые поддерживают союзнические отношения друг с другом и наиболее тесно — в мире и в войне — соприкасаются с Рюриковичами. Иными словами, появление русских имен зачастую олицетворяет, с одной стороны, наличие более или менее длительных союзов половецких князей с русскими, и, с другой, присутствие, как это ни парадоксально, весьма долгосрочных союзов степных правителей между собой.

История этих антропонимов — одно из средств приподнять завесу над целыми схемами многоходовых комбинаций во взаимоотношениях русско-половецкой элиты последней трети XII — первых десятилетий XIII в. Межконфессиональное противостояние двух миров, русского и половецкого, как и противостояние собственно военное, в ту пору отнюдь не ослабевает. Тем не менее, большинство династических имен, которые половцы в это время заимствуют у русских, оказываются именами христианскими. По-видимому, такое положение дел определяется культурным и функциональным статусом подобных имен у самих русских князей, с которыми приходилось договариваться половцам, — их использование (в отличие от большинства мирских княжеских имен) не являлось исключительной привилегией рода Рюриковичей, а потому в их глазах бы-

ло вполне допустимым инструментом для налаживания связей с кочевниками.

Междинастические браки в полной мере остаются неотъемлемым конструктивным элементом русско-половецкого взаимодействия. Женитьба и имянаречение, применяясь то порознь, то в совокупности, оказываются действенными средствами закрепления возникающих коалиционных отношений. При этом ритм русско-половецких браков, который постепенно складывался с начала столетия, все больше встраивается в некий ритм внутридинастических отношений между самими Рюриковичами. Действительно, не только в середине, но и в начале XII в. мы можем наблюдать, как свадьба русского княжича с половчанкой становится своеобразным инструментом быстрого тактического реагирования — князя только что воевали с кочевниками, теперь с ними заключен мир, но мир этот сам по себе нестабилен, а преимущества, которые можно из него извлечь, ненадежны, если он не принял форму брака между представителями недавно противоборствующих родов. Таким же образом договорные отношения могут устанавливаться и в XIII в. — подобно тому, как Владимир Мономах, заключив мир с половцами, женит своего малолетнего сына Юрия на дочери Аепы Осенева, веком позже его внук Всеволод Большое Гнездо после успешного антиполовецкого похода устраивает для своего сына-подростка брак со степной княжной, дочерью Юрия Кончаковича (см. *Рус. I* на с. 90). Однако собственно русская династическая семантика этих матримониальных актов совпала лишь отчасти. Если Владимир Мономах действо-

вал здесь одновременно со своим кузеном и соперником Олегом Святославичем и стремился уравновесить собственные половецкие связи с аналогичными связями потомков Святослава Ярославича, то его внуку уже приходилось учитывать весь накопившийся фонд русско-половецких отношений, когда со степняками успешно породниться большинство могущественных княжеских домов, а потому, враждуя и объединяясь друг с другом, едва ли не все они находили случай привлечь на свою сторону те или иные группировки кочевников.

С другой стороны, не следует забывать, разумеется, что борьба с половцами, как и прежде, остается своеобразным знаменем единения династии, заставляющим кооперироваться различные ветви русского княжеского рода. В летописном изложении эта тенденция прослеживается особенно отчетливо. Достаточно вспомнить, например, фрагмент Новгородской первой летописи, посвященный финалу интересующего нас периода отношений с половцами — преддверию битвы на Калке и этой битве как таковой [ПСРЛ, III, 61–63, 264–267]. В глазах летописца новая грозная опасность — нашествие незнаемого кочевого народа — в значительной степени меркнет на фоне неприятностей, доставляемых половцами, противником привычным. Гибель и несчастья половецких князей, со многими из которых русские князья успели породниться, рассматривается как заслуженная кара за их безбожие и кровопролития, совершенные ими на русской земле. Хищничество половецких союзников предстает злодеянием едва ли не более тяжким, чем вероломное убийство множества пленных князей новыми захватчиками, монголами. Да-

леко не бесспорной в глазах летописца является и самая идея объединения с половцами против этого врага, Русь прежде непосредственно не затрагивавшего.

Обращаясь к перспективе стороны половецкой, собственных письменных памятников нам не оставившей, также необходимо помнить, например, что о массовом проникновении русских княжеских антропонимов в именослов кочевой элиты говорить все-таки не приходится. Корпус такого рода именований у половцев всегда остается весьма ограниченным, никакой тотальной русификации ономастикона не происходит — «свои» имена остаются куда более употребительными, сколь бы ни были удобны в иных ситуациях антропонимы русские.

Однако, в очередной раз обозначив высоту барьера, существующую между двумя традициями, мы не можем вновь и вновь не отмечать явную интенсификацию культурных контактов между ними в рассматриваемый период. Точнее было бы сказать, что последние десятилетия XII века и первые десятилетия XIII позволили с особенной наглядностью проявиться тому запасу совместно выработавшихся практик, церемониалов и терминов, который накопился за долгие годы взаимодействия. Мы не всегда можем сказать, чем обусловлена эта наглядность — возросшей ли теснотой самих контактов или возросшим вниманием к ним письменных текстов. По всей видимости, одно естественным образом влекло за собой другое.

Здесь достаточно даже беглого взгляда на те церемониальные аспекты международной жизни, которые традиционно вызывают интерес у исследователей Сред-

невековья. Весьма выразительна, к примеру, четкость пространственной локализации сторон при переговорах вновь занявшего стол русского князя с половцами. Кто, куда и в каком порядке должен выдвигаться, — все это явно подчинено некой строгой регламентации, правилам почти шахматным, любое отступление от них значимо и может вести к частным дипломатическим неудачам или срывам всего переговорного процесса — дипломатия здесь чрезвычайно оперативно переходит в военные действия. Сопоставление летописного повествования с текстом «Слова о полку Игореве» позволяет проследить, каким сложным церемониалом было обставлено пребывание у половцев пленных русских князей, насколько значима была в подобных ситуациях этикетная составляющая и сколь тесен повседневный контакт между «гостем» и принимающей стороной.

Этикетные практики подобного рода начинают, скорее всего, складываться задолго до конца XII столетия, к сожалению, источники далеко не всегда дают нам возможность проследить процесс их формирования, но мы все же обладаем некоторыми фрагментарными данными, из которых можно извлечь, например, отдельные детали благополучного регистра пребывания половца в гостях у русского князя. Характерно, впрочем, что и здесь постоянно оставалась возможность мгновенного дезавуирования всех этих церемониально оформленных процедур и коварного умерщвления пленника или гостя.

Обмен дарами, эта важнейшая часть средневековой переговорной практики, также приобретает разнообраз-

разный и многоступенчатый характер, несущий черты взаимопроникновения двух культур, который, по видимому, был еще неведом в эпоху Владимира Мономаха, хотя ему, как мы знаем, не единожды случалось подносить миротворческие дары своим кочевым соседям. В конце же столетия его потомки не уступают в использовании этих церемониальных практик своим давним оппонентам Ольговичам, подобно тому как и те, и другие могут оказаться своеобразными донорами русских княжеских имен для половцев.

Русско-половецкие контакты как таковые с татаро-монгольским нашествием не исчезают бесследно — здесь вообще едва ли может быть подведена какая-то строгая хронологическая черта. Однако в отношениях двух элит наблюдаются изменения более чем существенные. Впервые из летописи мы узнаем о крещении половецкого князя, явно предпринятом ради упрочения связи с русскими союзниками. С другой стороны, на глазах уходит в прошлое брак как форма междинастического взаимодействия — матримониальная практика в данном случае оказывается надежным индикатором значимости данных контактов или, говоря точнее, правомочности контактирующих сторон. Последнее — после большого перерыва — косвенное упоминание подобного союза между Рюриковичем и половчанкой присутствует в статье Галицко-Волынской летописи под 6761 г., и речь в ней идет о том, что у князя Даниила Романовича был половецкий сват по имени *Тегак*, участвовавший вместе с ним в военном походе [ПСРЛ, II, 818]. В конце 20-х годов XIII в. молодому Даниилу Галицкому еще случалось напоминать

половецкому князю Котяну об имевшемся между ними свойстве (Даниил был женат на его внучке, дочери Мстислава Мстиславича), дабы использовать это свойство в многостороннем конфликте, в который вовлечены не только Рюриковичи, но и еще одна группа их родственников и свойственников — польские и венгерские династы [ПСРЛ, II, 753].

Однако при всей значимости половецкого свойства в этом последнем сюжете нельзя забывать о том, что оно явилось следствием матримониального союза, заключенного за несколько десятилетий до описываемых событий. Между уже упоминавшимся сообщением о женитьбе Ярослава, сына Всеволода Большое Гнездо, на половчанке и сообщением о половецком свойстве Даниила Романовича (продолжавшемся, по-видимому, не так уж долго) пролегло почти полвека. Более же поздние случаи браков Рюриковичей с дочерьми вождей этого народа нам неизвестны. Иными словами, эпоху, открывающуюся битвой на Калке и завершающуюся к середине 50-х годов XIII в. можно условно охарактеризовать как период стремительного угасания волны русско-половецких матримониальных договоров и постепенного ослабления русско-половецкого взаимодействия в целом. На этом временном отрезке, после гибели Юрия Кончаковича и Даниила Кобыковича, летописцы перестают упоминать какие-либо русские имена половецких вождей.

СОКРАЩЕНИЯ И ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович 1911 — Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911. (Памятники славяно-русской письменности, изд. Императорскою Археографическою комиссиею 2.)
- Алексеев 1980 — Л. В. Алексеев. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
- Анна Комнина — Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч., ст. и коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1996. (Византийская б-ка; Источники).
- Баскаков 1971 — Н. А. Баскаков. К этимологии половецких собственных имен в «Слове о полку Игореве» (Шарокань, Кончак, Гзак, Кобяк, Овлур) // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. И. Борковского. М., 1971 (с. 38–45).
- Баскаков 1985 — Н. А. Баскаков. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
- Бережков 1963 — Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Васильевский 1930 — В. Г. Васильевский. Труды. Т. IV. Л., 1930.
- Воронин & Жуковская 1976 — Н. Н. Воронин, Л. П. Жуковская. К истории смоленской литературы XII в. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976 (с. 69–79).

- Гарданов 1959 — В. К. Гарданов. Кормильство в Древней Руси (К вопросу о пережитках родового строя в феодальной Руси IX — XIII вв.) // Советская этнография. 1959. № 6 (с. 40–58).
- Гарданов 1962 — В. К. Гарданов. «Дядьки» в Древней Руси // Исторические записки. 1962. № 71 (с. 236–250).
- Гизель — Келейный летописец святителя Димитрия Ростовского с прибавлением его жития, чудес, избранных творений и Киевского Синописа архимандрита Иннокентия Гизеля. [Б. м. изд.], «Паломник», 2000.
- Гиппиус 2003 — А. А. Гиппиус. Рагоуиль: Страница из истории русского именослова // Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. München, 2003. (Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники. Bd. 19.) (с. 144–154).
- Гиппиус 2005 — А. А. Гиппиус. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005 (с. 99–114).
- Гиппиус 2006 — А. А. Гиппиус. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / Ed. By J. Nuorluoto. Helsinki, 2006. (Slavica Helsingiensia 27.) (с. 93–108).
- Гиппиус & Успенский 2000 — А. А. Гиппиус, Ф. Б. Успенский. К вопросу о соотношении языческого и христианского имени. Древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // Славяне и их соседи. Христианский мир между Римом и Константинополем. Материалы конференции. М., 2000 (с. 29–36).
- Гиппиус & Михеев 2011 — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. Заметки о надписи-граффити Новгородского Софийского собора. Ч. III // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. Вып. 2 (44): Июнь (с. 37–57).

- Голден 2008 — П. Б. Голден. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. VI: Золотоордынское время. Донецк, 2008 (с. 309–340).
- Голубинский 1903 — Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
- Голубовский 1884 — П. [В.] Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX — XIII вв. Киев, 1884.
- Голубовский 1889 — П. [В.] Голубовский. Половцы в Венгрии // Университетские известия. Год 29. № 12. Киев, 1889.
- Гордлевский 1947 — В. А. Гордлевский. Что такое *босый волк*? // Известия АН ОЛЯ. 1947. Т. VI/4 (с. 317–337).
- Горчаков 1868 — М. Горчаков. Монастырский приказ (1649–1725 гг.): Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868.
- Грушевський, I–XI — М. Грушевський. История України-Руси в одинадцяти томах, дванадцяти книгах. Львів; Київ, 1904–1922. (Репринт: Київ, 1992–1994.)
- Гуркин 1999 — С. В. Гуркин. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях <часть 1-я> // Донская археология. 1999. № 2 (с. 40–50).
- Гуркин 1999-а — С. В. Гуркин. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях <часть 2-я> // Донская археология. 1999. № 3–4 (с. 41–54).
- Житие Давида — Житие царя царей Давида // Символ. 1998. № 40 (с. 275–300).
- Затилюк 2008 — Я. Затилюк. Грамота Андрія Боголюбського Києво-Печерському монастирю // Ruthenica. 2008. Т. VII (с. 215–235).
- Зотов 1892 — Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

- Ивакин 1901 — *И. М. Ивакин*. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1: Поучение детям, Письмо Олегу и отрывки. М., 1901.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности (имп.) Академии наук. Т. I–XXXII. СПб./Пг./Л., 1896–1927.
- Истрин 1897 — *В. [М.] Истрин*. Откровения Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследования и тексты. М., 1897.
- Истрин 1920 — *В. М. Истрин*. Книги временных и образных Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе (Текст, исследование, словарь). Т. I: Текст. Пг., 1920.
- Каган 1995 — *М. Д. Каган*. Гзак // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I–V. М., 1995. Т. II (с. 23–24).
- Карамзин, I–III — *Н. М. Карамзин*. История государства российского. Издание пятое в трех книгах. СПб., 1842–1843. (Репринт: М., 1988.)
- Кушелев-Безбородко, I–IV — Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. I–IV. СПб., 1860–1862.
- Литвина & Успенский 2006 — *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Литвина & Успенский 2010 — *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010.
- Литвина & Успенский 2010-а — *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: Матримониальные стратегии и легенды власти // Славяне и их соседи. XXV конференция памяти В. Д. Королюка: Предания и мифы о происхождении власти

эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М., 2010 (с. 78–82).

Литвина & Успенский 2012 — А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. Сентябрь 2012 г. № 3 (49) (с. 45–68).

Литвина & Успенский 2012-а — А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности / Отв. ред. А. А. Горский. М., 2012 (с. 135–169).

Литвина & Успенский 2013 — А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» и «сват(ь)ство» // Die Welt der Slaven. 2013. Jahrgang LVIII/2 (с. 308–325).

Литвина & Успенский 2013-а — А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. «Сватьством обуемшися»: Дозволенное и недозволенное свойство в княжеских браках 40–60-х годов XII в. <часть 1-я> // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. Июнь 2013 г. № 2 (52) (с. 25–36).

Литвина & Успенский 2013-б — А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. «Сватьством обуемшися»: Дозволенное и недозволенное свойство в княжеских браках 40–60-х годов XII в. <часть 2-я> // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. Декабрь 2013 г. № 4 (54) (с. 87–94).

Ляскоронский 1913 — В. [Г.] Ляскоронский. Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. По поводу сорокалетия его ученой и пятидесятилетия учено-литературной деятельности: История — История литературы — Архео-

- логия — Языковедение — Философия — Педагогика. Казань, 1913 (с. 281–296).
- Мелиоранский 1905 — П. М. Мелиоранский. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени // ИОРЯС. 1905. Т. X/4 (с. 109–134).
- Менгес 1979 — К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- Молчанов 1997 — А. А. Молчанов. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Памяти В. Д. Белецкого. СПб.; Псков, 1997 (с. 80–84).
- Назаренко 1984 — А. В. Назаренко. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.): Бавария — Австрия // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1982 год. М., 1984 (с. 86–129).
- Назаренко 2001 — А. В. Назаренко. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Назаренко 2009 — А. В. Назаренко. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
- Осіп'ян 2005 — О. Осіп'ян. Поширення християнства серед половців в XI–XIV ст. <часть 1-я> // Київська старовина. 2005. № 1 (с. 3–28).
- Осіп'ян 2013 — А. Л. Осіп'ян. Миграция, адаптация и интеграция кочевников в оседлом обществе: сравнительный анализ перехода половцев к оседлому образу жизни в Галицкой Руси и Венгерском королевстве в XIII–XV вв. // Тюркские племена и государства Евразии в древности и средние века. Казань, 2013.

- Пашуто 1968 — В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пилипчук 2013 — Я. В. Пилипчук. Кипчаки у християнському світі (питання адаптації та асиміляції) // Сходознавство. 2013. № 61 (с. 117–138).
- Пилипчук 2013-а — Я. В. Пилипчук. Етнополітичний розвиток Дашт-і Кипчак у IX–XIII ст. Київ, 2013.
- Плетнева 2010 — С. [А.] Плетнева. Половцы. М., 2010.
- Попов 1949 — А. И. Попов. Кыпчаки и Русь // Ученые записки ЛГУ. № 112. Серия исторических наук. 1949. Вып. 14 (с. 94–119).
- Попов 1969 — А. И. Попов. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования // Этимология, 1967. М., 1969 (с. 119–128).
- Попов 1973 — А. И. Попов. П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке // Тюркологический сборник 1972. М., 1973 (с. 35–50).
- Поппэ 1973 — А. Поппэ. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // Russia Mediaevalis. 1973. Т. I (с. 6–29).
- Поппэ 1995 — А. Поппэ. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // Russia Mediaevalis. 1995. Т. VIII/1 (с. 21–68).
- Пресняков 2008 — А. Е. Пресняков. Кормилец, воевода, тысяцкий // ИОРЯС. 2008. Т. XIII/1 (с. 148–174).
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2009. (В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание.)
- Рапов 1977 — О. М. Рапов. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.
- РИБ — Русская историческая библиотека. Т. I–XXXIX. СПб./Пг./Л., 1872–1927.

- Рогерий — *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении венгерского королевства татарами / Пер., вступ. ст. и комм. А. С. Досаева. СПб., 2012.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Вып. I–X. М., 1988–2013 (издание продолжается).
- Сергий, I–III — *Архиепископ Сергий (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. Т. I–III. Издание второе, исправленное и дополненное. Владимир, 1901. (Репринт: М., 1997.)
- Синописис 1798 — Синописис или краткое описание от различных летописцев, о начале славенского народа, о первых Киевских князьях, и о житии Святого Благоверного и Великого князя Владимира, всея Руси первейшаго самодержца, и о его Наследниках, даже до Благочестивейшаго Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексиевича. Осмым тиснением изданное. СПб., 1798.
- СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I–XXIX. М., 1975–2011 (издание продолжается).
- Срезневский, I–III — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1890–1912. (Репринт: М., 2003.)
- Татищев — *В. Н. Татищев*. История Российская / Подгот. к печати М. П. Ирошниковой, З. Н. Савельевой; Под ред. А. И. Андреева, С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова. Т. I–VII. М.; Л., 1962–1968.
- Творогов 1995 — *О. В. Творогов*. Овлур (Влур) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I–V. М., 1995. Т. III (с. 344–346).
- Толочко 2003 — *П. П. Толочко*. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.
- Толочко 2007 — *П. П. Толочко*. О значении и происхождении летописного слова «сайгат» // *Ruthenica*. Т. VI. Київ, 2007 (с. 356–359).

- Тупиков 1903 — Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. (Репринт: М., 2005.)
- Б. А. Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002.
- Ф. Б. Успенский 2001 — Ф. Б. Успенский. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Ф. Б. Успенский 2002 — Ф. Б. Успенский. Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Ф. Б. Успенский 2006 — Ф. Б. Успенский. Овлур (Влур) — Лавр (Лавор). Еще раз о древнерусской двуименности и о человеке, спасшем князя Игоря из половецкого плена // Собрание сочинений: К шестидесятилетию Льва Иосифовича Соболева. М., 2006 (с. 577–591).
- Фасмер, I–IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка в четырех томах / Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина, пер. с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Издание третье. Т. I–IV. М., 1996.
- Федоров-Давыдов 1966 — Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М., 1966.
- Храпачевский 2009 — Золотая Орда в источниках. Том третий: Китайские и монгольские источники / Пер., сост., введ. ст. и комм. Р. П. Храпачевского. М., 2009.
- Щавелева 1986 — Н. И. Щавелева. О княжеских воспитателях в Древней Польше // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985 год. М., 1986 (с. 123–131).

- Annales regum Hungariae... — Annales regum Hungariae: ab anno Christi CMXCVII ad annum MDLXIV / Ed. G. Pray. Pars 1. Vindobonae, 1763.
- Balzer 2005 — O. Balzer. Genealogia Piastów. Kraków, 2005.
- Baumgarten 1927 — N. Baumgarten. Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. Roma, 1927. (Orientalia Christiana 9: 1, Num. 35, Maio.)
- Donskoï 1991 — D. Donskoï. Généalogie des Rurikides. 1re Partie: IX–XIVe S. Rennes, 1991.
- Dąbrowski 2012 — D. Dąbrowski. Daniel Romanowicz, król Rusi (ok. 1201 — 1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012.
- Fask. — Fagrskinna / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1902–1903. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur 30.)
- Golden 1979–1980 — P. B. Golden. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. III–IV/1 (c. 296–309).
- Golden 1984 — P. B. Golden. Cumanica I: The Qipcaqs in Georgia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. Vol. IV (c. 45–87).
- Golden 1990 — P. B. Golden. The peoples of the south Russian steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia / Ed. D. Sinor. Cambridge, 1990 (c. 256–284).
- Golden 1998 — P. B. Golden. Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia // Central Asiatic Journal. International Periodical for Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia. 1998. Vol. XLII/2 (c. 180–237).
- Jakobson 1966 — La Geste du Prince Igor'. (B). Édition critique du Slovo: I. Texte annoté // Roman Jakobson. Selected Writings. Vol. IV: Slavic Epic Studies. Paris, 1966 (c. 133–150).
- Knýtl. — Sögur Danakonunga. Sögubrot af fornkonungum. Knytlingasaga / Utg. af C. Petersens och E. Olson. Køben-

- havn, 1919–1925. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur 46.)
- Lampert — Lamperti monachi Hersfeldensis opera / Ed. O. Holder-Egger. Hannover; Leipzig, 1894. (MGH SS rer. Germ. 38.)
- Melnyk 2013 — *M. Melnyk*. On the issue of the authenticity of the names of Pecheneg rulers in the Nikonian chronicle // The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on his 70th Birthday / Ed. by F. Curta, B. P. Maleon. Iași, 2013 (c. 151–158).
- MGH SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum (in folio). Hannoverae.
- Peliot 1959 — *P. Peliot*. Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris, 1959.
- Pritsak 1967 — *O. Pritsak*. Non-‘wild’ Polovtsians // To honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday, 11 October 1966. Vol. I–III. Paris, 1967. (Janua Linguarum. Series Major XXXII.) Vol. II (c. 1615–1623).
- Rogerii Miserabile Carmen... — Rogerii Miserabile carmen super destructione regni Hungariae per Tartaros facta / Ed. L. de Heinemann // MGH SS. T. XXIX. Hannoverae, 1892.
- Sinor 1995 — *D. Sinor*. Western information on the Kitans and some related questions // Journal of the American Oriental Society. 1995. Vol. CXV/2: Apr. – Jun. (c. 262–269).
- SmHD. — Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / Ed. M. Cl. Gertz. Bd. I–II. Kopenhagen, 1917–1922.
- Toumanoff 1990 — *C. Toumanoff*. Les dynasties de la Caucasic chrétienne de l’Antiquité jusqu’au XIXe siècle ; Tables généalogiques et chronologiques. Rome, 1990.
- Zajączkowski 1949 — *A. Zajączkowski*. Związki językowe połowiekosłowiańskie. Wrocław, 1949. (Travaux de la Société des Sciences et des Lettres de Wrocław, seria A, nr. 34.)

RUSSIAN NAMES OF CUMAN PRINCES

Cross-dynastic contacts through the prism of anthroponymics

This study focuses on the interaction between Russian princes and nomadic Cumans (Qipčaq, Polovcians). The starting point of our work are names and family ties of individual Cumans captured in the oldest Russian chronicles which represent "minimum quanta" of the historical information. N. M. Karamzin in the notes to his History drew attention to the fact that some of the names of the Cuman families representatives are obviously associated with Russia. These "Russian" names, in our opinion, are the most important indicator of the cross-dynastic interaction, contacts between Russia and the nomadic world..

What is the composition of the corpus of Russian names of Cuman elite representatives?

In essence, it consists of only a very limited number of anthroponyms: *Yuri (George), Daniil, Roman, Gleb, Yaropolk, Davyd (?)*, *Vasili*. It is crucial that all of these names are regularly used as dynastic by the Rurikids in the 11th — beginning of 13th century. Most of the names, borrowed by Cumans from Russians, are Christian names.

At the same time attention is drawn to the non-trivial distribution reflected in the information of sources; while discovering Christian names of some representatives of the highest Cuman nobility, we do not find any mention of the fact that any of the owners of these names, their fathers and other close male relatives took baptism. On the contrary, they are consistently characterized as pagans. Moreover, ancient chro-

nicles contain no reports of Cuman princes taking baptism until the beginning of the Tataro-Mongol invasion.

Interestingly, Christian names of those few Cumans of whose conversion we can speak more or less confidently cannot be found in any records, whether it is a Cuman wife of a Russian prince, an anonymous monk of Kiev-Pechersk Monastery, an author of an inscription on the church wall or a powerful Cuman Prince, who was baptized on the eve of the Battle of the Kalka.

In our work we have sought to demonstrate that the cause of the appearance of Russian names in this environment is a cross-dynastic, intergenetic anthroponymic communication, a desire to consolidate the alliance with the Russian princes, but not a conversion of the male representatives of the Cuman elite. The set of "Russian" names used by Cumans allows us to determine the circle of their "anthroponymical donors" among the Rurikids and identify a number of rules and laws on which this communication in the language of names was carried out.

Научное издание

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

**РУССКИЕ ИМЕНА ПОЛОВЕЦКИХ КНЯЗЕЙ:
МЕЖДИНАСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТРОПОНИМИКИ**

Ответственный редактор – *Ю. В. Казарлицкий*

Оригинал-макет и дизайн обложки:
М. Н. Толстая

Подписано в печать 12.11.2013 г. Объем 17,5 п.л.
Гарнитура Palatino. Тираж 1000 экз. Формат 70х100 1/32.